

НЕ ПОДАТСЯ

K-789-00

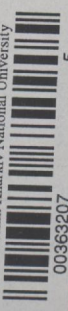
066324

VII. 793

4

V.N. Karazin Kharkiv National University

00363207

5

8

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

K-789-9.c.

ДВА СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Іосифа КРАШЕВСКАГО.

VII-793

VII-795

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Н. Ѳ. Мертца.
1899.

8

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 іюня 1899 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I

Выѣхавъ изъ Шуры, Юліанъ и Алексѣй долго не говорили другъ съ другомъ; оба они думали о старцѣ, произведшемъ на нихъ глубокое впечатлѣніе. Чуждый намъ элементъ всегда производитъ въ душѣ безпокойство, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока мы не побѣдимъ его или не согласимъ съ нашими собственными взглядами. Мысль въ области духа тоже, что химическій реагентъ въ области матеріи. Какъ послѣдній все приводитъ въ движеніе или останавливаетъ, преобразуетъ или уничтожаетъ, такъ и мысль никогда не проходитъ въ насъ безъ послѣдствій. Алексѣй и Юліанъ не могли согласиться со многимъ, высказаннымъ старцемъ, и усиливались создать себѣ какое-нибудь среднее убѣжденіе, чтобы при помощи его уяснить себѣ взгляды Аванасія и примирить ихъ съ собственными воззрѣніями на свѣтъ.

Наконецъ, на половинѣ дороги задумчивость ихъ стала разсѣиваться. Они взглянули другъ на друга и начали разговоръ.

— Какъ показался тебѣ мой дядя?—спросилъ Юліанъ.

— Очень необыкновеннымъ человѣкомъ. Признаюсь, я еще до сихъ поръ раздумываю о его словахъ; этотъ величавый старецъ стоитъ еще у меня передъ глазами.

— Президентъ,—сказалъ Юліанъ съ улыбкою,—самъ въ глубинѣ души знатный панъ, зоветъ его не иначе, какъ аристократомъ о Христѣ: это можетъ быть, остроумно, но...

— Несправедливо, — перебилъ Алексѣй. — Его фаталистическая вѣра въ назначеніе аристократіи не вполне согласна съ моими убѣжденіями, но, по моему, понятія пана Аѳанасія, вѣроятно, гораздо лучше идей президента. У пана Аѳанасія есть какое-нибудь основаніе, есть пунктъ, къ которому сводятся всѣ другія понятія, именно — дѣло спасенія и вѣра, а президентъ, можетъ быть, и въ костелѣ поставилъ бы шляхту у порога, да еще приказалъ бы ей молиться шопотомъ, чтобы не мѣшала панамъ. Въ наше время, да, кажется, и во всякое другое, невозможно обойтись безъ превосходства однихъ людей надъ другими. Въ геніѣ всегда есть аристократизмъ. Уравнять человѣчество въ отношеніи ума, сердца и духа невозможно, хотя я не понимаю исключеній ради древности происхожденія, но, съ другой стороны, не понимаю и безумной, дикой мысли всеобщаго равенства: геній не терпитъ ея.

— Милый мой Алексѣй, ты аристократъ гораздо болѣе, чѣмъ я, — отвѣчалъ Юліанъ съ улыбкою. — Не соглашаясь съ дядею Аѳанасіемъ въ фаталистическомъ назначеніи древнихъ фамилій, я, впрочемъ, готовъ допустить предназначеніе для отдѣльной личности, основанное на дарахъ Божіихъ: геніѣ, сердцѣ, волѣ. Для чего, напримѣръ, дядя хочетъ сдѣлать меня невольникомъ моего прошедшаго, хочетъ принудить меня къ самопожертвованію ради имени, ради могилъ предковъ, ради какого-то величія, котораго я не желаю? За что онъ обрекаетъ меня на отреченіе отъ собственной воли, отъ свободы дѣйствій и добровольнаго выбора моей карьеры?

— Понимаю, — воскликнулъ Алексѣй, — тебѣ хотѣлось бы мечтать, отдыхать, наслаждаться. Ты боишься труда!

— Нѣтъ, но я внутренно сознаю себя неспособнымъ трудиться. Винавать ли я, что не созданъ для труда. О, знаю, знаю, какое счастье создалъ бы я для себя въ тихомъ, прекрасномъ гнѣздышкѣ! Поля играла и пѣла бы мнѣ; я глядѣлъ бы въ ея голубые глазки, цѣловалъ бы ея нѣжныя щечки, деревья шумѣли бы надъ нами и невозмутимое спокойствіе окружало бы насъ!

— Юліанъ! Опомнись... Это запрещенный плодъ... счастье на землѣ? Гдѣ ты видѣлъ его?.. Сотворены ли мы для него? Стоитъ ли гоняться за тѣмъ, что не можетъ быть прочно?

— Ахъ, только бы одну минуту счастья, а потомъ я готовъ страдать всю жизнь: воспоминанія утѣшали бы меня.

— Ты молодецъ, Юліанъ!

— Нѣтъ! Но меня сильно, сильнѣе, чѣмъ тебя, тяготитъ неволя, — съ отчаяніемъ воскликнулъ Карлинскій. — Я не могу идти туда, куда влечетъ сердце, я не могу жить такъ, какъ хочу; создать будущее невозможно, — всюду препятствія.

— Но развѣ бываетъ иначе въ жизни?

— О, есть и счастливыцы! — произнесъ Юліанъ. — Первый — ты. Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ!

Алексѣй горько разсмѣялся.

— Я? Но что же счастливаго нашелъ ты въ моемъ положеніи? Бѣдность? Развѣ, въ свою очередь, я также не невольникъ моей матери, ея понятій о счастьѣ и житейскихъ обязанностяхъ! Развѣ я не принужденъ продать себя за свободу братьевъ? Я невольникъ моей доли, мое положеніе безвыходно. Извини, если я скажу тебѣ правду. Тебя сильно занимаетъ одна мысль, ты постоянно видишь во мнѣ одно и то-же, то есть, человѣка, имѣющаго возможность жениться на Полѣ и жить съ нею счастливо — не правда ли? Но послушай, другъ, — въ мірѣ есть различныя предназначенія, но Богъ въ одинаковой степени одарилъ старшихъ и младшихъ дѣтей своихъ: Онъ никого не обидѣлъ. Жизнь природы, среди которой Творецъ поставилъ насъ, совершается по ненарушиму закону, въ силу котораго, все, что мы имѣемъ, и что испытываемъ и терпимъ, у всѣхъ окажется поровну — и горестей и счастья. Ты назовешь мои слова софизмомъ, но въ сущности это чистѣйшая правда, безъ которой свѣтъ былъ бы для насъ непонятенъ. На землѣ все существуетъ такъ, какъ должно быть, по заслугамъ людей. Богачи и знатные, повидимому, болѣе бѣдняковъ наслаждаются дарами природы, но поэтому-то самому скорѣе пресыщаются наслажденіями. Кромѣ того, ужели холодъ и голодъ, переносимые бѣдняками, мучительнѣе болѣзней и горестей, какимъ неизбежно подвержены изнѣженные богачи? Напротивъ, болѣзни бѣдняковъ гораздо сноснѣе, потому что богачи не привыкли къ страданіямъ. Голодному кусокъ хлѣба — лакомое блюдо; для истощеннаго удовольствіями самое изысканное кушанье приторно и без-

зкусно. Если богачъ избѣгаетъ извѣстныхъ страданій, то, съ другой стороны, встрѣчаетъ и такія, отъ которыхъ ничто не спасетъ его. Слѣдовательно, и въ томъ, и другомъ случаѣ количество счастья одинаково, и бѣднягу не въ чемъ завидовать богачу. Стало быть — ни я тебѣ, Юліанъ, ни ты мнѣ не долженъ завидовать. Теперь взглянемъ на другую сторону вопроса.

— Говори, пожалуйста, говори, Юліанъ.

— Не знаю, принесутъ ли намъ пользу теперешнія разсужденія, потому что мы уже не разъ говорили объ этомъ предметѣ. Вы презираете, осмѣиваете насъ за то, что мы не имѣемъ вашей полировки и вашихъ обычаевъ.

— Охотно сознаюсь, что презрѣніе и смѣхъ нашъ преступны, — отвѣчалъ Юліанъ.

— Это не преступленіе, а просто глупость, — перебилъ Алексѣй. — Вы точно греки, называвшіе весь свѣтъ варварами, хотя въ простотѣ этихъ варваровъ было иногда жизни гораздо больше, чѣмъ въ цивилизаціи грековъ. Высшее общество, если не всегда, то часто отвергаетъ людей, не подходящихъ подъ его тонъ, хотя бы они были вполне достойны вниманія.

— Насчетъ этого скажу тебѣ, что скорлупа часто бываетъ горька, а что скрывается внутри не всегда бываетъ сладко.

— Правда; но какъ часто изъ-за наружности, надъ которою вы смѣетесь, какъ дѣти, вы не видите существеннаго — ихъ достоинства и превосходства.

— И это бываетъ.

— Вы держите себя слишкомъ высоко, а мы, своимъ униженіемъ, также много содѣйствуемъ укорененію въ васъ несправедливой гордости. Почему же вѣнность должна служить вѣвскою внутреннихъ достоинствъ только въ васъ, а не во всѣхъ сословіяхъ? Почему наряднаго глупца, болтающаго по-французски, вы предпочитаете человѣку мыслящему, говорящему роднымъ языкомъ и неодѣвающимся по модѣ?

— Со всѣмъ этимъ я согласенъ, — отозвался Юліанъ. — Только пожалуйста не заставляй меня любить твоихъ сосѣдей въ Жербахъ, не принуждай подъ ихъ куртками и сюртуками искать и угадывать высокія нравственныя достоинства.

— Ну, этихъ-то всѣхъ я онтомъ приношу тебѣ въ жертву, — отвѣчалъ Алексѣй съ улыбкою.

Молодые люди подъѣзжали къ Карлину. Вдали виднѣлись уже каменные дома мѣстечка, замокъ и старыя деревья сада, но въ аллеѣ изъ тополей, окружавшихъ часть пруда, кучеръ вдругъ остановилъ лошадей. Юліанъ выглянулъ изъ экипажа и увидѣлъ Анну и Полю съ слугою, идущихъ къ нимъ навстрѣчу.

Алексѣй и Карлинскій немедленно вышли изъ кареты, и, такъ какъ погода была прекрасная, вечеръ теплый и располагавшій къ прогулкѣ, то они присоединились къ паннамъ. Анна улыбкою поздоровалась съ братомъ и дружескимъ поклономъ привѣтствовала Алексѣя. Поля, вѣроятно, желая скрыть впечатлѣніе, которое производилъ на нее всегда Юліанъ, даже послѣ самой кратковременной разлуки, встрѣтила ихъ веселымъ восклицаніемъ:

— Вотъ что значитъ предчувствіе сестры! Мы какъ разъ, когда нужно, вышли изъ дому, чтобы встрѣтить васъ и заставить пройти съ нами. Всѣ разѣхались.

Анна только улыбнулась. Она показала Алексѣю еще прекраснѣе. Поля, встревоженная отсутствіемъ Юліана, съ румянымъ личикомъ и влажными отъ слезъ глазками, искала въ его взорахъ надежды, можетъ быть, опасаясь найти его сегодня уже не тѣмъ, чѣмъ видѣла вчера. Но этотъ страхъ былъ напрасенъ. Юліанъ каждый разъ возвращался все болѣе и болѣе влюбленнымъ въ нее.

— Какъ поживаетъ дядюшка Аѳанасій? — спросила Анна брата и вмѣстѣ Алексѣя.

Но Юліанъ въ это время страстно глядѣлъ на Полю, а Поля не спускала съ него своихъ глазъ. Алексѣй долженъ былъ выручить пріятеля.

— Мы застали пана Хорунжича со всѣмъ дворомъ его, — отвѣчалъ Алексѣй. — Онъ здоровъ, но, видя его первый разъ, не могу судить: лучше или хуже онъ противъ обыкновеннаго. Цѣлую ночь онъ рассказывалъ намъ исторію Карлинскихъ, всю обѣдню пролежалъ на полу и весь день питался только хлѣбомъ и водою.

— Необыкновенно твердый человѣкъ! — воскликнула Анна,

серьезно глядя на Алексѣя.—Какъ онъ вамъ понравился?

— О, это превосходный типъ! Я глядѣлъ на него съ удивленіемъ и до сихъ поръ думаю о нашемъ пребываніи въ Шурѣ, какъ о необыкновенномъ сновидѣніи. Онъ очень заботливо и съ чувствомъ спрашивалъ о васъ.

— Онъ любить меня столько, сколько сердце его способно любить что-нибудь земное,—отвѣчала Анна.—И я люблю его, какъ отца. Какъ жаль, что приходится слишкомъ рѣдко видѣть его! Его слова указали мнѣ путь жизни, изъ его устъ я приняла первый совѣтъ на тяжкомъ моемъ поприщѣ.

Анна потупила глаза.

— По моему мнѣнію, — продолжала она, задумавшись и какъ-бы разговаривая сама съ собою, — онъ, какъ нельзя лучше, понялъ назначеніе человѣка - христіанина, состоящее изъ безчисленныхъ жертвъ. Но не имѣя возможности сообщить своего убѣжденія другимъ и преобразовать свѣтъ, онъ рѣшился скорѣе удалиться отъ людей, жить въ уединеніи и представляться чудакомъ, чѣмъ отречься отъ правды. Какъ пришлецъ изъ чужой земли, онъ говоритъ какимъ-то другимъ, непонятнымъ для насъ языкомъ. Въ моихъ глазахъ это образецъ совершенства, олицетворенная святость!

Алексѣй слушалъ и ловилъ каждое слово Анны. Разговоръ, начатый объ Аѳанасіѣ, вскорѣ перешелъ на другіе предметы, и Анна, привыкнувъ считать Алексѣя домашнимъ другомъ, говорила съ нимъ откровенно. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Анною съ глубокимъ чувствомъ, окончательно ободрили все еще робѣвшаго Алексѣя. Въ ея присутствіи Дробицкій признавалъ себя ничтожнымъ существомъ; но когда Анна подала ему свою руку, Алексѣй почувствовалъ себя невыразимо счастливымъ, — каждое слово ея приводило молодого человѣка въ восторгъ. Въ свою очередь, и Анна съ каждою минутою лучше оцѣнивала Дробицкаго, при первой встрѣчѣ неприятно поразившаго ее своею наружностью. Она старалась поправить свою ошибку и, найдя въ Алексѣѣ здравый разумъ и благородное сердце, отражавшееся въ каждомъ его словѣ, стала обращаться съ нимъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ позволяло ихъ недавнее знакомство: она уже смотрѣла на Дробицкаго, какъ на друга,

— Вѣрно братъ описалъ вамъ, — продолжала Анна, — нашу здѣшнюю жизнь. Юліанъ такъ много жертвуетъ для насъ! Деревня, тишина, безпрестанныя, непріятныя, несоотвѣтственныя его силамъ занятія, изнуряють его. Но онъ спокойно переноситъ трудъ, потому что трудится для Эмилиа и для меня. Много, много на свѣтѣ невидимыхъ, неоцѣняемыхъ жертвъ, и въ моихъ глазахъ Юліанъ принадлежитъ къ числу ихъ.

— Однако, Юліанъ не жалуется и сознаетъ себя счастливымъ, — возразилъ Алексѣй. — Страданіе, если бы даже оно поразило его, развѣ не составляетъ великаго средства къ совершенствованію? Промыселъ часто посылаетъ намъ страданія, какъ даръ, но мы не умѣемъ понять его.

— И, вѣрте мнѣ, страданіе имѣетъ свою прелесть, — воскликнула Анна. — Страданіе тихое, христіанское, скрытое и освященное какою-нибудь важною цѣлью. Все, существующее въ мірѣ, прекрасно, — прибавила она съ улыбкою. — Какъ другъ Юліана, вы уже знаете наше положеніе; потому и я ничего не скрою отъ васъ. И намъ Богъ послалъ извѣстную долю горестей: мы имѣемъ мать, но живемъ какъ сироты — одни. Имѣемъ брата, но должны каждый день только плакать надъ нимъ; въ будущемъ не видимъ для себя ничего отраднаго. И, между тѣмъ, дайте мнѣ самую блестящую жизнь съ условіемъ, что меня вырвутъ изъ теперешняго круга страданій, гоните меня изъ здѣшней тишины — я буду плакать о нихъ.

— Потому что вы должны жить самоотверженіемъ и иная жизнь для васъ невозможна.

— Но развѣ моя жизнь можетъ быть названа жертвою? Я въ полномъ смыслѣ счастлива, сердце щедро платитъ мнѣ за все!

Такъ въ полголоса говорили Алексѣй и Анна, а позади ихъ Юліанъ и Поля вели другой разговоръ — нѣмой, тихій, но во стократъ болѣе жаркій. Уже дурной признакъ то, когда двое молодыхъ людей при встрѣчѣ не знаютъ о чемъ говорить, когда глаза ихъ потупляются, губы дрожатъ, каждое произнесенное слово тревожитъ, когда они хотятъ и не могутъ быть равнодушны. Тогда уже ничто не можетъ быть для нихъ незанимательно: они начнутъ разговоръ о постороннихъ лю-

дыхъ и заговорять о себѣ, станутъ разсуждать о погодѣ, — и самые обыкновенные предметы получать для нихъ особое, имъ однимъ понятное, значеніе; среди многочисленнаго общества скажутъ они другъ другу холодное слово, но подъ его оболочкой будетъ скрываться огонь.

Поля всегда умѣла говорить съ Юліаномъ такъ, что, въ сущности не сказавъ ничего и разсуждая, повидимому, о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, обнаруживала много чувства и ума; но теперь она была такъ взволнована, такъ беспокоилась и дрожала, что — бѣдная — не находила словъ для разговора. Юліанъ еще менѣе способенъ былъ говорить и, принужденный таить въ себѣ чувства, которыя пламенно хотѣлъ бы открыть дѣвушкѣ, тоже не могъ найти предмета даже для самаго легкаго разговора. Поэтому молодые люди долго шли рядомъ въ молчаніи: онъ глядѣлъ то на небо, то на влажные отъ слезъ глазки Поли, она то разбивала паутину на вербахъ, то срывала цвѣты и вздыхала, будто тяжелое бремя давило грудь ея. Кто въ состояніи выразить — сколько иногда заключается словъ въ одной минутѣ молчанія!

— Сегодня вы печальны! — произнесъ Юліанъ почти шопотомъ.

— Нѣтъ, я только не хочу своимъ щебетаньемъ развлекать васъ отъ впечатлѣній, полученныхъ вами въ Шурѣ, — отвѣчала дѣвушка тихимъ голосомъ. — Панъ Аѳанасій вѣрно наплатилъ васъ спасительными наставленіями!

— Да, онъ почти всю ночь разсказывалъ намъ исторію Карлинскихъ.

Поля взглянула ему въ глаза.

— Впрочемъ, — живо прибавилъ молодой человѣкъ, — онъ ни мало не возбудилъ во мнѣ охоты подражать предкамъ: Богъ сотворилъ меня непохожимъ на моихъ прадѣдовъ.

— Кѣмъ-же именно Богъ сотворилъ васъ? — спросила шалунья, заглядывая ему въ глаза.

— Онъ сотворилъ меня слабымъ, вялымъ... эгоистомъ.

— Вы намѣренно черните себя, чтобы вызвать меня на комплименты.

— Какая вы недобрая! Нѣтъ! Откровенно признаюсь вамъ, — я желаю счастья, и надѣюсь, что имѣю на него нѣкоторое право.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы хотите счастья здѣсь, на землѣ?

— По крайней мѣрѣ, иногда я считаю его возможнымъ, доступнымъ...

— А я—никогда!—вдругъ прервала Поля, краснѣя, между тѣмъ какъ Юліанъ пристально смотрѣлъ на нее; потомъ, стараясь скрыть свое волненіе, она начала поправлять платокъ, закрывавшій бѣлыя плечи ея.

— Безъ сомнѣнія, каждый изъ насъ сумѣетъ придумать для себя счастье; но человѣческій расчетъ всегда какъ-то не сходится съ дѣйствительностью.

— Почему-же не мечтать, по крайней мѣрѣ? — спросилъ Юліанъ.

— Чтобы потомъ не разочаровываться! — отвѣчала Поля.

— Что-же вы находите тутъ нехорошаго?

— То, что въ подобныхъ случаяхъ мы всегда сильнѣе чувствуемъ свое положеніе.

— О чемъ вы такъ серьезно разсуждаете? — произнесла Анна, обратясь къ нимъ.—Сегодня я не узнаю Полю, потому что ни разу не видала ея улыбки.

— Ужели только по одной улыбкѣ ты узнаешь меня?—съ упрекомъ и вмѣстѣ весело спросила дѣвушка.

— Чаше всего—по ней. Ты такъ добра, что одна приносишь намъ веселье и поешь въ здѣшней клѣткѣ. Когда мы всѣ печальны, когда, можетъ быть, и тебѣ хотѣлось-бы плакать, ты еще усиливаешься улыбаться и утѣшать насъ.

— Анна говорить мнѣ комплименты!—воскликнула Поля.—Этого я никогда не ожидала отъ нея.

— Нѣтъ, это просто сушая правда,—это говоритъ моя благодарность. Среди насъ одна ты имѣешь и обнаруживаешь большую силу воли.

— Уже не хочешь-ли ты довести меня до слезъ?—перебила Поля.—Пожалуйста, перестань говорить обо мнѣ!

Въ эту минуту они остановились противъ садовой калитки, ведущей въ середину стараго парка. Юліанъ, нимало не думая, отворилъ ее; Анна съ Полей вошли въ садъ, мужчины пошли за ними.

— Ахъ, я забыла спросить о моемъ любимцѣ!—произнесла Анна, спустя минуту,—о панѣ Юстинѣ. Какъ онъ поживаетъ

тамъ? Юліанъ такъ невнимателенъ, что даже не привезъ мнѣ отъ него поклона.

Всѣ расмѣялись. Каждый разъ, какъ Юстинъ приходилъ въ Карлинъ, Поля, шутя преслѣдовала его своею любовью и хотъ искренно цѣнила поэта, но не могла удержаться отъ насмѣшекъ надъ нимъ, потому что замѣшательство и неразвязность Юстина очень забавляли ее.

— Юстинъ далъ слово, — отвѣчалъ Юліанъ, — въ одинъ изъ теперешнихъ прекрасныхъ дней, слушая по деревнямъ пѣсни и рассказывая разныя небылицы по дорогѣ, придти къ намъ пѣшкомъ со своимъ сердцемъ и поэмами.

— Да хотъ спросилъ-ли обо мнѣ этотъ неблагодарный?

— Какъ-же! Онъ много спрашивалъ меня о васъ, — отвѣчалъ Карлинскій.

— Какая-бы чудная была изъ насъ пара! — воскликнула Поля. — Онъ не имѣетъ ничего, кромѣ поэзіи, я также ничего, кромѣ сердца; онъ — самый восторженный изъ поэтовъ, я — самая прозаическая изъ всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ. Контрастъ превосходный! Онъ молчаливъ, я болтунья, вдобавокъ мы оба почти одного происхожденія. Ему слѣдовало бы влюбиться въ меня и жениться.

— Только подсядьте къ нему денька на два, и я ручаюсь за успѣхъ, — шепнулъ Юліанъ.

— Но вѣдь вы видѣли, что я пробовала это и убѣдилась только въ томъ, что онъ бѣгаетъ отъ меня, какъ отъ чумы, — продолжала Поля. — Я серьезно бы полюбила этого благороднаго и добродушнаго молодого человѣка, но онъ упорно избѣгаетъ меня.

Совершенно забывъ, что съ ними былъ посторонній человѣкъ, Анна, по привычкѣ, пошла по дорогѣ, ведущей въ уединенное мѣсто, гдѣ обыкновенно бѣдный Эмилій со старымъ слугою проводилъ самую теплую часть дня.

Алексѣй уже зналъ объ этомъ несчастномъ, но теперь увидѣлъ его въ первый разъ. Анна хотѣла воротиться, чтобы не подвергать брата равнодушному и любопытному взгляду посторонняго человѣка; но больной уже замѣтилъ ее или, вѣрнѣе, угадалъ предчувствіемъ, протянулъ руку и дикимъ голосомъ сталъ кричать ей, вырываясь изъ рукъ слуги, хотѣвшаго удержать его.

— Пойдемте къ нему,—произнесъ Юліанъ вполголоса. — Ты, Алексѣй, останься здѣсь, для тебя это будетъ непріятная картина, а для него каждое новое лицо страшно.

— Я провожу васъ въ замокъ,—перебила Поля.

— Нѣтъ, вы идите всѣ,—я не заблужусь!—проговорилъ Алексѣй, намѣреваясь уйдти отъ нихъ.

Анна уже побѣжала къ Эмилию, простиравшему къ ней руки—точно ребенокъ къ любимой нянькѣ. Безсильный и блѣдный глухонѣмой лежалъ на кожаномъ матрасѣ, разостланномъ на землѣ подъ большими деревьями. За минуту еще, по обыкновенію, онъ глядѣлъ на небо, на воду и деревья; но, увидя сестру, началъ метаться и порываться къ ней. Почти наравнѣ съ Анною, онъ любилъ и Полю, а потому, видя и ее, опять крикнулъ, выражая тѣмъ желаніе, чтобы и она подошла къ нему.

— Поля, пойдемъ со мною!—сказала Анна, обращаясь къ ней.—Бѣдный Эмилиѣ увидѣлъ тебя, вѣдь ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ.

— Ступай и ты, Алексѣй!—произнесъ Юліанъ, взявъ его подъ руку.—Посмотримъ, какое ты произведешь на него впечатлѣніе. Если онъ испугается тебя, то мы сейчасъ же уйдемъ вмѣстѣ; если нѣтъ, то видъ новаго лица можетъ развлечь его. Онъ одаренъ особеннымъ инстинктомъ понимать людей и, несмотря на свои недостатки, часто служитъ для меня оракуломъ. Ручаюсь, что бѣдный Эмилиѣ улыбнется тебѣ.

Анна изглянула на брата и ничего не сказала, потому что не хотѣла обнаружить своего опасенія. Всѣ подошли къ липѣ, подъ которою лежалъ глухонѣмой, бросая на вихъ любопытные взгляды. Вѣроятно, онъ уже прежде замѣтилъ Алексѣя, потому что зорь его сдѣлался безпокоенъ; раскрывъ ротъ, онъ долго смотрѣлъ на Дробицкаго, подобно птичкѣ, которая, осматриваясь на мѣстѣ, поворачиваетъ головку на всѣ стороны. Впрочемъ, онъ не вскрикнулъ, не сталъ метаться, какъ обыкновенно, при видѣ непріятнаго ему лица; легкая улыбка пробѣжала по бѣлому лицу его—онъ схватилъ руку Анны и не спускалъ глазъ съ Алексѣя.

— Видишь,—тихо проговорилъ Юліанъ,—онъ тебя не испугался!

Окруживъ глухонѣмого, всѣ стояли печальные и серьезные: чувство состраданія рѣзко отражалось на лицѣ каждаго, даже Поля пасупилась. Впрочемъ, глубже всѣхъ пораженъ былъ этою картиною Алексѣй, не привыкшій видѣть ее; рѣсницы молодого человѣка невольно покрылись влагою, и хотя онъ старался скрыть слезы, Поля и Анна замѣтили ихъ, и обѣ сумѣли оцѣнить это благородное, тихое состраданіе; этотъ случай далъ гостю новыя права на ихъ привязанность.

Нѣсколько минутъ продолжалось тяжелое для всѣхъ молчаніе. Наконецъ, Эмилій опустилъ руку Анны и заглядѣлся на небо, по которому плыла свѣтлая тучка, позлащенная лучами заходящаго солнца. Пользуясь этимъ случаемъ, Юліанъ первый тронулся съ мѣста, а за нимъ всѣ незамѣтно удалились въ темную аллею и въ задумчивости направились къ замку.

Когда они подошли къ крыльцу со стороны сада, Анна обратилась къ Алексѣю и, какъ-будто высказывая вслухъ мысль, начатую во время тихаго разговора, произнесла серьезнымъ тономъ:

— При видѣ такого несчастія, имѣемъ ли мы право жаловаться и роптать на свои мелкія непріятности? Кажется, Эмилій родился для того только, чтобы страдать! Жизнь не улыбается ему, потому что у него нѣтъ ни надежды, ни прошедшаго, ни будущаго; одаренный человѣческою мыслью, онъ долженъ стать почти на ряду съ существами, обиженными природою. Этотъ несчастный никогда не услышитъ голоса участія, не пойметъ слезы, которую мы роняемъ надъ нимъ. Бѣдный Эмилій!

— Бѣдный! Но, почему знать, не счастливѣе ли онъ всѣхъ васъ?—перебила Поля съ глубокимъ вздохомъ.—(нѣ глядитъ на небо, думаетъ, мечтаетъ, и если страдаетъ, такъ однимъ тѣломъ,—душа спитъ въ немъ, какъ спеленутый младенецъ въ колыбели... А мы?..

— Поля!—воскликнула Анна, стараясь образумить ее.

Принужденною улыбкою бѣдная сирота прервала разговоръ; ея взоръ встрѣтился съ глазами Юліана. Лужинны остались на крыльцѣ одни. Анна увела подругу съ собою.

II.

Алексѣй предполагалъ вечеромъ отправиться домой. Долгое отсутствіе изъ дому возбудило въ немъ безпокойство о матери, а, между тѣмъ, ему становилось все труднѣе и труднѣе разстаться съ Карлиномъ; каждая проведенная здѣсь минута все тѣснѣе и крѣпче привязывала его къ замку. Здѣшняя атмосфера, проникнутая печалью и спокойствіемъ, здѣшняя тишина, послѣ шума въ Жербахъ, послѣ жизни въ безпрестанныхъ трудахъ и борьбѣ съ самимъ собою, сладко раздражали Дробицкаго, какъ первое дыханіе весны послѣ зимней непогоды. Теперь онъ вдвойнѣ любилъ Юліана, благоговѣлъ передъ Анною, какъ передъ небеснымъ созданіемъ, мечталъ о томъ, какъ бы сдѣлаться полезнымъ, необходимымъ для Карлинскихъ, и имѣть право не оставлять здѣшняго дома, хоть издали глядѣть на его обитателей или, по крайней мѣрѣ, служить имъ. Шляхетская гордость и привычка къ независимости потонули въ новомъ чувствѣ, всецѣло объявшемъ Алексѣя.

Два дня, проведенные въ замкѣ, изгладили все, что прежде онъ находилъ въ аристократической жизни непріятнаго и противнаго своимъ понятіямъ. Онъ увидѣлъ только свободную, милую, улыбающуюся, веселую сторону этой жизни. Анна крѣпко привязала молодого человѣка къ дому, въ который онъ входилъ съ боязнью и почти неохотно: теперь уже все казалось ему здѣсь въ другомъ, лучшемъ видѣ.

Есть въ молитвѣ Господней нѣсколько словъ, на которые мы, кажется, меньше всего обращаемъ вниманія: *и не введи насъ во искушеніе*. Но Христосъ зналъ человѣческую слабость, и святые уста Его не даромъ произнесли эти слова: очень многіе убоютъ и желаютъ избѣгать искушеній. Мы считаемъ себя способными устоять противъ всѣхъ соблазновъ, а на самомъ дѣлѣ слабы до того, что самомалѣйшее вліяніе непременно отражается въ тайникѣ души нашей.

Два дня, проведенные въ Карлинѣ, совсѣмъ измѣнили бѣднаго Алексѣя. Почти со страхомъ онъ вспоминалъ о Жербахъ, и тягость тамошнихъ трудовъ удвоилась въ его глазахъ. Какъ охотно, съ какимъ восторгомъ онъ посвятилъ бы себя теперь

Карлинскимъ, поддерживалъ бы Юліана, спасалъ бы его и неосторожную Полю, и съ внутреннимъ благоговѣніемъ глядѣлъ бы на Анну! Онъ даже думалъ объ Эмилиѣ и хотѣлъ сдѣлать чудо: посвятить себя существу, лишенному всѣхъ даровъ природы и успѣть, при неутомимыхъ усиліяхъ, пробудить въ немъ искру сознанія.

Вечеромъ Алексѣй хотѣлъ непременно проститься съ Карлиномъ, но золотистая тучка, на которую съ такимъ вниманіемъ смотрѣлъ Эмилиѣ, принесла бурю столь грозную и съ такимъ проливнымъ дождемъ, что никакъ нельзя было пуститься въ дорогу. Обрадованный Юліанъ обнялъ друга и ввелъ его въ залу, въ которой они нашли одну Полю, игравшую на фортепіано и погруженную въ такую глубокую задумчивость, что она не замѣтила, какъ вошли молодые люди. Анны еще не было. Друзья тихо сѣли въ углу и слушали. Свободная игра дѣвушки прекрасно выражала ея душевное состояніе. Никогда такъ не играютъ для публики, какъ для самихъ себя. Кто хочетъ оцѣнить артиста, тотъ долженъ слушать его не на вечерѣ или въ концертѣ, а въ то время, когда онъ наединѣ выражаетъ свои фантазіи. Такою именно была теперь игра Поли. Сидя за инструментомъ, она забыла весь міръ; ея мечта, чувство, печаль, страсть отражались въ какихъ-то причудливыхъ звукахъ, почти противъ воли вырывавшихся изъ-подъ ея пальцевъ.

Юліанъ вспомнилъ свѣтлыя минуты жизни и, въ какомъ-то восторженномъ самозабвеніи пожимая руку Алексѣя, держивалъ дыханіе, чтобы не прервать краснорѣчивой музыкальной исповѣди Поли. При входѣ ихъ, Поля играла увертюру изъ Эврианты Вебера, потомъ перешла къ молитвамъ Оберона, потомъ заиграла *Ständchen* и маршъ Шопена, и когда послѣдній звукъ его замеръ *pianissimo*, вдругъ начала величественную пѣснь изъ Моцартовой обѣдни: *Tuba mirum spargens forum*.

Слушая музыку, Юліанъ страдалъ вмѣстѣ съ Полю; его взоры искрились, руки дрожали, ему хотѣлось встать бѣжать, броситься къ ея ногамъ, прижать къ сердцу и успокоить несчастную. Но вдругъ, поднявъ полныя слезъ глаза, Поля увидѣла безмолвныхъ слушателей, вскрикнула и ослабшія ея руки упали на фортепіано.

— Когда же вы пришли сюда?—воскликнула она.

— О, еще во время увертюры изъ Эврианты.

— Развѣ я играла ее? Не помню, но хорошо знаю то, что если не годится подслушивать разговоръ, то тѣмъ болѣе не годится подслушивать чью бы то ни было игру, не назначенную для слушанія. Почему знать? Можетъ быть, я выразила въ игрѣ всѣ тайны души моей?

Поля вздохнула, бросила взглядъ на Юліана, и съ такимъ рѣзкимъ упрекомъ остановила на немъ глаза свои, такъ болѣзненно задрожали уста ея, какъ будто въ самомъ дѣлѣ она опасалась быть понятою.

— Такъ у васъ есть тайны?—спросилъ Алексѣй.

— Да кто-же не имѣетъ ихъ? Это наши сокровища!

466324
Когда подали чай, вошла Анна, какъ всегда, спокойная и почти веселая. Алексѣй подошелъ къ ней, а Юліанъ, не имѣя силъ преодолѣть себя, пошелъ къ Полѣ, ходившей по залѣ, и почти шопотомъ завелъ разговоръ, изъ котораго только отрывки долетали до ушей Анны и Алексѣя. Между тѣмъ, Дробицкій, глядя на свой идеалъ издали, мысленно поклонялся ему и совершенно утопалъ въ своемъ счастіи. Его любовь—еще молодая, боязливая, почтительная, довольствовалась одною мечтою, однимъ присутствіемъ Анны. Онъ сознавалъ себя болѣе сильнымъ и возвышеннымъ, когда находился при ней; даже самый разговоръ его въ подобныя минуты обнаруживалъ человѣка въ необыкновенномъ душевномъ состояніи, но Анна не понимала возбужденнаго ею восторга, принимала его за обыкновенное состояніе человѣка, котораго начинала цѣнить все болѣе и болѣе.

— Боже мой, какъ обманчива наружность!—думала она.— Я считала его самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. О, Юліанъ всегда говорить вѣрно. Какъ жаль, однако, что онъ человѣкъ не нашего круга.

III.

Въ то время, какъ Дробицкій находился въ Карлинѣ, въ Жербахъ готовилась сильная буря. Мать, искренно любившая и даже уважавшая своего сына, по какому-то предчувствію

полагалась на него до тѣхъ поръ, пока могла держать его подъ своею властью.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?—говорила она сама съ собою со слезами на глазахъ.—О, ему тамъ лучше, веселѣе, свободнѣе, чѣмъ у насъ! Но вѣдь онъ имѣетъ и здѣсь все необходимое. Да, все! Но онъ не созданъ для насъ и рано или поздно вылетитъ изъ гнѣзда; а я, подобно уткѣ, высидѣвшей утенка, останусь, бѣдная, на берегу и буду смотрѣть, какъ поплыветъ онъ. Я всегда твердила покойнику, чтобы онъ не давалъ сыну этого высшаго воспитанія,—оно для насъ несчастіе; теперь ужъ я не буду глупа и не пушу его братьевъ въ университетъ! Онъ очень вреденъ для бѣдняковъ... ясный примѣръ—Алексѣй: изъ него не будетъ проку. Онъ трудится—и вздыхаетъ! Теперь попалъ къ панамъ. Непремѣнно полюбить праздность и погубить себя.

Въ минуту такого раздумья старушки вошелъ старикъ Юноша и еще на порогѣ прервалъ хозяйку своимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

— *Благословенъ Христосъ Богъ!*

— Ахъ, это вы, панъ графъ!—въ испугѣ воскликнула Дробицкая, вскочивъ съ мѣста.

— Я, покорнѣйшій вашъ слуга; но вы могли бы отвѣтить мнѣ: *во вѣки вѣковъ, аминь!* *). Это обратитъ милость Божию на вашъ домъ.

— *Во вѣки вѣковъ!* — съ покорностью повторила Дробицкая.

Проницательный старикъ сразу замѣтилъ по лицу хозяйки, что она была разстроена.

— А гдѣ Алексѣй?—спросилъ онъ.

— Ахъ! лучше не спрашивайте, панъ графъ! — отвѣчала Дробицкая.

— Да что такое? Что съ нимъ? — спросилъ опять графъ, сядя на мѣсто и вырубая огонь. — Что это значитъ?

— Попущеніе Божіе, наказаніе!—воскликнула хозяйка, не имѣя ни возможности, ни охоты притворяться. — Онъ встрѣ-

---

*) Старинное привѣтствіе, до сихъ поръ еще обыкновенное у простого народа въ Польшѣ, при входѣ въ домъ и при встрѣчахъ на дорогѣ.

тился съ этимъ Юліаномъ Карлинскимъ; теперь затащили его въ Карлинъ, вотъ третій день сидитъ у нихъ; я увѣрена, что тамъ совсѣмъ испортятъ его.

— Да, вы приготовьтесь къ этому, — произнесъ графъ, пуская клубъ дыму, — я хорошо знаю людей; этотъ заманчивый свѣтъ портитъ и одуряетъ. Нынѣшнимъ молокососамъ грезится, что тамъ они найдутъ другихъ людей, созданныхъ изъ чистѣйшей глины. Впрочемъ, смолоду человѣкъ всегда мечтаетъ, сравниваетъ окружающихъ людей съ тѣми, какихъ создалъ въ своемъ воображеніи, и такъ какъ они оказываются малорослы, худощавы и не подходятъ подъ его мѣрку, то онъ взбирается выше, въ надеждѣ найти тамъ великановъ, либо ангеловъ...

— Но, панъ графъ! — отвѣчала Дробицкая наивно, — вѣдь на Алексѣѣ основано все наше благополучіе: пока онъ здѣсь, мы еще кое-какъ держимся. Если-бы не его голова, мы давно терпѣли бы нужду. Что-же будемъ мы дѣлать безъ него?

— Позвольте сказать вамъ, что нельзя и думать на вѣки закабалить его въ Жербахъ.

— А развѣ въ другомъ мѣстѣ ему будетъ лучше?

— Лучше не лучше, а все-таки нѣчто другое; иногда и этого хочется человѣку. Если дали ему крылья, такъ позвольте и летать.

— Но что же я, несчастная, буду безъ него дѣлать? — воскликнула Дробицкая, ломая руки.

— Вѣдь у васъ еще есть три сына?

— Да, есть; мальчики хорошіе, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ въ Алексѣя, и не сумѣетъ сдѣлать то, что дѣлаетъ онъ.

Дробицкая расплакалась и отирала слезы передникомъ. Графъ глядѣлъ на нее и курилъ трубку, глубоко задумавшись.

— Тутъ слезы ничего не помогутъ, — проговорилъ онъ тихимъ голосомъ. — Въ чемъ, однако, дѣло? Давно онъ тамъ? Развѣ онъ ужъ все бросилъ, оставилъ и забылъ васъ?

— О, нѣтъ! — живо перебила мать, — до этого еще не дошло, но я чувствую, что непременно такъ будетъ. Никогда не случалось, чтобы онъ три дня провелъ въ гостяхъ; теперь-же, какъ поѣхалъ — забылъ Жербы и только прислалъ извѣстіе,

что его задержали. Когда воротится, я не удержусь отъ выговора, а это еще больше оттолкнетъ его отъ дому.

Старушка махнула рукою и прибавила тихимъ голосомъ:

— Да будетъ воля Божія! Оставлю у себя Яна... онъ достаточно уменъ. На что еще учиться въ школахъ? Пожалуй, и ему вскружать голову; пусть лучше сидитъ дома. Но все-таки онъ не Алексѣй.

— Этакъ, право, будетъ гораздо лучше, — подтвердилъ графъ. — Алексѣю дайте маленькую свободу, пусть попрыгаетъ на волѣ; повѣрьте, потомъ онъ опять воротится подъ родной кровъ. Янъ уже тоже подрастаетъ, постепенно привыкнетъ къ работѣ и, вѣрно, никогда не покинетъ васъ.

— Все же это не Алексѣй! — шопотомъ повторила Дробицкая.

— Для домашняго хозяйства онъ можетъ быть гораздо лучше Алексѣя, — разсмѣялся старикъ. — Ужъ повѣрьте мнѣ, опытному старику, что изъ такихъ людей, какъ старшій сынъ вашъ, никогда не выйдетъ хозяина, а у Яна по глазамъ видно, что деревенская жизнь ему по вкусу.

— Да, у него есть охота; мальчикъ не глухой, ловкій, проворный, но все-таки не Алексѣй!

Старушка опять вздохнула.

Но во время этихъ разсужденій и жалобъ, вдругъ пріѣхалъ Алексѣй. Увидя возокъ и Парфена, мать вся вспыхнула, хотѣла бѣжать на встрѣчу, но остановилась на порогѣ и взглянула на графа.

— Кажется, я буду мѣшать вамъ, — сказалъ графъ. — Я хорошо понимаю ваше положеніе, но, съ другой стороны, можетъ быть, и лучше будетъ, если буря разразится при постороннемъ.

При этихъ словахъ вошелъ въ комнату покрытый румянцемъ и съ выраженіями замѣшательства Алексѣй, поцѣловалъ руку матери и, притворяясь веселымъ, обратился къ графу. Мать остановила на немъ взоръ полный упрековъ.

— Отчего ты такъ долго гостилъ тамъ? — спросилъ графъ.

— Не хотѣли пустить меня, — пробормоталъ Алексѣй.

— И, вѣроятно, употребили насиліе? — спросилъ графъ. — Но это, надѣюсь, было une douce violence. И вамъ понравилось въ Карлинь?

— Мы были также въ Шурѣ, — сказалъ Алексѣй, уклоняясь отъ отвѣта.

— И праздновали именины цанны Анны? — подхватилъ графъ, выдувая трубку.

— Были и именины.

Любившая всегда поговорить и не жалѣвшая словъ, Дробицкая, противъ обыкновенія, грозно молчала. Алексѣй почувствовалъ, что таилось подъ этимъ молчаніемъ. Графъ случился здѣсь очень кстати, потому что мать не могла при немъ разразиться гнѣвомъ, и раздраженіе ея постепенно проходило. Однако, старушка не вытерпѣла и, покачавъ головою, воскликнула съ горячностью:

— Вы тамъ пировали, ѣздили, гуляли, смѣялись, говорили разный вздоръ, а домашнее хозяйство — убирайся къ чорту...

Эти дни все были праздники, — проговорилъ Алексѣй.

— А развѣ въ праздники хозяинъ не нуженъ дома? — спросила мать.

— Милая маменька, простите меня! — воскликнулъ Алексѣй, подходя къ матери и желая поцѣловать ея руку, но старушка, забывъ, что Юноша сидитъ въ ея домѣ, сердито отняла свою руку и начала говорить сыну:

— Не въ чемъ мнѣ прощать тебя! Какъ постелешь себѣ, такъ и будешь спать. Я предостерегала тебя, пока могла; но мои совѣты тебѣ ни по чемъ. Ужъ я не буду виновата, если ты погубишь себя; а мы и безъ тебя обойдемся.

— Но, милая маменька!..

— Милая?! — отвѣчала Дробицкая, — тамъ у тебя есть люди милѣе насъ. Но помни: нельзя служить двумъ господамъ. Я полагала, что ты не потеряешь ума; теперь вижу, что ужъ нельзя надѣяться на тебя. Пусть же, по крайней мѣрѣ, мы не погибнемъ по твоей винѣ.

Алексѣй сталъ въ совершенный тушикъ и не могъ понять на что намекаетъ мать.

— Ты хорошо знаешь меня, — прибавила Дробицкая важнымъ тономъ, — я не говорю попусту. Съ тѣхъ поръ, какъ поправился тебѣ этотъ Карлинъ, я считаю тебя потеряннымъ. Янъ не поѣдетъ въ школу; я оставляю его завѣдывать хозяй-

ствомъ, а тебѣ даю полную свободу: дѣлай, что хочешь, и хоть всегда сиди въ Карлинѣ,—не скажу ни слова.

Алексѣй не ожидалъ этого. Присутствіе посторонняго человека не позволяло ему откровенно объясниться съ матерью. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не говоря ни слова, потомъ обернулся назадъ, но Юноши ужъ не было. Закуривъ трубку, старикъ незамѣтно вышелъ вонъ. Видя, что они остались одни, Дробицкая дала волю своему гнѣву.

— Милая маменька!—сказалъ Алексѣй почтительнымъ тономъ,—полагаю, что до сихъ поръ вы ни въ чемъ не могли упрекнуть меня; я работалъ изо всѣхъ силъ.

— Такъ что же? Ты дѣлалъ, что обязанъ былъ дѣлать для себя и для братьевъ.

— Неужели послѣ этого я очень виноватъ, если на два дня уѣхалъ изъ дому для отдыха?

Дробицкая взглянула ему въ глаза и отвѣчала:

— Правда, тутъ нѣтъ большой вины, а только есть дурной признакъ, милый Алексѣй. Почему ты не сидишь по три дня у Буткевичей, либо у Пержховскаго? Природа тянетъ волка въ лѣсъ. Я надѣялась передѣлать тебя, но вышло иначе. Ступай же теперь, куда хочешь, и дай Богъ, чтобы тамъ было тебѣ хорошо.

— Но, право, я не вижу, чѣмъ именно я провинился передъ вами?

— Ты не согрѣшилъ, а только надѣлалъ глупостей,—важнымъ тономъ отвѣчала Дробицкая.—Отецъ далъ тебѣ ненужное воспитаніе; твоя голова набита Богъ знаетъ какими мыслями, а свѣта ты совсѣмъ не видѣлъ. Тебѣ грезится, что люди, умѣющіе говорить складнѣе, чѣмъ мы, ужъ будто и лучше насъ; ну, и ступай къ нимъ. Но сообрази, подумай хорошенько: будетъ ли тебѣ тамъ лучше? Горекъ чужой хлѣбъ, невкусно чужое угощеніе. Тамъ ты чужой и навсегда останешься чужимъ, хоть бы отдалъ имъ половину твоего сердца: они примутъ отъ тебя всѣ жертвы, какъ необходимый долгъ, но подадутъ тебѣ горькую чашу. Ты еще не знаешь, милый мой, того прекраснаго свѣта, гдѣ у всѣхъ на лицахъ вѣчная улыбка, на устахъ вѣжливость, а въ сердцахъ ледъ и пустота! Юліанъ, навѣрно, не любитъ тебя больше меня, однако, ты предпочи-

таешь его матери и братьямъ. Богъ съ тобою! Ступай, куда зоветъ тебя судьба.

— Но я никуда не думаю идти,—сказалъ Алексѣй.

— Рано или поздно, это непременно случится; чему предназначено быть, то пусть исполнится.

Старушка мать говорила торжественнымъ тономъ, и сынъ не смѣлъ прерывать ее. Въ глазахъ ея блистали слезы, и она была сильно взволнована.

— Слушай, Алексѣй!—прибавила она. — Когда ты воротился домой, лишь только я увидѣла тебя, прямо сказала сама себѣ, что ты недолго погостишь у насъ. Я стерегла тебя, наблюдала—не столько для себя и твоихъ братьевъ, сколько для тебя самого. Тамъ нѣтъ счастья. Но чему быть, того не миновать. У насъ ты только мучился бы, мы съ тобою постоянно спорили бы, бранились и раздражали другъ друга. Надо этому положить конецъ.

— Милая маменька!—съ чувствомъ перебилъ Алексѣй.

— Перестань пожалуйста; намъ необходимо раздѣлиться.

— Раздѣлиться? Выгнать меня? За что же?

— Выгнать? Да ты сошелъ съ ума! — грозно произнесла старушка. — Что съ тобою? Слушай. Не станемъ дѣлать скандалъ, а что нужно, то пусть и сбудется. Тебѣ ужъ вскружили голову, заниматься хозяйствомъ ты теперь неспособенъ; они знай только будутъ ѣздить сюда, а ты—къ нимъ. Съ этихъ поръ я не могу на тебя полагаться. На землѣ, арендуемой у пана Яцка, есть домикъ; поѣзжай туда и живи отдѣльно, я останусь съ Яномъ. Дамъ тебѣ на обзаведеніе, не обижу.

— Но Янъ не кончилъ курса наукъ.

— Онъ и то ужъ слишкомъ много знаетъ, пожалуй — и онъ готовъ влюбиться въ книгу, какъ ты. Не рассуждай напрасно. Я буду руководить имъ и приучать къ хозяйству; надѣюсь, ты также не бросишь насъ совершенно; но съ этого дня ты уже отдѣленъ и самъ себѣ панъ. Если мать замѣтитъ что-нибудь, то поплачетъ, но не перейдетъ тебѣ дороги. Дѣлай, что хочешь: ты свободенъ.

Не зная, что отвѣчать, Алексѣй стоялъ какъ убитый; въ головѣ его все смѣшалось. Онъ хотѣлъ умолять мать, думалъ, что все это было только угрозой; но, взглянувъ на лицо ма-

тери, убѣдился, что она говорить обдуманно, и что всѣ слова ея были неизмѣннымъ рѣшеніемъ; онъ потупилъ голову и замолчалъ. Дробицкая подошла къ нему со слезами на глазахъ, поцѣловала его въ голову и произнесла болѣе ласковымъ тономъ:

— Какъ первородное дѣтище, ты, милый Алексѣй, всегда будешь занимать въ моемъ сердцѣ первое мѣсто; да благословить тебя Богъ, да хранить тебя, да наградить за твои жертвы для насъ. Пора тебѣ быть свободнымъ, милый сынъ. Можетъ быть, я не понимаю тебя, а потому только бы стѣсняла и отравляла жизнь твою. Будь же свободенъ!

Алексѣй залился слезами и спросилъ почти шепотомъ:

— Маменька! это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее и рѣшительное! Вѣдь мы не расстаемся навѣки, но ты долженъ имѣть какую-нибудь собственность и быть свободенъ... Довольно надоѣла тебѣ мать; теперь ты увидишь, — лучше ли поступать съ тобой люди, которые будутъ только хвалить да ласкать тебя. Ступай въ свѣтъ. Да хранитъ тебя ангелъ Божій во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Аминь! — произнесъ Алексѣй, цѣлуя руку матери.

— Да будетъ воля Твоя!

IV.

Сосѣди Дробицкихъ всегда хорошо знали, что происходило у нихъ въ деревнѣ. Большею частью, проводя время въ праздности, они исключительно занимались другъ другомъ, и все служило хорошею пищею для ихъ любопытства. Коляска Юліана Карлинскаго, подѣзжавшая къ крыльцу стараго дома въ Жербахъ, вызывала всѣхъ на улицу. Потомъ всѣ узнали, что Алексѣй поѣхалъ въ Карлинъ, что прогостилъ тамъ долго, и не прошло часа, послѣ его возвращенія, уже по всей деревнѣ летала молва о томъ, какъ приняла его мать. Все это раскрашивали, увеличивали и передавали другъ другу въ чрезвычайномъ видѣ. Самые нетерпѣливые изъ сосѣдей уже собирались на старый дворъ взглянуть на Алексѣя и его мать. Передъ вечеромъ, панъ Мамертъ Буткевичъ уже надѣлъ на себя визитную куртку и совсѣмъ собрался идти, какъ вдругъ навѣстилъ его панъ Пержховскій, немножко навеселѣ и только въ

такомъ состояніи искусственной бодрости выдавшійся съ сосѣдомъ, а въ другое время избѣгавшій его.

— А что, сосѣдъ,—произнесъ онъ съ улыбкою,—на старомъ дворѣ новости!.. а?

— Ну, какія же тамъ новости?—съ важностью богача и свысока спросилъ панъ Мамертъ. — Ужъ вы знаете что-нибудь?

— Все до капли: Алексѣя не было дома пять дней, на шестой онъ воротился, мать порядкомъ намылила ему голову; они поссорились—и Дробицкій перебирается на дачу Ултайскаго, которую они берутъ въ аренду.

— О, о, о!—протяжно сказалъ Буткевичъ, — важныя перемѣны! Но правда ли это?

— Палашка стояла у дверей, когда мать дѣлала выговоръ Алексѣю и приказала ему идти вонъ. Она сказала объ этомъ моему Янку, а Янекъ—мнѣ. Изволите видѣть, этотъ старый графъ Юноша всѣми силами старался помирить ихъ, но Дробицкая выгнала его.

— О, о,—повторилъ Буткевичъ,—ужасныя вещи!

— Истинно ужасныя! Я всегда твердилъ, что у нихъ непремѣнно такъ кончится,—отвѣчалъ Пержховскій. — Есть у васъ рюмка водки для сваренія желудка?

— Заперта!—сказалъ Буткевичъ, не желая ни дать водки, ни признаться, что ея не было.

— А отпереть?

— Ключница забрала все ключи и ушла.

— Я что-то еще хотѣлъ сказать... Да, вотъ что.

Но въ это время вошелъ панъ Янекъ Ултайскій, подалъ хозяину руку, а съ Пержховскимъ раскланялся издали, потому что былъ съ нимъ въ ссорѣ, такъ какъ панъ Юзефатъ Буткевичъ, женатый на Пержховской, ссорился съ паномъ Ултайскимъ, а братъ стоялъ за брата.

Буткевичъ и новый гость взглянули другъ на друга.

— Что новаго?—проговорилъ сквозь зубы скупой даже на фразы панъ Мамертъ.

— Что? Говорятъ, Дробицкіе раздѣляются: Алексѣй поселится на моей части; мать, старая вѣдьма, выгоняетъ его изъ дому. Посмотримъ, какъ-то она управится одна.

— Это вѣрно, а зачѣмъ онъ лѣзетъ къ панамъ? — спросилъ панъ Мамертъ.

— Зачѣмъ? гм! зачѣмъ? Извѣстное дѣло,—захотѣлось получить хорошаго щелчка,—отвѣчалъ панъ Ѳеодоръ.

— Понимаю, въ чемъ дѣло!—воскликнулъ Ултайскій, — тамъ есть двѣ панны...

— Что? двѣ?—спросилъ Буткевичъ.

— Двѣ?—повторилъ Пержховскій, подставляя ухо.

— Да. Во-первыхъ, панна Анна.

— Сестра пана Юліана? Экъ, куда хватилъ!

Всѣ пожали плечами.

— Не для пса колбаса, сударь ты мой? — сказалъ панъ Мамертъ.

— И панна Аполлонія,—прибавилъ Ултайскій,—дочь эконома, подруга панны Анны, красавица дѣвка; и, вѣрно, ее сватаютъ ему.

— Непремѣнно такъ должно быть! — подтвердилъ, подумавъ, панъ Мамертъ.

— Не сходить ли къ Дробицкимъ?—спросилъ Пержховскій.

Всѣмъ очень хотѣлось идти туда, но никто не хотѣлъ сознаться въ этомъ, кромѣ Ултайскаго, который могъ выставить предлогомъ свое дѣло.

— Я пойду, — сказалъ онъ,—мнѣ нужно поговорить съ Алексѣемъ.

— Я пошелъ бы,—отозвался панъ Ѳеодоръ,—да...

— Лучше воротись домой; мы пойдемъ съ паномъ Ултайскимъ, а если придемъ втроемъ...

— Что-жъ за бѣда такая, что втроемъ?.. Вы ступайте сами по себѣ, а я—самъ по себѣ. Панъ Мамертъ всегда повелѣваетъ, а между тѣмъ даже водки не имѣетъ въ домѣ.

Съ этими словами панъ Ѳеодоръ надѣлъ фуражку и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью. Буткевичъ только пожалъ плечами.

— А что, пойдемъ?—спросилъ онъ.

— Пойдемъ,—отвѣчалъ Ултайскій, — вечеръ уже наступилъ.

Подходя къ дому Дробицкихъ, они встрѣтили пана Пристіана и Юзефата Буткевича. Послѣдній, по случаю ссоры съ Ултайскимъ, не желая находиться съ нимъ въ одномъ

обществѣ, показалъ видѣ, будто забылъ что-то и воротился домой. Панъ Яцекъ понялъ этотъ маневръ и проводилъ его презрительнымъ взглядомъ.

Всѣ сосѣди, по одному или по два, собрались въ гостиную Дробицкихъ, гдѣ застали только старую пани. Она мѣрала плотно изъ куска, лежавшаго на полу. Алексѣя не было.

— Мое всенижайшее почтеніе!—произнесъ панъ Мамертъ съ свойственною богатому человѣку важностью.

— Какъ ваше здоровье?—проговорилъ Ултайскій покровительственнымъ тономъ.

— А гдѣ Алексѣй?—спросилъ панъ Пристіанъ, поправляя волосы и мысленно сравнивая свой великолѣпный костюмъ съ курткой пана Мамерта и венгеркою Ултайскаго.

Нисколько не церемонясь съ гостями, Дробицкая едва сказала нѣсколько словъ на сдѣланные вопросы, не скрывая, что гости пришли вовсе не кстати; но послѣдніе, привыкнувъ къ ея капризамъ, не обращали на это вниманія. Каждый воображалъ, что дѣлаетъ Дробицкимъ большую честь своимъ посѣщеніемъ. Поэтому они сѣли, не ожидая приглашенія, между тѣмъ какъ хозяйка продолжала мѣрять полотно.

У мелкой шляхты изстари существуетъ обыкновеніе извлекать для себя пользу изъ каждаго самаго малѣйшаго обстоятельства. Подобное обыкновеніе ведется и въ другихъ слояхъ общества, но тамъ оно, по крайней мѣрѣ, принимаетъ какую-нибудь благовидную форму, наприимѣръ, хоть видъ случайности; здѣсь же прямо и безъ церемоніи каждый хватается, кто что можетъ и откуда можетъ.

Когда въ Жербахъ стали догадываться, что Алексѣй въ хорошихъ отношеніяхъ съ Юліаномъ Карлинскимъ, каждый изъ сосѣдей спросилъ самого себя: какую бы извлечь мнѣ изъ этого пользу? У всѣхъ были какіе-нибудь планы, и каждый спѣшилъ предупредить другихъ. Ни одинъ не признавался въ этомъ, но, идя на старый дворъ, каждый имѣлъ въ запасѣ свои просьбы или планы. Панъ Пристіанъ Прусь-Пержховскій не даромъ наряжался. Считая себя человѣкомъ, предназначеннымъ играть роль въ высшемъ обществѣ, онъ летѣлъ просить Алексѣя представить его въ Карлинѣ. Ему грезилося... кто знаетъ? панна Анна или какая-нибудь другая богатая помѣ-

щица, и онъ улыбался, глядя въ зеркальце на щеткѣ, всегда находившейся въ его карманѣ. Панъ Мамертъ Буткевичъ составилъ проектъ за безцѣнокъ купить лѣсъ въ Карлинскихъ дачахъ или даже приобрести его и совсѣмъ даромъ. Панъ Ѳедоръ надѣялся достать изъ замбовыхъ подваловъ отличной старой водки, о которой такъ много было наговорено ему. Наконецъ, панъ Яцекъ... о, панъ Яцекъ надѣялся больше всѣхъ воспользоваться новымъ положеніемъ Алексѣя. Узнавъ, что Дробицкій долженъ раздѣлиться съ матерью и жить на его части, Яцекъ вообразилъ себѣ, что эта земля будетъ крайне нужна Алексѣю, а такъ какъ срокъ контракта теперь оканчивался, то онъ задумалъ заломить по новому условію страшную цѣну. Всѣ съ безпокойствомъ глядѣли на двери, ожидая выхода Алексѣя, но онъ не являлся, а Дробицкая, не говоря ни слова, продолжала мѣять полотно.

— Мы слышали кое-что, — тихо произнесъ панъ Мамертъ. — Правда ли это?

— А что вы тамъ слышали? — спросила Дробицкая.

— Будто панъ Алексѣй хочетъ отдѣлиться отъ васъ, — вѣжливо отвѣчалъ панъ Мамертъ.

— Развѣ не пора ему быть полнымъ хозяиномъ? — возразила старушка. — Янъ останется со мною.

— Значить, вы ужъ не отправите его учиться? — спросилъ панъ Ултайскій.

— Онъ почти кончилъ науки.

— И гораздо лучше, — подтвердилъ панъ Мамертъ, — вотъ и я только изъ третьяго класса... ей Богу, изъ третьяго...

— А я ни изъ какого! — разсмѣялся Ултайскій.

— Даже и этого не видно! — насмѣшливо прибавилъ Пристіанъ, закуривая сигару.

При этихъ словахъ вошелъ Алексѣй. Всѣ взглянули ему въ глаза, отыскивая перемѣну на его лицѣ, и всѣ поспѣшно схватили его за руки. Какая-то зависть и вмѣстѣ любопытство отражались въ глазахъ гостей.

— Ахъ, здравствуйте, здравствуйте, милый сосѣдь!

— Долго-же вы гостили!

— Зато теперь опять посижу дома.

— Едва ли! — возразилъ Пристіанъ. — Кто одинъ разъ

побываетъ въ высшемъ обществѣ, тому ужъ трудно оторваться отъ него.

Такъ говорили гости, дѣлая вопросы и выжидая другъ друга, чтобы избавиться отъ постороннихъ и поговорить наединѣ съ паномъ Алексѣемъ.

— У меня есть дѣльце до васъ! — началъ Ултайскій, сознавая, что его отношеніе къ хозяину не требовало особенныхъ церемоній.

— Позвольте узнать, какое?

— Хотѣлось бы сказать вамъ слово по секрету! — шепнулъ панъ Мамертъ.

— У меня есть къ тебѣ просьба, — прибавилъ Пристіанъ, — но о ней скажу послѣ.

Дробицкая только пожимала плечами. Нѣкоторые изъ гостей взялись за фуражки, показывая видъ, что уходятъ, желая подать собою примѣръ другимъ; но, осмотрѣвшись кругомъ, остались, потому что никто не трогался съ мѣста. Болѣе смѣлый панъ Яцекъ взялъ Алексѣя подъ руку и увелъ въ другую комнату.

— Ну, что будетъ съ нами? — наивно спросилъ онъ, рѣшась не показывать вида, будто знаетъ о раздѣлѣ Дробицкихъ о предположеніи жить Алексѣю отдѣльно, — въ полной увѣренности, что послѣдній долженъ непремѣнно опять взять въ аренду его землю.

— Какъ такъ? Что же можетъ быть?

— Возьмете вы опять мою землю, или нѣтъ?

— Вѣдь она за мною.

— До марта, а далѣе?

— Кажется, мы уже условились.

— То есть, не совсѣмъ, — отвѣчалъ панъ Яцекъ, — потому что я... изволишь видѣть, не могу уступить за ту же цѣну.

— Но вѣдь въ прошломъ году я сдѣлалъ прибавку?

— Этого мало! — воскликнулъ Ултайскій, — я не могу уступить за прошлогоднюю цѣну, ей Богу, не могу.

Алексѣй пристально взглянулъ въ глаза сосѣду, понявъ уловку Ултайскаго, предполагавшаго, что Дробицкій, не имѣя пристанища, долженъ будетъ непремѣнно взять его землю въ аренду, а потому, пользуясь теперешнимъ случаемъ, панъ

Яцекъ дорожился, въ полной увѣренности, что выторгуешь что-нибудь. Дробицкій пожалъ плечами и сказалъ:

— Больше не дамъ ни гроша!

— Не дадите?

— Не могу.

— Но вы приобрѣтаете большія выгоды.

— Потому что тружусь, — хладнокровно отвѣчалъ Алексѣй, — иначе для чего бы я сталъ покупать землю. Вѣроятно, вы знаете, — прибавилъ Дробицкій, — что мы съ маменькой раздѣляемся. Правда, я предполагалъ жить на нашемъ участкѣ; но если не возьму его, то найду другой и какъ-нибудь устроюсь.

Ултайскій покраснѣлъ, потому что былъ еще не совсѣмъ безсовѣстный человѣкъ.

— Я не зналъ этого, ей Богу, не зналъ, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, вы думаете, что я съ намѣреніемъ возвысилъ цѣну?

— Я ничего не думаю, — возразилъ Алексѣй, — но прошу васъ серьезно обсудить это дѣло, потому что не прибавлю вамъ ни одной копѣйки, и буду искать себѣ аренды въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, ну — произнесъ панъ Яцекъ, улыбаясь и обнимая Алексѣя, — какъ-нибудь уладимъ дѣло... согласимся... потомъ.

Шумъ въ первой комнатѣ вызвалъ ихъ туда. Послышалось восклицаніе Дробицкой: — Это что такое опять? — и вмѣстѣ шопотъ гостей. Очевидно, произошло что-нибудь необыкновенное. На порогѣ Алексѣй встрѣтился съ Палашкою, державшею въ рукахъ письмо.

— Откуда? — спросилъ онъ.

— Да изъ Карлина, — отвѣчала мать. — Теперь все будетъ изъ Карлина, — прибавила она тише.

Алексѣй вздрогнулъ и смѣшался.

— Человѣкъ ждетъ отвѣта, — прошептала Палашка.

— Мы, кажется, мѣшаемъ вамъ, — отозвался панъ Мамертъ, уже шестой разъ взявшись за фуражку. — Мое вамъ почтеніе; а что касается моего дѣла, то поговорю о немъ завтра.

Такимъ образомъ, одинъ за другимъ, всѣ гости счастливо

выбрались изъ дома Дробицкихъ, но они шли въ задумчивости, сильно заинтересованные новымъ письмомъ, останавливаясь и дѣлая тысячи разныхъ предположеній.

Алексѣй дрожащею рукою распечаталъ письмо. Оно было отъ Юліана и заключало въ себѣ слѣдующее:

„Карлинъ. 29 іюля 18...

„Не успѣлъ ты отъ насъ уѣхать, какъ я снова преслѣдую тебя письмомъ своимъ. Ты угадалъ, что не будешь имѣть отъ меня покоя, и не даромъ такъ долго избѣгалъ Карлина. Другъ, милый другъ! прошу у тебя совѣта, помощи, даже, можетъ быть, больше, нежели того и другой вмѣстѣ, но я знаю, кого прошу. Не для развлечения и забавы, не вслѣдствіе потребности сердца, но по другимъ важнѣйшимъ причинамъ, прошу тебя пріѣхать къ намъ. Не могу подробно изложить всего въ письмѣ, но умоляю—не откажи мнѣ и пріѣзжай не позже, какъ завтра поутру. Президентъ и Анна просятъ тебя вмѣстѣ со мною. Твой Юліанъ“.

— Ну что?—спросила Дробицкая, глядя на сына.—Опять зовутъ въ этотъ Карлинъ?

— Милая маменька! прочитайте сами—и увѣрьтесь, возможно ли отказать?

— Не надо! Коль скоро ты переступилъ ихъ порогъ, то уже весь принадлежишь имъ и погибъ для насъ. Я хорошо знала это.

Старушка отерла слезы, скатившіяся на загорѣлыя щеки, и прибавила:

— Дай Богъ, чтобы тамъ встрѣтило тебя счастье; дай Богъ!.. Но если когда-нибудь, огорченный и убитый, воротиться ты подъ родную кровлю, то не обвиняй меня, милый Алексѣй. Помнишь, нѣсколько лѣтъ мы постоянно вспоминали о Карлинѣ: ты говорилъ, что тамъ живетъ твой товарищъ и другъ; я уговаривала тебя не возобновлять съ нимъ знакомства, ничто не помогло. Да будетъ же воля Божія! Напрасно я стала бы бранить тебя, милый сынъ! Перестанемъ даже говорить объ этомъ. Дѣлай, какъ хочешь. Вѣдь я уже сказала, что ты свободенъ.

Алексѣй почтительно поцѣловалъ руку матери, которая быстро пошла въ свою комнату, и началъ писать отвѣтъ, что пріѣдетъ завтра поутру.

Оставшись одинъ въ своей тихой комнатѣ, Алексѣй, съ предчувствіемъ какой-то печали, бросился на диванъ и погрузился въ размышленія. Все окружавшее живо напомнило ему его душевное состояніе нѣсколько дней тому назадъ. Алексѣй испугался, сравнивъ его съ теперешнимъ; онъ сталъ другимъ человѣкомъ,—такое огромное вліяніе произвело на него трехдневное пребываніе въ Карлинѣ и одинъ взглядъ на Анну! Молодой человѣкъ воображалъ, что не можетъ жить безъ нея и желалъ, по крайней мѣрѣ, глядѣть на нее, слышать ея голосъ и мысленно благоговѣть передъ нею. Борьба съ этимъ чувствомъ была невозможна. Это чувство не требовало многого, не мечтало о счастіи, не надѣялось достигнуть чего-нибудь, но жило само собою и уже глубоко укоренилось въ сердцѣ Алексѣя. Потеря спокойствія, переменна положенія, сожалѣніе о матери, въ сравненіи съ этимъ новымъ чувствомъ, были предметами второстепенными. Алексѣй предчувствовалъ страданія, но не боялся ихъ, даже почти желалъ страдать и жертвовать собою для Карлинскихъ. Чѣмъ долѣе молчало сердце въ этомъ человѣкѣ, тѣмъ сильнѣе требовало оно теперь правъ своихъ. Въ немъ не зарождалось даже желанія преодолѣть себя, разувѣрить, удалиться въ уединеніе и искать лѣкарства въ занятіяхъ; грозная будущность предтавлялась ему уже необходимостью судьбы, а любовь—предназначеніемъ, злополучіемъ, но вмѣстѣ и единственною путеводною звѣздою жизни.

V.

Въ Карлинѣ, между тѣмъ, происходили такого рода сцены. Туда пріѣхалъ президентъ, очевидно, чѣмъ-то разстроенный, но притворною веселостью онъ постарался обмануть Полю и Юліана, и прошелъ въ комнату Анны, гдѣ, поцѣловавъ племянницу въ лобъ, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Ты мужественная дѣвушка, съ тобой можно говорить обо всемъ и требовать твоего совѣта. Мнѣ хочется откровенно поговорить съ тобой о вашемъ положеніи.

Анна, безъ страха, съ улыбкой подняла на дядю глаза и отвѣчала:

— Говорите, милый дядюшка. Вы хорошо знаете, что я

ничего не боюсь, кромѣ того только, что можетъ повредить нашей чести.

— Благодаря Бога, еще ничего нѣтъ такого страшнаго—сказалъ президентъ,—но мы обязаны заблаговременно принять мѣры, чтобы потомъ бѣдствіе не постигло васъ. Напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что не богатство служить основаніемъ всего: оно даетъ значеніе, положеніе въ обществѣ, спокойствіе, счастье.

— Дядюшка!—возразила Анна.

— Послушай и не прерывай меня. Не спору, что, по твоимъ понятіямъ, богатство составляетъ вещь второстепенную; но я, вашъ опекунъ, вашъ экономя, вашъ отецъ, теперь ничего болѣе не могу дѣлать, какъ только заботиться о вашемъ благосостояніи; остальное въ рукахъ вашихъ и Божіихъ. Я положился на Юліана, желая сдѣлать его сколько-нибудь свѣдущимъ, опытнымъ въ хозяйствѣ, чтобы впослѣдствіи онъ могъ жить своимъ умомъ; я наблюдалъ за нимъ издали, видѣлъ, что онъ трудится искренно, поощрялъ его, желая сдѣлать изъ него человѣка, но теперь убѣдился, что это невозможно.

— Какъ же вы хотите, дядюшка, передѣлать эту поэтическую и прекрасную душу, заключенную въ такомъ нѣжномъ существѣ? Я съ самаго начала видѣла, что Юліанъ только истомится отъ бесполезныхъ трудовъ и жертвъ. Подобныя занятія не по его силамъ.

— Однако, грустно подумать объ этомъ.

— Скорѣе ужъ я пригодилась бы тутъ на что нибудь,—тихо сказала Анна.

— Перестань, пожалуйста!—воскликнулъ президентъ.—Я недавно и со вниманіемъ вникнулъ въ ваши дѣла, ихъ направленіе, и хоть вижу старанія Юліана, однако испугался его неспособности къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ всюду примѣшиваетъ свой идеализмъ, а въ хозяйственныхъ дѣлахъ это рѣшительно вредно. Онъ дѣйствуетъ безъ всякаго плана; вездѣ видишь, что онъ блуждаетъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ мучится безъ пользы, все путаетъ и убиваетъ себя. Надо что-нибудь придумать противъ этого.

Анна печально потупила голову.

— Волосы поднялись у меня дыбомъ, когда я ближе раз-

смотрѣлъ все; пора подумать, какъ бы поправить ваше имѣніе. Послѣ меня вы получите очень немного, даже, можетъ быть, ничего, кромѣ однихъ хлопотъ; моя барыня то и дѣло летаетъ за границу, а я здѣсь только уплачиваю векселя ея и наживаю новые долги. Притомъ, всегда служа по выборамъ, я поневолѣ прожилъ свое состояніе. О наслѣдствѣ послѣ пана Аѳанасія нечего и говорить: дай Богъ, чтобы у него достало чѣмъ прожить до смерти, — такъ у него въ хозяйствѣ съ каждымъ днемъ все упадаетъ.

— Но, милый дядюшка, не думайте, что мы рассчитываемъ на наслѣдства. Для насъ слишкомъ довольно Карлина. Эмилию ничего не нужно, кромѣ пріюта и попеченія родныхъ. Я, съ своей стороны, не думаю идти и не пойду замужъ.

— Да, пока не найдешь себѣ кого-нибудь, — разсмѣялся президентъ, — хотъ, говоря правду, я еще не знаю достойнаго тебя человѣка.

— Не потому, дядюшка! Вы не понимаете меня, но на мнѣ лежатъ обязанности, которыхъ я не могу оставить. А Юліану, по моему мнѣнію, очень довольно Карлина, если никто не возьметъ изъ него части.

— Совершенная правда. Карлинъ составлялъ бы прекрасное имѣніе; но у васъ есть долги, которые, вслѣдствіе неосмотрительности и неумѣнья управлять имѣніемъ, съ каждымъ днемъ увеличиваются, — это угрожаетъ совершеннымъ разореніемъ. Юліанъ ничего не знаетъ и не будетъ знать о томъ, что поставилъ васъ на краю пропасти.

— Какъ такъ? — спросила встревоженная Анна, ломаяя уги.

Президентъ взглянулъ на племянницу и, чтобы утѣшить ее, сказалъ съ улыбкою:

— Не бойся, пока еще нѣтъ ничего, все можно поправить, но для этого нуженъ дѣятельный и опытный человѣкъ, который добросовѣстно занялся бы вашими дѣлами и хозяйствомъ. Юліанъ пусть отдохнетъ. Можетъ быть, мы женимъ его.

— Да, женимъ, женимъ его! — воскликнула Анна. — Онъ скучаетъ въ своемъ одиночествѣ, ему необходимо нужно, чтобы мужественное сердце и сильная рука руководила имъ въ жизни.

— Да, да, нужна богатая помѣщица и благородная женщина съ прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Скажи мнѣ, Анна, не замѣтила ли ты въ немъ склонности къ кому нибудь? Ужъ не питаетъ ли онъ какой-нибудь тайной привязанности?

Дѣлая этотъ вопросъ, президентъ думалъ о Полѣ, но Анна простодушно отвѣчала ему:

— О, между нами нѣтъ секретовъ! Можетъ быть, Юліанъ потому собственно печаленъ и какъ будто недоволенъ, что его сердцу недостаточно одного долга.

— Можетъ быть, — разсѣянно сказалъ президентъ. — Но объ этомъ поговоримъ тогда, какъ хорошенько обдумаемъ; у меня даже составленъ проектъ. А теперь надо что-нибудь придумать для поправки дѣлъ. Я не скажу ему, почему именно желаю, чтобы онъ поручилъ свое имѣніе кому-нибудь другому, предоставивъ себѣ только общее наблюденіе за дѣлами, но найду средство уговорить его. Пойдемъ къ нему; только о теперешнемъ разговорѣ не говори ему ни слова.

Юліанъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, задумчивый, съ сигарою въ зубахъ, и перелистывалъ послѣдній номеръ французскаго журнала.

— Что это ты сидишь одинъ? — спросилъ президентъ, — и такой невеселый...

— Ахъ! Вы не можете себѣ вообразить, какъ надоѣлъ мнѣ бухгалтеръ. Кромѣ того, недавно было у меня три эконома и толпа крестьянъ. Цѣлые три часа я долженъ былъ толковать съ ними о томъ, что легко можно кончить въ четверть часа; но съ подобными людьми длинный разговоръ составляетъ совершенную необходимость; если отправить ихъ скоро, то никогда не удовлетворишь ихъ, хоть сдѣлай для нихъ все, о чемъ просятъ. Имъ нужно до-сыта наговориться.

— По всей вѣроятности, это страшно надоѣдаетъ тебѣ? — сказалъ президентъ.

— Да, не скажу, чтобы оно приносило мнѣ удовольствіе. Мнѣ кажется, что для подобныхъ занятій Господь долженъ создавать особыхъ людей. Но куда они дѣвались? И отъ чего ихъ нигдѣ не видать?

— Подобные люди толпами ходятъ по свѣту. Что для насъ до крайности непріятно и тягостно, то для нихъ составляетъ

пріятное занятіе и почти главную цѣль жизни. Затѣмъ, серьезно подумавъ, я сказалъ бы, что если кто не чувствуетъ въ себѣ ни способности, ни охоты къ хозяйству и управленію имѣніемъ, тотъ, вмѣсто напрасныхъ усилій достигать сомнительныхъ успѣховъ, непременно долженъ искать чужой помощи.

Юліанъ взглянулъ на президента.

— Что сказали бы вы, дядюшка, если бы я сознался вамъ, что пришелъ къ такому же заключенію?

— Я? сказалъ бы, что ты умница, милый Юліанъ!

— Но не сами ли вы запрягли меня въ эту барщину?

— Правда; но это было только временное, необходимое испытаніе; тебѣ необходимо было освоиться съ дѣлами и домашними распоряженіями, чтобы впослѣдствіи не позволять обманывать себя. Я хотѣлъ только испытать тебя. Но теперь, когда ты уже довольно познакомился съ дѣлами, и опытъ показалъ, что эти занятія не идутъ къ тебѣ...

Юліанъ покраснѣлъ.

— Такъ вы полагаете, дядюшка, что я распоряжаюсь очень дурно?

— Нѣтъ! но это обходится тебѣ слишкомъ дорого, милый мой, *le jeu ne vaut pas la chandelle*.

— И я такъ думаю, — прибавила Анна. — Подобныя занятія только убиваютъ Юліана.

— А если онѣ составляютъ мою обязанность? — сказалъ Юліанъ со вздохомъ. — Найдется ли средство помочь моему положенію?

— Найдется — и самое простое. Тебѣ время отдохнуть, немножко познакомиться со свѣтомъ, поѣздить и, если представится случай, жениться. Между тѣмъ, можно найти человѣка, способнаго замѣнить тебя въ Карлинѣ, и заняться твоими обязанностями съ такимъ же усердіемъ, но съ большимъ успѣхомъ.

— Гдѣ же мы найдемъ такого человѣка? — спросилъ Юліанъ, подходя къ дядѣ и улыбаясь. — Признаюсь, я не сталъ бы противорѣчить вашему плану.

— Я дамъ человѣка — и ручаюсь, что ты согласишься

принять его, — отвѣчалъ президентъ, садясь на стулъ, — это твой другъ Дробицкій!

— Онъ? Алексѣй? — воскликнулъ Юліанъ.

— Послушай. Я видѣлъ его здѣсь, и онъ очень понравился мнѣ. А такъ какъ я имѣю привычку всегда спрашивать и узнавать о людяхъ, не ограничиваясь собственнымъ впечатлѣніемъ, то говорилъ о немъ съ сосѣдями: всѣ они почти чудеса рассказываютъ о его трудолюбіи, домовитости, способности управлять имѣніями. Это единственный для тебя человекъ!

— Мысль прекрасная! Только жаль, что невозможно осуществить ее.

— Почему?

— По многимъ причинамъ. Во-первыхъ, подобно мнѣ, онъ только по необходимости хозяинъ, а въ душѣ — поэтъ.

— Однако, онъ исполняетъ свои обязанности благоразумно и честно.

— Правда — исполняетъ, но ради матери и братьевъ; а это другое дѣло.

— То, что онъ пріобрѣтаетъ дома, мы легко и даже съ прибавкою можемъ доставить ему здѣсь; въ случаѣ надобности, вы, я и дядя Аѳанасій сложимся и дадимъ ему хорошее жалованье. Послѣ этого найдетъ ли онъ причину не принять здѣсь должности управителя, и по дружбѣ къ тебѣ, и для поправки своихъ собственныхъ обстоятельствъ?

Разговоръ этотъ съ нѣкоторыми промежутками продолжался до пріѣзда Алексѣя, который нашелъ всѣхъ въ комнатѣ Юліана. Черезъ минуту пришла Анна и поздоровалась съ нимъ, какъ съ пріятелемъ. Президентъ проводилъ ее назадъ, и оставилъ друзей наединѣ.

— Ну, теперь къ дѣлу! — воскликнулъ Юліанъ, подавая Алексѣю руку. — Но прежде всего дай мнѣ дружеское слово не сердиться на меня ни въ какомъ случаѣ.

— Я слишкомъ увѣренъ въ добротѣ твоего сердца, — произнесъ Дробицкій, — а отъ добраго сердца я все приму съ благодарностью: говори смѣло!

— Но если я потребую отъ тебя большой жертвы?

Алексѣй улыбнулся, пожалъ плечами и вдругъ покраснѣлъ, потому что ему пришла на мысль Анна.

— Что же это значить?—спросилъ онъ,—право не могу понять.

— Милый Алексѣй, безцѣнный Алексѣй!—продолжалъ Юліанъ,—сдѣлай милость, только пойми меня хорошенько, — я требую твоей помощи въ хозяйствѣ и домашнемъ управленіи. Не желая огорчать меня, президентъ ничего не говоритъ прямо, но я уже самъ вижу, что не могу управлять имѣніемъ. Кажется, по моей винѣ, мы понесли значительные убытки... два срока платежа въ банкъ пропущены, проценты увеличиваются, въ нѣкоторыхъ фольваркахъ хозяйство совершенно заброшено. Спаси насъ, другъ! Я знаю, что слишкомъ многого требую у тебя, прося взять на себя эту тяжесть, но я не хочу обременять тебя даромъ.

Юліанъ взглянулъ на друга, лицо котораго покрылось яркимъ румянцемъ. Впрочемъ, Алексѣй принялъ сдѣланное предложеніе гораздо лучше, нежели надѣялся Карлинскій.

— Повѣрь, милый Юліанъ, я очень радъ быть вамъ полезнымъ, и тѣмъ доказать тебѣ дружбу мою, — возразилъ Алексѣй, подумавъ минуту,—но обсуди самъ, чего требуешь ты отъ меня? Могу ли я располагать собою, имѣя мать и трехъ братьевъ? Прежде всего, я обязанъ трудиться для нихъ.

— Во-первыхъ, перебилъ Юліанъ,—Жербы такъ близко отъ Карлина, что ты почти не разстанешься съ ними; я подумалъ объ этомъ. Во-вторыхъ, что можешь ты заработать тамъ самыми усиленными трудами? Мы гораздо больше можемъ дать тебѣ. Здѣсь ты можешь быть во сто кратъ полезнѣе и для насъ, и для своего семейства.

Слезы показались на глазахъ Алексѣя.

— О, ты требуешь отъ меня, милый Юліанъ, несравненно большей жертвы, нежели воображаешь! Теперь хоть общественное положеніе раздѣляетъ насъ, мы еще друзья, еще равны другъ другу въ минуты воспоминаній и сердечныхъ изліяній, но тогда... Что станетъ съ нашею дружбою? И ее придется принести въ жертву: вѣдь я буду только твоимъ слугою.

Юліанъ вспыхнулъ и проговорилъ:

— Ты не понялъ меня.

— О, нѣтъ! Я вѣрю въ твое сердце, но гораздо болѣе знаю людей и свѣтъ. Есть положенія, которымъ человѣкъ проти-

виться не можетъ; есть права столь великія, что нѣтъ возможности освободиться отъ нихъ.

Алексѣй задумался и, спустя минуту, прибавилъ:

— Я вовсе не вѣрю въ судьбу и предназначеніе, но въ настоящемъ случаѣ, кажется, есть какая-то необходимость, невидимая сила, устроивающая наши обстоятельства: напрасно я сталъ бы противиться ей. Ты еще не знаешь, что маменька, уже не полагаясь на меня столько, сколько полагалась прежде, хочетъ меня выдѣлить, даетъ мнѣ совершенную свободу.

— Значить, ты независимъ?

— Совершенно независимъ; но не думаю, чтобы я былъ способенъ къ назначаемой теперь роли, — завѣдывать маленькимъ хозяйствомъ, или управлять имѣніемъ — большая разница: въ послѣднемъ случаѣ и труды другіе, и метода совершенно иная. Едва ли могу я исполнить предлагаемую обязанность.

— По крайней мѣрѣ, ты исполнишь ее гораздо лучше меня. Президентъ и Анна такъ думаютъ.

— Какъ? Это они внушили тебѣ этотъ планъ?

— Да, — отвѣчалъ Юліанъ.

Алексѣю сдѣлалось невыразимо грустно, но, съ другой стороны, ему улыбалась надежда постоянно жить въ Карлинѣ, и эта мысль преодолѣла всѣ прочіе расчеты. Молодой человѣкъ забылъ, что, принимая роль слуги, онъ ставилъ вѣчную и непреодолимую преграду между собою и своимъ идеаломъ, уже и безъ того отдѣленнымъ отъ него цѣлымъ свѣтомъ.

— Дѣлай со мною, что хочешь, только помни, чтобы впоследствии не пришлось тебѣ жалѣть объ этомъ.

Юліанъ бросился къ нему на шею.

VI.

Все устроилось по желанію Карлинскихъ, притомъ такъ легко, какъ нельзя было даже надѣяться. Но Алексѣю предстояло еще трудное дѣло, — сказать о своихъ намѣреніяхъ матери. Самъ онъ не смѣлъ сдѣлать этого. Зная, что старикъ Юноша имѣлъ на нее нѣкоторое вліяніе, что за добровольное отреченіе графа отъ аристократизма мать любила и охотно слушалась его, Алексѣй рѣшился съѣздить на Надаржинъ и

возвратиться въ Жербы вмѣстѣ съ графомъ, чтобы имѣть себѣ въ немъ защитника. Съ искреннимъ чувствомъ поблагодарили Алексѣя въ Карлинѣ, Анна подала ему свою ручку, торжествующій президентъ не скрывалъ своего удовольствія, Юліанъ чувствовалъ, что тяжелое бремя свалилось съ плечъ его. Мелочныхъ условій не было. Алексѣю оставалось только переговорить съ матерью. Прямо оттуда, миновавъ Жербы, отправился онъ въ Надаржинъ: такъ называлась дача, гдѣ поселился старый чудакъ. Она была расположена на окраинѣ лѣсовъ, принадлежащихъ къ Перевертовскому имѣнію дочери графа. Старикъ всегда ходилъ оттуда въ Жербы пѣшкомъ, потому что дорога была близкая, хотя очень дурная. Юноша самъ избралъ для себя Надаржинъ и застроилъ его. Дача находилась на окраинѣ огромнаго, великолѣпнаго лѣса. Невдалекѣ текла рѣчка, мѣстность была довольно возвышенная, отѣненная вокругъ лѣсами — и среди столѣтнихъ дубовъ стояла хата графа, — иначе трудно было назвать ее. Хозяинъ строилъ ее по собственному плану, и даже частію собственными руками, изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, покрылъ соломою и окружилъ пристройками и садомъ. Главную фантазію старика составляло то, чтобы довольствоваться самымъ необходимымъ, и вести жизнь самую простую. По этой причинѣ, онъ добровольно отказался отъ всѣхъ удобствъ и удовольствій. Двѣ коровы, нѣсколько овецъ, около десятка домашнихъ птицъ, составляли все его имущество, а дворню — одна женщина, дѣвочка въ помощь ей, да одинъ парень. Всѣ они одѣвались и жили по-крестьянски. Хата отличалась красивою постройкою, обширностью и чистотою, но, по внутреннему расположенію, немногимъ разнилась отъ простыхъ крестьянскихъ домовъ. Налѣво была изба графа съ чуланомъ, направо кухня и изба для прислуги; въ сѣняхъ ходили куры, хорошо откормленный поросенокъ, нѣсколько гусей и пара индѣекъ. Вся мебель состояла изъ простыхъ скамеекъ, стола и постели, набитой сѣномъ и покрытой толстымъ бѣльемъ; двѣ собаки обыкновенно лежали на порогѣ избы. Юноша, простоты ради, отказался отъ воспоминаній прошедшаго; онъ, очевидно, хотѣлъ быть Діогеномъ, каждый день уничтожалъ какую-нибудь пріятную привычку, чтобы она не тяготила его, и все дѣлалъ собственными руками.

Старикъ вышелъ навстрѣчу пріѣхавшему Алексѣю, подаль ему широкую и жесткую руку свою, и воскликнулъ съ улыбкою:

— Вотъ благородный-то гость! Не боится моей хаты. Ну, садись же и отдохни. Правда, у меня нѣтъ привычки искать съ кѣмъ бы то ни было короткаго знакомства, потому что всякая привязанность угрожаетъ неволею и заботами; но тебя, милый Алексѣй, я люблю, а уважаю еще болѣе!

Эти слова были великою похвалою въ устахъ бережливаго на слова старика, любившаго болѣе порицать, нежели хвалить. Онъ нарочно прикрывалъ свое сердце грубою оболочкою.

— Но что же привело тебя сюда? Ты не пріѣхалъ бы ко мнѣ даромъ. Вѣдь я каждый день бываю у васъ; слѣдовательно, ты не могъ стосковаться по мнѣ. Говори прямо; ты знаешь, что я не люблю околичностей.

— Вы угадали. Къ несчастью, я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбою. Съ недавняго времени жизнь моя пошла новою, неожиданною дорогою. Самъ не знаю, куда иду и что будетъ со мною?

— Ну, что же случилось? Да, Карлинъ! — воскликнулъ старикъ, начиная догадываться. — Можетъ быть, твоя мать, своимъ старымъ разумомъ, говоритъ дѣло—это знакомство для тебя лишнее. Свѣтъ тружениковъ и свѣтъ аристократовъ, — двѣ совершенно противоположныя сферы; нельзя въ одно и то же время жить въ томъ и другомъ, потому что невозможно согласить ихъ. Нашъ свѣтъ ближе къ правдѣ, тотъ построенъ на фальшивомъ фундаментѣ и весь искусственный. Зачѣмъ же тебѣ искать его и брататься съ нимъ?

Алексѣй терпѣливо слушалъ графа, вздохнулъ, подумалъ немного и отвѣчалъ:

— Въ жизни встрѣчаются неизбежныя необходимости.

— Только для тѣхъ, кто вѣритъ въ нихъ, — возразилъ Юноша, — но продолжай, не бойся, я не буду противорѣчить тебѣ. Я уже давно убѣдился, что человѣкъ не можетъ и не долженъ существовать чужими совѣтами. Говори!

— Юліанъ, старый мой товарищъ и другъ, требуетъ моей помощи. Я почти далъ слово заняться его дѣлами и управлять Карлинскимъ имѣніемъ.

— А Жербы? А мать?

— Маменька остается съ Яномъ. Мы и безъ того рѣшились раздѣлиться; я долженъ былъ особо жить на маленькомъ фольваркѣ, который мы беремъ въ аренду.

— Это шагъ важный, даже, можетъ быть, гораздо важнѣе, чѣмъ ты думаешь, — онъ будетъ имѣть вліяніе на всю твою будущиость, измѣнить твой характеръ. Ты былъ бѣденъ, но свободенъ; теперь добровольно продаешь себя. Обсуди, что ты дѣлаешь? Ты готовишь себѣ тяжкую будущиость. Самые благородные люди, наконецъ, представляются тебѣ неблагодарными, когда новое положеніе сдѣлаетъ тебя слугою, а сближеніе съ ними возвыситъ тебя въ твоёмъ собственномъ убѣжденіи. Что ты приобрѣтешь тамъ? Большое униженіе за небольшія деньги. Не лучше ли имѣть меньше и пріучить себя довольствоваться малымъ?

— Все это правда. Но, графъ, вы мало знаете Юліана.

Юноша пожалъ плечами и спросилъ:

— Чего-жъ ты хочешь отъ меня?

— Чтобы вмѣстѣ со мною вы поѣхали въ Жербы и помогли мнѣ объясниться съ маменькой.

— Ну, это трудная задача! Она порядкомъ намылитъ тебѣ голову... Гмъ! какъ вижу, ты уже попалъ въ западню и нашелъ себѣ тамъ теплый уголокъ; поступай, какъ хочешь. Ребенокъ до тѣхъ поръ не вѣритъ въ силу огня, пока не обожжется, и тебѣ надо обжечься. Ыдемъ!

Старикъ надѣлъ шапку, взялъ неразлучный кисетъ съ табакомъ, трубку и палку, сѣлъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ въ бричку и поѣхалъ въ Жербы, гдѣ счастливый Янъ, съ самымъ горячимъ усердіемъ, вмѣстѣ съ матерью, занимался хозяйствомъ. Ему очень нравились увольненіе отъ ученья и названіе домохозяина, а потому онъ наслаждался счастіемъ по-юношески, не спалъ, не ѣлъ и всюду бѣгалъ точно угорѣлый. Дробицкая должна была даже удерживать его отъ излишней горячности. Графъ и Алексѣй встрѣтили его летѣвшимъ на конѣ въ поле, и только что миновавшимъ свой дворъ. Янъ улыбнулся Алексѣю, поклонился графу и стрѣлою поскакалъ изъ деревни. Дробицкая, стоя на крыльцѣ и глядя на Яна и въѣзжавшаго Алексѣя, повторяла въ мысляхъ:

— Все-таки это не Алексѣй! Но да будетъ воля Божія!

— Вотъ я привезъ вамъ бѣглеца,—воскликнулъ Юноша, выѣзая изъ брички.

— Какъ? Вы оба были въ Карлинь?

— Я не былъ,—отвѣчалъ графъ,—но мы встрѣтились на дорогѣ, и такъ какъ вы давненько не видали меня и, вѣрно, стосковались...

— Есть о комъ тосковать!—сказала Дробицкая. — Вотъ угадалъ, такъ угадалъ.

— Женщины никогда не сознаются въ своихъ чувствахъ: старая штука, сударыня!

Оба старика разсмѣялись.

— Теперь я пріѣхалъ,—продолжалъ графъ,—засвидѣтельствовать вамъ мое уваженіе и поздравить...

— Съ чѣмъ?

— Съ двумя счастливыми обстоятельствами.

— Даже съ двумя?

— Во-первыхъ, съ производствомъ въ домохозяина вонъ того молодца, который, отъ радости, что снялъ съ себя гимназическій мундиръ, готовъ сломать себѣ шею.

— Съ чѣмъ же другимъ хотите вы поздравить меня?

— Второе поздравленіе, — сказалъ Юноша, садясь на крыльцѣ, — гораздо важнѣе, и даже вы еще не знаете объ этомъ.

— Вотъ тебѣ и на! Не поѣлъ ли скотъ необгороженную скирду?

— Гораздо хуже, сударыня! Паны подѣли у тебя сына.

— Знаю я объ этомъ.

— Не совѣмъ.

— Опять какая-нибудь новость?

— Панъ Алексѣй назначенъ управителемъ имѣнія, повѣреннымъ и привилегированнымъ другомъ Карлинскихъ.

Дробицкая взглянула на сына и спросила:

— Что это значить?

— Это вѣрно, милая маменька, я буду управлять имѣніями Карлинскихъ. Ультайскій набавляетъ цѣну за свой участокъ; гораздо больше я заработаю для васъ на новой должности, нежели на этой ничтожной арендѣ.

— Ну, ужъ забилъ же себѣ онъ вздоръ въ голову!—вос-

кликнула мать, всплеснувъ руками. — Да онъ прямо идетъ къ погибели...

— Да что тутъ худого? — спросилъ графъ.

— И вы еще спрашиваете? — грозно отвѣчала вдова. — Даже, пожалуй, готовы увѣрить, что это хорошо? Да зачѣмъ же вы надѣли свою сермягу? Видно для того только, чтобы подъ нею легче обманывать простаковъ! Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, полагаете, что для моего сына большое счастье изъ свободного человѣка сдѣлаться слугою на жалованьи?

Старикъ сердито насунилъ брови, погладилъ бороду, склонилъ голову и сказалъ:

— Если ужъ мы начали говорить такимъ образомъ, то лгать не буду. Я не одобряю намѣренія вашего сына, но вѣрю, что человѣку слѣдуетъ предоставить полную свободу, пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ. Въ противномъ случаѣ, держа сына на привязи, вы сдѣлаете его на всю жизнь ребенкомъ.

— Вѣдь я дала волю, — возразила мать. — Впрочемъ, дала не для того, чтобы онъ пошелъ служить!

— Милая маменька! — перебилъ Алексѣй, — вы хорошо знаете меня: я не закабалу себя во всякую службу; но вѣдь Юліанъ другъ мой... Это вовсе не будетъ служба.

— Да, рассказывай! Чтожъ ты будешь дѣлать тамъ? Сидѣть сложа руки? Но это еще хуже для тебя.

Алексѣй опечалился. Матери стало жаль его.

— Я должна была сказать тебѣ всю правду, — прибавила она болѣе ласковымъ тономъ. — Не буду загораживать тебѣ дорогу. Я уже сказала одинъ разъ навсегда, что ты свободенъ. Но сообрази хорошенько: что ты готовишь себѣ? Подумалъ ли ты, какую тяжесть берешь на себя? Повѣрь, ты и друга потеряешь, и себя уронишь въ общемъ мнѣніи.

— Я говорилъ ему это, — отозвался Юноша. — Но мы, съ нашею стариковскою опытностью, пасъ передъ его знаніемъ свѣта.

Алексѣй покорно и молчаливо перенесъ это первое нападеніе, и только когда старушка нѣсколько успокоилась, когда ему позволили говорить, онъ объяснилъ подробно, вѣрнѣе изобразилъ свою будущность, исчислилъ всѣ матеріальныя выгоды, которыя, въ самомъ дѣлѣ, могли улучшить ихъ семей-

ное положеніе, и, наконецъ, прибавилъ, что болѣе для семейства, нежели для себя, приносить теперешнюю жертву.

— Мы, съ своей стороны, освободили тебя отъ всякихъ жертвъ, — отвѣчала Дробицкая, — но, какъ видно, и это на тебя не дѣйствуетъ. Я давно предчувствовала, что эти Карлинскіе принесутъ намъ несчастье; ихъ фамилія всегда производила на меня непріятное впечатлѣніе, а узнавши первый разъ, что ты былъ у нихъ, я даже содрогнулась. Да будетъ воля Твоя, Господи!

Слезы сверкнули на глазахъ матери, но она проворно отерла ихъ и прибавила:

— Перестанемъ лучше говорить объ этомъ. Твой дѣдъ, прадѣдъ и отецъ никому не служили. Они были бѣдные люди, но умѣли довольствоваться малымъ, жили хорошо. Ты хочешь попробовать чужого хлѣба. Не запрещаю тебѣ, но предчувствую твою тяжкую долю. Кто знаетъ, что ожидаетъ тебя? Ты приобрѣтешь барскія привычки, возгордишься передъ нами, и будешь словно нетопырь, который не похожъ ни на мышъ, ни на птицу. Гораздо бы больше хотѣлось мнѣ видѣть тебя честнымъ земледѣльцемъ, весело воздѣлывающимъ свой собственный участокъ, въ потѣ лица, но вѣрно не такова твоя судьба. Старушка замолчала и движеніемъ головы попросила къ себѣ въ домъ молчавшаго Юношу.

VII.

Ни совѣты матери, ни насмѣшки графа, ни собственное сознаніе послѣдствій настоящей рѣшимости уже не остановили Алексѣя. Оправдываясь роковою необходимостью, но въ сущности увлекаемый тайнымъ чувствомъ, онъ пошелъ служить Карлину и его обитателямъ. Яцекъ Ултайскій, дорожившійся своимъ участкомъ въ Жербахъ, въ предположеніи, что онъ будетъ крайне нуженъ Алексѣю, узнавъ, что Дробицкій вовсе не думаетъ поселиться на немъ, спустилъ тонъ и цѣну, и аренда осталась на прежнихъ условіяхъ за Яномъ и его матерью.

Перемѣщеніе Алексѣя въ Карлинъ было для Юліана днемъ невыразимой радости. Онъ самъ выбралъ для друга квартиру

въ нижнемъ этажѣ замка, съ выходомъ въ садъ, состоявшую изъ нѣсколькихъ комнатъ, убранную со вкусомъ и удобную до излишества. Но Дробицкому скучно показалось въ каменныхъ покояхъ. Онъ сознавалъ себя здѣсь чужимъ, второстепеннымъ лицомъ, потому что привыкъ въ своемъ домѣ быть паномъ и центромъ семейства. Когда онъ первый разъ по перѣздѣ сюда встрѣтился съ Полею, веселая дѣвушка взглянула на него печально и съ выраженіемъ состраданія.

— Ахъ, и вы ужъ здѣсь! — сказала она со вздохомъ. — Хорошо; мы будемъ поддерживать и утѣшать другъ друга. Мы оба здѣсь точно выходцы изъ чужой земли.

— Я и самъ не понимаю себя, — отвѣчалъ взволнованный Алексѣй. — За нѣсколько мѣсяцевъ я бы разсмѣялся, даже обидѣлся бы предложеніемъ подобныхъ занятій; а теперь, какъ видите, принялъ ихъ.

— Судьба часто ставитъ человѣка въ совершенно неожиданное положеніе! — воскликнула Поля. — И послѣ этого еще проповѣдуютъ, что человѣкъ имѣетъ волю, свободу! — Дѣвушка разсмѣялась, бросая на Алексѣя взглядъ, частью насмѣшливый, частью печальный.

Что касается до занятій, то Дробицкій принялся за нихъ со всею горячностью молодости. Первый взглядъ на состояніе дѣлъ поразилъ его. Не желая огорчать Юліана, Алексѣй ничего не говорилъ ему, но президенту онъ прямо открылъ въ какомъ дурномъ положеніи нашелъ всё. Юліанъ въ самомъ дѣлѣ трудился, но былъ слишкомъ снисходителенъ, благороденъ и молодъ для исполненія обязанности, требовавшей извѣстнаго вниманія къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ. Нашлись люди, которые употребили во зло его доброту, а Карлинскій, видя это, старался еще оправдывать ихъ передъ самимъ собою, только для того, чтобы не дѣлать имъ прямо въ глаза выговоровъ и упрековъ. Такая снисходительность или, вѣрнѣе, безсиліе, уже произвели много вреда въ имѣньи. Экономы, управители, услужливые ростовщики окружили Юліана, представили ему вещи въ самомъ лучшемъ и выгодномъ положеніи, никогда не огорчали его, потворствовали и сокращали его занятія, но зато безъ милосердія опоражнивали его карманы. Алексѣй нашелъ два пропущенные срока платежей

банку, множество частныхъ долговъ, кипу заемныхъ писемъ у ростовщиковъ, беспорядокъ и обманъ въ производствѣ продажъ, запутанность и безтолковость къ счетамъ.

Жизнь среди занятій имѣла свои пріятности. Почти цѣлый день просиживая за дѣлами, Алексѣй не видалъ Барлинскихъ; но вечеромъ всѣ сходились за чаемъ, вели пріятный разговоръ, и послѣ ужина Алексѣй еще долго бесѣдовалъ наединѣ съ Юліаномъ. Дробицкій замѣтилъ, что Юліанъ, исключительно говорившій прежде о своей привязанности къ Полѣ, съ нѣкотораго времени вдругъ пересталъ говорить объ этомъ предметѣ. Принимая это молчаніе за дурной признакъ, Алексѣй началъ внимательнѣе слѣдить за молодыми людьми, но ничего новаго не замѣтилъ въ ихъ обращеніи.

Между тѣмъ, въ его собственномъ сердцѣ постепенно росло идеальное, тихое чувство къ Аннѣ, росло собственною силою, поддерживаясь только усилившимся благоговѣніемъ къ этому ангелу. При ближайшемъ столкновеніи, Анна представлялась еще болѣе привлекательною: она существовала не для себя, никогда не думала о своей будущности, но жила только для ближнихъ и Бога. Президентъ, смѣясь, называлъ ее святою. Юліанъ конфузился, когда она смотрѣла на него, сидящаго рядомъ съ Полею. Алексѣй дрожалъ при мысли, что Анна не пойметъ его и какъ преступника, выгонитъ изъ своей святыни; не одинъ разъ даже представлялось ему, что онъ пятнаетъ ее своимъ взглядомъ и оскорбляетъ своею мыслью.

Несмотря на все это, Анна была мила, привлекательна, улыбалась. При всей строгости, она была нѣжна, снисходительна къ ближнимъ, необыкновенно добра и полна самоотверженія. Черты и выраженіе лица ея, казалось, говорили больше, чѣмъ слова: иногда взглядъ ея сожигалъ и глаза горѣли; иногда слѣды глубокой тоски какъ будто выражали душевное страданіе; но эти тайны никогда не выходили наружу. Ея жизнь была чрезвычайно дѣятельна: молитва, ухаживанье за Эмилиемъ, лѣченіе больныхъ, бѣдныя, иногда рисованье, занимали все время, такъ что у ней не оставалось ни одной почти свободной минуты.

Между тѣмъ, Алексѣй, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ молодыхъ людей нравился Аннѣ; но ея сердце не выра-

зило ни малѣйшаго доказательства уваженія и привязанности къ нему, ни разу не забилося для него. Въ ея глазахъ Дробицкій всегда былъ существомъ другого свѣта, другой породы, другого происхожденія; а, можетъ быть, она еще не могла любить такъ, какъ любятъ другіе, и еще ждала неминуемаго дня и часа, которые должны были принести ей и чувство, и страданіе.

Юліанъ, сдѣлавшись болѣе свободнымъ и веселымъ, со всею страстью обратился къ Полѣ, а такъ какъ Алексѣй всегда старался изгнать эту любовь изъ его сердца, то Юліанъ пересталъ открываться своему другу и сосредоточился въ самомъ себѣ. Наступили минуты сильной борьбы. Юліанъ твердо рѣшилъ, что онъ никогда не выскажетъ первый своей тайны; но она, противъ воли, выражалась во взглядахъ и словахъ его. Поля, съ своей стороны, съ какимъ-то отчаяніемъ шла впередъ, вовсе не заботясь о будущемъ, только бы настоящее вполне принадлежало ей. Съ каждымъ днемъ она становилась настойчивѣе, легкомысленнѣе, часто приходила въ гостиную съ заплаканными глазами, сердилась скучала, то вдругъ лихорадочно веселилась, вызывала Юліана, ссорилась съ нимъ и извинялась. Юліанъ сопротивлялся все слабѣй и слабѣе, горѣлъ, безумствовалъ, но не терялъ благородства, сознавая, что не долженъ пользоваться исключительнымъ положеніемъ и минутною горячкою.

Впрочемъ, бывали у него минуты страшно тяжелыя; онъ едва могъ бороться самъ съ собою, потому что любовь его къ Полѣ съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе и пламеннѣе. Анна во всемъ этомъ видѣла только ребячество, забаву или дружбу, но не предполагала страсти, потому что не понимала ея силы. Поэтому, она была спокойна и, что всего хуже, не одинъ разъ, въ невинной простотѣ своей, еще помогала сближенію влюбленныхъ. Каждую минуту развлеченія Юліана она считала бы счастьемъ, потому что искренно любила брата и не воображала, какая опасность угрожала ему.

Алексѣй съ беспокойствомъ и раздраженіемъ смотрѣлъ на такое положеніе вещей; но влюбленные тщательно избѣгали глазъ его, и не столько Поля, ни передъ кѣмъ не имѣвшая секретовъ и почти хвалившаяся своимъ чувствомъ, сколько

Юліанъ, который опасался, чтобы суровый упрекъ друга не отогналъ его отъ порога рая. Наконецъ, Алексѣй ясно замѣтилъ, что молодые люди съ каждымъ днемъ тѣснѣе, искреннѣе привязываются другъ къ другу. Долго думалъ онъ, что дѣлать. Однажды, во время прогулки, оставшись съ Полей наединѣ, — потому что Анна ушла къ Эмилию, а Юліана позвали въ гостиную для приема какого-то гостя, Алексѣй рѣшился откровенно поговорить съ сиротою. Ничего не было легче, какъ навести разговоръ на желаемый предметъ, потому что Поля ежеминутно обнаруживала свое чувство.

— Вы холодны, какъ гранитъ! — съ улыбкою сказала дѣвушка, заглядывая въ глаза Алексѣю. — Жаль мнѣ васъ, потому что вы никогда не будете любить.

— Мнѣ думается, что и вы должны-бы желать того же.

— Такъ неужели равнодушіе можетъ принести счастье? Стыдитесь! Вы еще такъ молоды, а, между тѣмъ, сердце ваше такъ холодно.

Алексѣй улыбнулся и сказалъ дѣвушкамъ:

— Не только я такъ холоденъ, но и вамъ желалъ-бы походить на меня.

— Значитъ, вы находите, что я слишкомъ пламенна?

— Нѣтъ, но... но...

— Что же—но? Скажите откровенно, что вы думаете обо мнѣ?

— Я думаю, что никто такъ усердно не хлопочетъ о своемъ счастьи, какъ вы хлопочете о слезахъ и страданіяхъ.

Поля взглянула на Алексѣя.

— Какимъ образомъ вы знаете...

— Я вижу, даже противъ своего желанія.

— Вамъ только такъ кажется.

— Не думаю.

Поля громко разсмѣялась и воскликнула:

— О, ничего нѣтъ опаснѣе этихъ холодныхъ и обиженныхъ природою людей! Ревность двойтъ и увеличиваетъ въ ихъ глазахъ предметы; сами они—камни—и кричатъ на каждого, кто только смѣетъ тронуться съ мѣста. Вы не понимаете жизни.

— Понимаю, только не такъ, какъ вы.

— Ну, конечно. Вы медленно и систематически устраи-

ваете ее себѣ, внимательно смотрите на каждое обстоятельство, и уже думаете о спокойствіи подѣ старость... о спокойствіи близь теплаго камина. Фи, фи! А я хочу проглотить весь свой запасъ въ нѣсколько минутъ, ухнуть имъ, а завтра умереть весело и съ улыбкою на устахъ.

— О, вы еще не знаете, какъ тяжело человѣку нести бремя жизни, если онъ потеряетъ силы.

— Откуда вы почерпнули подобную истину? Изъ опыта? Но, повѣрьте, это ни болѣе, ни менѣе какъ сказка старыхъ сумасбродовъ, не понимающихъ, что они говорятъ. Притомъ, какое вамъ дѣло до моей будущности? Оставьте меня, не надоедайте мнѣ вашими наставленіями. О, вы думаете, что и я, съ своей стороны, не сумѣла-бы прочитатъ вамъ маленькое наставленіе, если бы только захотѣла.

Она взглянула въ глаза Алексѣю; онъ покраснѣлъ, но, принявъ смѣлое выраженіе, спросилъ Полю:

— Мнѣ? Пожалуйста, дайте мнѣ наставленіе, какое вамъ угодно.

— Есть вещи, которыя, какъ далеко ни будете хоронить ихъ, никогда не скроются... Одно чувство подобно мускусу, — его запахъ непремѣнно распространяется въ воздухъ.

— Вы точно говорите въ бреду! — отвѣчалъ Алексѣй, принимая хладнокровное выраженіе.

— Сны бываютъ пророческіе.

— Что касается до меня, то я гляжу, сожалью, опасуюсь и отъ всего сердца.

— Благодарю васъ! — перебила Поля рѣшительнымъ тономъ, — не говорите далѣе. Я только одну жизнь понимаю, самую короткую, но полную, страстную, безумную. Жить два дня или сто лѣтъ до минуты кончины — одно и то же; каждый избираетъ себѣ жизнь по своему вкусу. Все, что вы сказали мнѣ, я ужъ не разъ говорила сама себѣ — и, наконецъ, пришла къ заключенію...

Поля вдругъ остановилась и прибавила:

— Пришла къ заключенію, что я не давала вамъ права вмѣшиваться въ мое положеніе, — и она подала Алексѣю свою бѣленькую ручку, взглянула ему въ глаза, какъ будто желая сказать: — Я на все готова! — и начала проворно собирать цвѣты,

потому что Юліанъ подошелъ къ нимъ. Видя на лицѣ Поли и Алексѣя слѣды замѣшательства и не зная причины его, ревни-
вый молодой человѣкъ, подобно всѣмъ влюбленнымъ, вообра-
зилъ себѣ, — и уже не въ первый разъ, — что другъ измѣняетъ
ему. Онъ взглянулъ на Дробицкаго, но послѣдній только по-
жалъ плечами.

— Пройдемся немножко, — сказалъ ему Юліанъ въ беспо-
койствѣ, — мнѣ надо кой о чемъ поговорить съ тобою.

— Пойдемъ.

Поля разсмѣялась, глядя имъ въ слѣдъ.

Едва они отошли на нѣсколько шаговъ, Карлинскій спро-
силъ Алексѣя:

— О чемъ вы говорили съ Полей?

— О самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

— Алексѣй! Ты не обманешь меня. Признайся, что ты
влюбленъ въ нее?

Алексѣй разразился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что
Юліанъ одумался и покраснѣлъ.

— Во-первыхъ, я уже сто разъ говорилъ тебѣ, что ни-
когда не могу полюбить Полю. Я только питаю къ ней брат-
скую привязанность.

— Неправда!

— Во-вторыхъ, слушай хорошенько, — прибавилъ съ жи-
востью Дробицкій, — если ты подозрѣваешь меня въ измѣнѣ,
то скажи, какой я подалъ къ этому поводъ? Если-бы я
любилъ Полю, то, вѣрно, не скрывалъ-бы любви своей,
какъ ты.

— Извини меня. Страсть ослѣпила меня, и мнѣ кажется,
что весь свѣтъ долженъ любить ее.

— Юліанъ! Ради Бога, уѣзжай, бѣги отсюда... Это худо
кончится... Предсказываю тебѣ...

— Я не люблю пророковъ! Оставь меня! Еще ничего
не началось и нечему кончаться. Поговоримъ о чемъ-ни-
будь другомъ.

— Ты явно избѣгаешь откровенности съ мною: это худой
знакъ, милый Юліанъ!

— Ты не понимаешь меня.

— Давно ли?

— Прости меня; я не знаю, что говорю, но теперь говорить не могу... когда-нибудь послѣ...

— Почему ты не хочешь уѣхать?

— Не могу, каждая минута для меня драгоцѣнна.

— Ты не хочешь послушаться меня.

Юліанъ замолчалъ, прогоривъ только тихимъ голосомъ:

— Ты человѣкъ безъ сердца!

Алексѣй вздохнулъ и также замолчалъ.

VIII.

Для посторонняго человѣка жизнь въ Карлинѣ текла спокойно, тихо, счастливо, но на днѣ, подъ этою блестящею поверхностью водъ, озаряемыхъ солнцемъ, много было черной тины и нечистоты! Одна Анна была здѣсь самостоятельна и спокойна, — у всѣхъ прочихъ жителей стариннаго замка улыбка только скрывала тайныя слезы; Алексѣй, искренно привязавшійся къ нимъ, рѣшился секретно заняться бѣднымъ Эмилиемъ и началъ, по возможности, собирать свѣдѣнія о воспитаніи глухонѣмыхъ, намѣреваясь, хоть поздно, зажечь искру сознанія у несчастнаго существа, до сихъ поръ чрезвычайно слабаго и подверженнаго столь ужасной болѣзни, что всѣ окружающіе должны были исключительно заботиться только о его здоровьи. Прежде всего Алексѣй постарался сблизиться съ молодымъ человѣкомъ, потомъ съ трепетомъ сердца, пользуясь минутами, когда Анна не могла застать его у Эмилія, началъ учить его. Въ подобныхъ случаяхъ затруднительнѣе всего начало; потомъ, послѣ перваго шага, дѣло идетъ уже само собою; но первый шагъ въ сознаніи чрезвычайно труденъ. Эмилией былъ своеволенъ, очень разсѣянъ и изнѣженъ; его оставляли въ совершенномъ пренебреженіи и только забавляли. Принудить его къ внимательности и напряженію душевныхъ силъ, съ перваго разу казалось невозможно. Но Алексѣй не терялъ надежды. При первомъ непонятномъ словѣ или явленіи Эмилией выражалъ нетерпѣливость, вздрагивалъ. Учитель, при первомъ признакѣ усталости, оставлялъ свои попытки, но на другой день опять принимался за дѣло. Алексѣй долго колебался, долго безъ всякаго успѣха испыты-

валъ пути, указываемые въ книгахъ, наконецъ, въ любимыхъ картинахъ Эмилія нашелъ средство къ объясненію съ нимъ и къ открытію ему свѣта. Блеснулъ первый лучъ. Эмилій былъ спасенъ.

Алексѣй по нѣскольку разъ въ день приходилъ къ нему, начиналъ забавами, потомъ незамѣтно пытался учить его, оставлялъ это занятіе и начиналъ опять. Не знаю — какимъ чудомъ совершилось то, что Эмилій не испугался, не возненавидѣлъ Алексѣя; напротивъ, онъ еще полюбилъ его и привязался къ нему. Анна, ничего не знавшая объ этомъ, — потому что Алексѣй дѣйствовалъ съ величайшей тайной отъ нея, — только дивилась переменѣ въ братѣ. Къ счастью для Дробницкаго, здоровье Эмилія вдругъ поправилось. Докторъ Греберъ приписывалъ это своей методѣ лѣченія и какому-то изобрѣтенному имъ составу, а въ самомъ-то дѣлѣ только молодыя силы Эмилія, да неунынныя старанія Алексѣя около бѣднаго глухонѣмого произвели все это безъ лѣкарствъ Гребера, большею частью выливаемыхъ за окно. Эмилій началъ ходить безъ посторонней помощи, припадки болѣзни становились рѣже, наконецъ почти совсѣмъ прекратились; даже лицо глухонѣмого приняло какое-то новое выраженіе. Пробужденная мысль тотчасъ отразилась въ глазахъ, на устахъ и на челѣ; улыбка стала другая, взглядъ другой, движенія сознательнѣе. Анна до небесъ превозносила Гребера. Она даже не воображала — какъ много обязана была Алексѣю. Только одинъ старый слуга былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ трудовъ его. Казалось, глухонѣмой какъ-бы угадалъ желаніе Алексѣя до времени скрывать свое дѣло — и не обнаруживалъ этого передъ Анною.

IX.

Такъ прошли осень и зима. Наступила весна, всегда новая, всегда прелестная. Распустились деревья, запѣли птички, отворились сердца, — начался новый актъ вѣчной драмы человѣческой жизни.

Въ Карлинѣ не произошло никакихъ важныхъ переменъ. Только Алексѣй нѣсколько сблизился съ Анною, смѣлѣе откры-

валъ ей свои мысли, даже относительно такихъ предметовъ, въ которыхъ Анна не соглашалась съ нимъ; да еще любовь Поли къ Юліану сдѣлалась болѣе осторожною и начала маскироваться наружнымъ хладнокровіемъ, а это обстоятельство чрезвычайно тревожило Дробицкаго.

Однажды вечеромъ Алексѣй и Анна ходили по гостинной, откуда отворены были двери въ садъ. Задумчивая и печальная Поля первая вышла въ нихъ. Юліанъ сначала ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, вмѣшиваясь въ разговоръ; потомъ, сказавъ, что пойдетъ курить, вышелъ также на крыльцо. Алексѣй видѣлъ, какъ сошлись тамъ влюбленные, замѣтилъ ихъ шопотъ и пожатія рукъ, и легко догадался, что, расходясь въ противоположныя стороны, они, вѣрно, назначили другъ другу новое свиданіе гдѣ-нибудь въ саду. Теперь Дробицкій въ первый разъ положительно увѣрился, что между Юліаномъ и Полею дѣло зашло далеко. Опасность, въ которой находились молодые люди, живо предстала глазамъ благороднаго друга, особенно судьба несчастной Поли сильно сжала его сердце.

Анна, не подозрѣвая ничего подобнаго, спокойно разговаривала съ Алексѣемъ, жалуясь ему только на грусть Юліана и на переменъ его характера.

— Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моей привязанности къ Юліану, — сказалъ Алексѣй, — слѣдовательно, не обидитесь, если я скажу вамъ всю правду. Такая жизнь, какую ведетъ онъ, должна принести печальные плоды: безнадежность, равнодушіе, изнуреніе. Юліанъ не имѣетъ ни цѣли, ни занятія, не составилъ себѣ ясной идеи о будущемъ, слишкомъ много бережетъ себя, и мы также, со своей стороны, слишкомъ бережемъ его.

— Какое же вы дали бы ему занятіе?

— Какое угодно, только бы онъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь. Почему бы, напримѣръ, ему не попутешествовать?

— Правда, но я въ такомъ случаѣ осталась бы одна, одна въ этомъ пустомъ Карлинѣ!

— Пання! Я не вѣрю словамъ вашимъ. Вы не можете жаловаться на одиночество: ваша жизнь полна дѣятельности, размышленій и трудовъ. Но хоть бы вамъ и пришлось потосковать объ Юліанѣ, чтожь такое? Ему необходимо путешествіе.

— Необходимо?.. Да, по совѣту президента, я не разъ совѣтовала ему отправиться въ путешествіе; но онъ всегда отвѣчаетъ, что терпѣть не можетъ вояжей, что, удаляя его изъ Карлина, мы жестоко бы огорчили его. Онъ такъ любитъ насъ! Дробикій не смѣлъ сказать всей правды, и только прибавилъ:

— Какъ же вы хотите, чтобы больной подобнаго рода самъ добровольно согласился принять лѣкарство? Иногда больного можно избавить отъ опаснаго положенія только принужденіемъ и насиліемъ. У Юліана мало воли и рѣшимости; стало быть, чужая воля необходимо должна замѣнить ему собственную.

— Этого я не понимаю. Онъ не дитя, — трудно принудить его.

— Президентъ и вы могли бы упросить, убѣдить его. Увѣряю васъ—это единственное средство. Для молодости необходимо нужна пища, молодость, неподвижно существующая на одномъ мѣстѣ, истребляетъ и уничтожаетъ все окружающее и, когда не станетъ пищи, сама вянетъ и умираетъ. Посмотрите вы, какимъ возвратится сюда Юліанъ! Здѣсь онъ состарѣется раньше времени, прирастетъ къ стѣнамъ, къ подушкамъ и кресламъ, облѣнится и заснетъ. Напрасно вы думаете, что угодженіе инстинктамъ больного спасительно для его будущности; иногда онъ жаждетъ яда.

Анна глубоко задумалась и, наконецъ, проговорила тихимъ голосомъ:

— Я не сумѣю убѣдить его. Надо копросить президента, посоветоваться общими силами, если это будетъ необходимо. Но президентъ упоминалъ о другомъ лѣкарствѣ...

Анна остановилась. Легкій румянецъ покрылъ лицо ея.

— Какое же это лѣкарство?

— У насъ нѣтъ передъ вами секретовъ. Вы знаете наши дѣла по имѣнью. Они значительно поправились, но вы сами говорили, что для обезпеченія будущности слѣдовало бы продать двѣ деревни. Президентъ не видитъ противъ этого лучшаго средства, какъ женить моего брата на богатой. Онъ утверждаетъ, что, женивъ Юліана, введя его въ новую жизнь и наложивъ на него новыя обязанности...

— Если-бъ это было возможно! — воскликнулъ Алексѣй, — если бы...

Но онъ не могъ кончить всей мысли. Анна торопила его:

— Ну—чтожъ? *если бы...* говорите-же.

Алексѣй улыбнулся и сказалъ съ чувствомъ:

— Въ этомъ-то *если бы* именно и заключается великая тайна міра. Почему именно среди множества людей только одно существо влечетъ насъ къ себѣ, а другое, во всемъ блескѣ красоты, отталкиваетъ отъ себя, либо навѣки остается предметомъ равнодушія? Почему первый взглядъ рѣшаетъ нашу судьбу? Почему, еще не зная нашей избранницы, мы тоскуемъ о ней въ предчувствіи, а увидя ее, привязываемся къ ней навѣки?

— Подобной тайны,—отвѣчала Анна,—я не только не могу объяснить себѣ, но считаю ее мечтою: можно къ каждому привязаться.

— Да, по христіански или по-братски, — подтвердилъ Алексѣй.

— И этого довольно!—воскликнула Анна.—Признаюсь, я не понимаю исключительныхъ и страстныхъ привязанностей, считаю ихъ заблужденіемъ и непростительною глупостью. Человѣкъ не долженъ такъ крѣпко привязываться сердцемъ къ землѣ!

— Правда, не долженъ. Но если увлекающая его сила могущественнѣе всего на свѣтѣ? Если она заглушаетъ въ немъ память, разсудокъ, отнимаетъ присутствіе духа и совершенно овладѣваетъ имъ?

— Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ бороться, хотя,—прибавила она, подумавъ минуту,—я рѣшительно не понимаю и не могу понять васъ.

— И никогда не поймете!—отвѣчалъ молодой человѣкъ печальнымъ тономъ.—Вы слишкомъ высоко стоите надъ землею и не можете пожелать чего-нибудь земного. Не скажу, чтобы я хвалилъ въ васъ это свойство... Ваше величіе страшитъ меня.

Анна разсмѣялась и потупила взоры.

— Виновата ли я, если не вѣрю этому и не понимаю вашей теоріи?

— Но разумно ли опровергать истину извѣстнаго чувства потому только, что мы сами не испытываемъ его? Развѣ не можетъ оно существовать для другихъ, если не существуетъ для васъ?

— Жаль мнѣ такихъ людей!

— Не жалѣйте слишкомъ, панна! Все на свѣтѣ устроено такъ премудро, что мученія стоятъ рядомъ съ восторгамъ и душевными наслажденіями, и чѣмъ огромнѣе жертва, тѣмъ драгоценнѣе добыча. За страданія сердца платить само сердце, за страсть—одна минута безумія, за минуту счастья — злополучіе.

— Я слушаю все это точно сказку о заколдованной царевнѣ!—воскликнула Анна.—Но, посмотрите, ужъ десять часовъ, а мы такъ заговорились. У Поля цѣлый день болѣла голова; она, вѣрно, ушла въ свою комнату. Юліанъ также печалень и, должно быть, сидитъ у себя и читаетъ. Спокойной ночи!

Анна вышла изъ гостиной.

Оставшись одинъ, Алексѣй тихими шагами пошелъ по темной аллеѣ и вдругъ остановился, не зная, что дѣлать, потому что за нѣсколько шаговъ нечаянно услышалъ долетѣвшія до него слова разговора. Онъ опомнился и оглянулся вокругъ. Мѣсяцъ, какъ-будто серебряной струей, проникъ сквозь листья густой бесѣдки, гдѣ сидѣли Юліанъ и Поля, забывъ все на свѣтѣ. Они, казалось, забыли свѣтъ, людей, опасности, будущее—все, на что оглядывается холодный человѣкъ; ихъ слова, какъ и взгляды, смѣшивались, сливались и обращались въ одинъ звукъ.

— Милый мой Юліанъ!—серебристымъ голосомъ восклицала Поля.—О, долго, невыразимо долго ждала я этой минуты... Теперь уже могу умереть, ничего не надо мнѣ больше... Скажи еще, что любишь меня? Ты — ангелъ, чистое, небесное существо, идеалъ, любишь меня бѣдную, столько лѣтъ страдавшую отъ втутренняго огня, униженную страстью, безумно бросающуюся тебѣ на шею? Ты не презираешь меня?.. Не отталкиваешь?..

— Я люблю тебя, Поля... Поля! О, какъ люблю!.. Сколько я страдалъ!.. сколько боролся!..

— А, ты хотѣлъ сопротивляться? Ты думалъ, что найдешь силы противиться мнѣ? Я увлекла тебя. О, всемогущую волю любви моей я мертвеца вырвала бы изъ могилы! Ты не знаешь, сколько и я страдала. Стыдъ, мысль о будущемъ, бла-

годарность — все я подавила въ себѣ. А сколько проглотила я слезъ! Сколько разъ хотѣла умереть, думая, что не пробужу тебя отъ оцѣпенѣнія!

— Я долженъ былъ бороться. Но развѣ мои глаза не говорили тебѣ, что я чувствовалъ?..

— Глаза? Однихъ глазъ мнѣ мало было... Уста? И ихъ также мало... Ахъ, схожу съ ума отъ счастья! Ты любишь меня!.. О, если бы теперь могла я умереть — вотъ такъ, въ твоихъ объятіяхъ... Убей меня! О, убей меня!.. Ты принесешь мнѣ счастье... Передо мною встаетъ грозное завтра, я боюсь всего: людей, тебя, ее... свѣта... несчастья... самой себя... Теперь я достигла цѣли моихъ желаній... Ты мой! Ты у меня! О, какъ мнѣ сладко умереть въ эту минуту!..

— Поля! Мы будемъ жить.

— Жить? Это говоришь ты и обманываешь, милый Юліанъ! Вѣдь ты хорошо знаешь, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, но зачѣмъ этотъ часъ отравлять страшными мыслями? Онѣ и безъ того придутъ слишкомъ скоро. Только сегодня принадлежитъ мнѣ!

И она обняла его шею и осыпала поцѣлуями. Юліанъ замолчалъ и казался почти въ обморокѣ. У Алексѣя волосы поднялись дыбомъ. Идти назадъ онъ не могъ, оставаться тутъ не хотѣлъ: эта сцена поразила его. Онъ стоялъ близъ нихъ — точно вкопанный, а они не видали его.

— Поля! Пойдемъ домой! Насъ увидятъ... догадаются.

— Пусть видятъ, пусть догадываются, пусть весь свѣтъ знаетъ, что я твоя... Я горжусь этимъ, хочу этого! Какое мнѣ дѣло до людей! Сегодня я царица, потому что твое сердце принадлежитъ мнѣ.

Изъ такихъ безпорядочно вырывавшихся фразъ состоялъ страстный разговоръ молодыхъ людей, разговоръ, въ которомъ слова были уже ненужнымъ, излишнимъ прибавленіемъ. Опомнившись немного, Алексѣй на нѣсколько шаговъ отошелъ въ сторону, началъ громко свистать и опять подошелъ къ бесѣдкѣ, давая Полѣ время уйти.

Дробицкій полагалъ, что его прибытіе разстроить это опасное свиданіе, что дѣвушка уѣздитъ, а Юліанъ останется, показывая видъ, что возвращается съ прогулки. Но онъ ошибся.

Подойдя къ бесѣдкѣ, онъ только нашелъ на землѣ бѣлый платокъ, а влюбленныхъ уже не было... Они мелькнули въ темной аллеѣ, какъ двѣ тѣни, и исчезли—ничто не могло разлучить ихъ. Алексѣй, поднявъ и спрятавъ платокъ, пошелъ далѣе и нарочно слѣдилъ бѣглецовъ, чтобы разлучить ихъ; однако, онъ не могъ поймать ихъ. Поля увлекла Юліана въ тѣнистую глубину сада.

Черезъ полчаса напрасныхъ поисковъ, раздраженный противъ Карлинскаго, Алексѣй пошелъ въ его комнату, рѣшившись ждать его тамъ и прямо въ глаза высказать всю правду. Онъ даже упрекалъ себя, что не сдѣлалъ этого раньше, что не заставилъ Юліана признаться и заблаговременно просить у него помощи, которая придетъ теперь, можетъ быть, поздно.

Но Алексѣй изумился, найдя Юліана въ креслахъ, съ сигарою въ зубахъ, повидимому, изнуреннаго, холоднаго и съ книгою въ рукѣ. Впрочемъ, на лицѣ Карлинскаго еще отражались слѣды сцѣны въ саду: замѣшательство, страсть и вмѣстѣ досада. Онъ исподлобья взглянулъ на Алексѣя.

Дробицкій, сперва оглянувшись — не можетъ ли кто подслушать ихъ, сталъ передъ нимъ, какъ грозный судья, вынулъ изъ бокового кармана платокъ, бросилъ его Юліану, какъ неоспоримый знакъ того, что онъ былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія, и сказалъ:

— Я нашелъ его въ бесѣдкѣ, гдѣ вы съ Полей разыграли такую безумную сцену; я нечаянно сдѣлался вашимъ повѣреннымъ, потому что случайно попалъ на васъ. Но, видно, благодѣтельная судьба хотѣла этого.

Юліанъ задрожалъ отъ гнѣва.

— Ты не испугаешь меня своимъ гнѣвомъ, — перебилъ Алексѣй, пока Юліанъ собирался говорить; — притомъ я пришелъ сюда не съ упреками, а изъ состраданія. Юліанъ! Ради Бога, подумай, что ты дѣлаешь? Опомнись! Если ты уже не вѣришь дружбѣ и моему сердцу — я извиняю тебя, то обратись, по крайней мѣрѣ, къ собственному разуму!

Обезоруженный этими словами, Юліанъ встрепнулся, бросился ему на шею и воскликнулъ:

— Я знаю, чувствую, что зашелъ слишкомъ далеко; но это было выше силъ моихъ... Я не могъ сопротивляться... не

умѣлъ... Поля увлекла меня... Спасай насъ... совѣтуй, дорогой Алексѣй! Будь мнѣ другомъ, а не судьей!

— Я самъ человѣкъ и даже слабый въ такой степени, что ты не можешь ожидать отъ меня жестокихъ упрековъ. Я пришелъ не съ укорами—они уже бесполезны, но съ дружескою рукою, готовою поддержать тебя.

Юліанъ закрылъ глаза руками.

— Теперь я повторяю тебѣ,—продолжалъ Дробицкій,—скажи себѣ рѣшительно, что женишься на ней, или сію же минуту бѣги отсюда. Я, на твоемъ мѣстѣ, не обратилъ бы вниманія на предразсудки и воображаемое неравенство, смѣло пошелъ бы къ алтарю! Не бойся трудовъ и бѣдности, раздѣли съ нею жизнь, какъ раздѣлилъ сердце. Если же ты не имѣешь твердости, чтобы поступить такимъ образомъ, то бѣги завтра же, немедленно, сію минуту!

— Поздно теперь!—произнесъ Карлинскій отчаяннымъ голосомъ.

— Слѣдовательно, ты знаешь, что дѣлать,—отвѣчалъ Алексѣй.—Мой совѣтъ былъ бы упрекомъ: тебѣ предстоитъ только одна благородная дорога.

— Не сомнѣвайся, я поступлю такъ, какъ мнѣ велитъ обязанность. Она любитъ меня... Я схожу по ней съ ума... Ничто не разлучитъ насъ. Но, ради Бога, прошу тебя, пусть это останется пока въ тайнѣ. Мнѣ надо приготовить дядю, Анну, надо самому вооружиться мужествомъ, потому что хорошо знаю, что встрѣчу огромныя, страшныя препятствія. Но ты пока молчи, заклинаю тебя, дай мнѣ время.

— Поступай, какъ хочешь,—сказалъ Алексѣй, садясь на мѣсто, — но не думай, что отсрочка дастъ тебѣ силы. Ты боишься вѣнчики; но повѣрь, не избѣгнешь ея: сегодня или завтра—она будетъ одна и та же.

— Мнѣ нужно собраться съ мыслями, составить планъ... Умоляю тебя—молчи до времени.

— Будь покоенъ: я никогда не измѣнялъ. Никто не догадается, что случай открылъ мнѣ вашу тайну. Я буду молчать... Закрою глаза, потому что еще вѣрю тебѣ.

X.

Когда на другой день всѣ собрались въ гостиной, Алексѣй не смѣлъ взглянуть на Полю, опасаясь, что взглядъ измѣнитъ ему и покроетъ румянцемъ бѣдную дѣвушку. Но любовь сироты была такъ сильна, такъ искренна, что она не краснѣла. Въ простотѣ своей она еще хотѣла хвалиться побѣдою. Поля знала, что Алексѣй нечаянно видѣлъ ее съ Юліаномъ; но это нисколько не смутило ея: она рассчитывала на благородство Дробицкаго и даже не понимала надобности молчать. Смѣлый взглядъ дѣвушки сказалъ Алексѣю все... Онъ невольно смѣшался, когда Поля сама очень свободно сказала ему:

Какъ поздно вы прогуливаетесь по саду! Закрывая у себя окно, я видѣла, какъ вы возвращались въ двѣнадцатомъ часу. Ночь была прекрасная—неправда ли?

Алексѣй покраснѣлъ и не нашелся, что сказать въ отвѣтъ. Изумленный Юліанъ долженъ былъ отворотиться, чтобы скрыть овладѣвшій имъ испугъ. Поля была въ самомъ восторженномъ состояніи, весела, говорлива, какъ въ прежнія счастливыя времена, смѣялась и острела, преслѣдуя Алексѣя, не имѣвшаго силъ отвѣчать ей. Юліанъ страдалъ отъ чрезвычайной веселости, потому что не умѣлъ вторить ей. Анна, ничего не зная о случившемся, очень радовалась веселости Поли и съ ангельскою невинностью постоянно вмѣшивалась въ разговоръ, хотя не могла понять его значенія. Хорошо помня вчерашнее совѣщаніе съ Дробицкимъ, она рѣшилась испытать Юліана и отозвала его въ другую комнату. Поля осталась одна съ Алексѣемъ.

Смѣло глядя въ глаза Дробицкому, дѣвушка проворно подошла къ нему, подала свою дрожавшую ручку и спросила:

— Вы не сердитесь на меня?

— Я? За что?

— Я жестоко преслѣдую васъ.

На устахъ ея порхнула улыбка, въ глазахъ навернулись слезы.

— Бѣдный молодой человѣкъ!—прибавила она:—а я такъ счастлива!.. Вѣдь вы все знаете?

— Рѣшительно ничего не знаю.

— Я люблю васъ какъ брата... Но молчите!

— Въ самомъ дѣлѣ, вы говорите загадочно.

— Не считайте меня ребенкомъ. Я видѣла васъ вчера, вы также должны были видѣть насъ.

Алексѣй смѣшался.

— Я не стыжусь:—воскликнула Поля съ гордостью.—Въ самомъ дѣлѣ, я люблю его и готова пожертвовать для него жизнью. Что мнѣ свѣтъ? Что люди?

— Но подумали-ль вы когда-нибудь о будущемъ?

— Нѣтъ, и не хочу думать... Для меня нѣтъ и не будетъ его. Побѣдись, насмѣюсь, наплачусь... и умру... счастливою...

Алексѣй вздохнулъ.

— О, благословенная, легкомысленная молодость! Какія творишь ты чудеса! Есть-ли возможность убѣждать васъ теперь?

— Вы—холодный, расчетливый человѣкъ, — съ живостью возразила Поля, — всю жизнь думаете о будущемъ и потому никогда не имѣете настоящаго. Какъ вамъ не стыдно, какъ не жаль этого? Завтра?! Да развѣ оно принадлежитъ мнѣ? Я наслаждаюсь и смѣло иду навстрѣчу грозной будущности. Что-жъ такое, что я буду страдать? Но развѣ не страдаютъ даже среди счастья? Я умру! Но развѣ не умираютъ среди восторговъ? Вы мелки, вы дѣти, старцы, но никакъ не мужчины и не люди!

— Все это прекрасно, — сказалъ Алексѣй, — но если дѣло идетъ не объ одной нашей, но вмѣстѣ и о чужой будущности, то маленькій расчетъ, кажется, не лишнее дѣло.

— Чужая? Моя и его будущность—это одно и то же,—возразила Поля, забываясь.—Мы—двое, составляемъ одно полное и цѣлое существо, можемъ ли мы не имѣть чего-нибудь общаго? Во всякомъ случаѣ, холодъ, опасенія, слезы и раскаяніе, придутъ слишкомъ скоро; такъ не нарушайте нашего счастья, нянь Алексѣй! Притомъ, знаете ли вы,—прибавила она шутливо,—и я, въ свою очередь, также держу васъ въ рукахъ.

— Вы? Меня?

— Да, и несравненно крѣпче, чѣмъ вы думаете!

Алексѣй разсмѣялся, но покраснѣлъ.

— Если вы помѣшаете мнѣ или испортите что-нибудь и станете на дорогѣ... Вы еще не знаете меня,—я готова стра-

шно отомстить вамъ! Я эгоистка, потому что мой эгоизмъ составляетъ счастье двухъ существъ. Я ничего не побоюсь: наговорю на васъ, сочиню сплетню, догадаюсь, выдумаю, наконецъ даже солгу, если будетъ нужно.

— Что это значить?—хладнокровно спросилъ Дробицкій.

— Ничего... Предположимъ, что во мнѣ маленькая горячка.

— Опасная...

— Но въ ней я вижу блаженство!. Оставьте меня— я не хочу быть здоровою и, вѣрно, не изберу васъ докторомъ.

Съ этими словами дѣвушка отвернулась и ушла въ другую комнату. Алексѣй остался въ крайнемъ изумленіи и съ горестью размышлялъ о столь внезапной и необыкновенной развязкѣ любви, которую еще вчера надѣялся подавить и разорвать. Теперь ужъ было поздно. Юліанъ безумствовалъ. Поля весело шла на мученія, не думая о будущихъ жертвахъ и не боясь стыда, потому что любила со всею силою первой молодости, невинной души и пламеннаго темперамента.

Уже не вмѣшиваясь ни во что, Алексѣй только издали и печально смотрѣлъ на эту драму и удивлялся, что, кромѣ его, никто не замѣчалъ переменъ отношеній между Полей и Юліаномъ. А между тѣмъ, Поля вовсе не скрывала ни своей страстной привязанности, ни правъ своихъ надъ молодымъ Карлинскимъ. Она то повелѣвала послушнымъ любовникомъ, какъ госпожа, то изъ-за самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ причинъ начинала капризничать, мучилась ревностью, разражалась гнѣвомъ, дѣлала сцены, не говорила по цѣлымъ днямъ, хворала и боролась съ отчаяніемъ. Но когда любовники втайнѣ мирились, то она также безумствовала отъ любви, почти бросалась Юліану въ ноги, извинялась предъ нимъ, жертвовала своею жизнью. Почти каждый день она обливалась слезами, питалась отчаяніемъ, упивалась счастьемъ. Юліанъ, хоть страстно любилъ ~~ее~~, однако съ тяжелымъ чувствомъ переносилъ эту мучительную любовь, потому что она не довольствовалась спокойствіемъ, вѣрою и надеждою, но безпрестанно требовала вѣнныя страсти, подозрѣвала всѣхъ и все, въ каждомъ незначительномъ движеніи видѣла угрозы равнодушія и металась лихорадочно. Карлинскій мучился и падалъ подъ бременемъ

столь ~~дикой~~, страстной привязанности, не имѣя силъ ни удовлетворить, ни успокоить ее.

Анна во всемъ этомъ не видѣла ничего, кромѣ невинной забавы. Алексѣй почти избѣгалъ столкновѣнія съ влюбленными, потому что Поля часто и несправедливо обвиняла его въ какомъ-то вліяніи, дѣлала ему жестокіе упреки, наказывала его молчаніемъ, насмѣшками, угрозами.

Между тѣмъ, Эмилій проснулся для новой жизни. Мысль постепенно начинала развиваться въ немъ, какъ въ ребенкѣ, и столь долго запертая въ головномъ черепѣ, наконецъ, обнаружилась предъ изумленными глазами. Онъ понималъ, спрашивалъ, отвѣчалъ, учился. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ былъ стараніямъ Алексѣя, и хотя плоды трудовъ наставника становились все очевиднѣе, ученикъ еще не открылъ себя ни передъ сестрою, ни передъ братомъ. Одинъ старый слуга догадывался въ чемъ дѣло, но съ улыбкою сохранялъ тайну, такъ какъ она должна была вдругъ обрадовать все семейство.

Въ одно утро Алексѣй, по обыкновенію, пришелъ къ Эмилию, когда въ замкѣ еще всѣ спали. Ученикъ встрѣтилъ его со слезами радости и объятіями. Они засѣли надъ книгою и стали учиться читать посредствомъ знаковъ—этого благотворнаго изобрѣтенія милосерднаго сердца, потому что для лишенныхъ способности слышать звуки они замѣняли живое слово. Алексѣй и Эмилій были такъ заняты, что не замѣтили, какъ Анна, вставъ раньше обыкновеннаго, и привлеченная отвореннымъ у Эмилиа окномъ, тихо вошла въ комнату и застала ихъ за тайнымъ занятіемъ. При видѣ этой изумительной и неожиданной картины, она остановилась какъ вкопаная; ея сердце забилося благодарностью, руки сложились какъ-бы для молитвы, слезы блеснули на рѣсницахъ. Она поняла, что то, что она видѣла теперь, было слѣдствіемъ долговременныхъ и неимовѣрныхъ трудовъ, поняла сердцемъ, что Дробицкій сдѣлалъ для нихъ и, —взволнованная, счастливая, бросилась къ молодому человѣку и съ чувствомъ благодарности схватила его руку.

Она не нашлась, что сказать; всѣ выраженія благодарности были бы напрасны, слабы; она только взглянула на него своими прекрасными, черными глазами. Алексѣй стоялъ передъ нею, какъ преступникъ, смущенный и взволнованный до глу-

бины сердца. Потомъ она бросилась къ Эмилию и расплакалась, видя, что не можетъ передать ему своихъ чувствъ, такъ какъ еще не знаетъ языка его.

Эмилиѣ обѣими руками указалъ ей на Алексѣя.

— Ахъ! А я ничего даже не подозрѣвала! — воскликнула Анна. — Я ничего не угадала, даже не предчувствовала, что вы нашъ благодѣтель, что вы возвратите намъ брата. Но къ чему эта тайна?

— Я боялся подать и отнять надежду: хотѣлъ сперва удостовѣриться.

— И Эмилиѣ сумѣлъ скрыть передъ нами тайну?

— Эмилиѣ одаренъ чуднымъ инстинктомъ. Сердце у него ангельское; онъ понялъ меня и былъ послушенъ.

Анна почти плакала. Но для нея не довольно было испытывать счастье одной: она хотѣла скорѣе подѣлиться имъ съ другими, тотчасъ послала за Юліаномъ, за Полею, хотѣла созвать весь домъ, и не находила словъ благодарить Алексѣя. Юліанъ приближалъ въ испугѣ, остановился въ изумленіи и, не говоря ни слова, бросился на шею Дробницкому. Поля пожала руку Алексѣя.

— Для меня это не было секретомъ! — воскликнула она съ улыбкою, — я все знала. Вы принадлежите въ числу избранныхъ людей, всегда приносящихъ съ собою благословеніе въ тотъ домъ, гдѣ поселитесь.

— Надобно дать знать президенту! Президентъ ничего не знаетъ. Матери! Сперва матери!.. О, какое будетъ счастье! Какою благодарностью мы обязаны ему.

Во время этой сцены, Эмилиѣ, принимавшій въ ней небольшое участіе, смотрѣлъ на всѣхъ, угадывалъ впечатлѣніе, глядѣлъ на Алексѣя и, съ чувствомъ прижимая его руку къ сердцу, улыбался.

— Пожалуйста, научите всѣхъ насъ говорить съ нимъ! Мы будемъ вашими помощниками! — воскликнула Анна.

Любовь полна эгоизма, но не должно обвинять ее за это: какъ земное чувство, она не можетъ быть другою. Спустя нѣсколько минутъ, Юліанъ занялся Полей. Поля подошла къ Юліану, и, забывъ объ Эмилиѣ, объ Алексѣѣ, они продолжали шопотомъ разговоръ, начатый вчера въ саду и прерванный

дождемъ. Анна тайно молилась, Алексѣй незамѣтно удалился съ душою полною радости и спокойствія, какія возбуждаетъ въ человѣкѣ исполненіе великой и святой обязанности. Онъ сознавалъ, что, возвративъ Карлинскимъ погибшаго брата, оказалъ имъ услугу и вполне отплатилъ за ихъ расположеніе.

Лишь только вышелъ Алексѣй, Анна проворно подошла къ брату и сказала ему:

— О, ты сто разъ былъ правъ, когда упрекалъ меня за то, что я не поняла Алексѣя! Что это за человѣкъ! Какое въ немъ сердце, сколько благородства и характера! Чѣмъ мы возблагодаримъ его?

Въ эту минуту Юліанъ, противъ воли, сталъ паномъ.

— Надо подумать, и что-нибудь сдѣлать для него... Онъ бѣденъ.

— Братъ! — воскликнула Анна, — за подобныя вещи не платятъ...

Поля также бросила на него почти сердитый взглядъ. Юліанъ покраснѣлъ и прибавилъ въ замѣшательствѣ:

— Ты не поняла меня. Я не то хотѣлъ сказать...

— Заплатимъ ему сердечною дружбою, вниманіемъ, покровительствомъ и уваженіемъ, какого заслужилъ онъ.

Поля насмѣшливо улыбнулась и произнесла съ горькимъ упрекомъ:

— Какіе же вы паны! Сейчасъ хотѣли бы заплатить, чтобы расквитаться съ бѣднякомъ, и ничѣмъ не быть ему обязанными. Не бойтесь! Алексѣю заплатить его собственное сердце и привязанность къ вамъ, которой, кажется, вы не поняли. Вы судите о немъ строго, безжалостно! Я лучше всѣхъ васъ знаю его. Вы смертельно обидѣли бы бѣднаго человѣка, если бы сказали ему о вашей благодарности. Возвысьте его до себя, если даже и послѣ теперешней жертвы онъ въ вашихъ глазахъ представляется ниже васъ, назовите его братомъ. Вотъ высшая награда, какую вы можете дать ему!

— Развѣ мы когда-нибудь смотрѣли на него иначе? — спросила Анна.

— Ужъ позвольте мнѣ и ему судить объ этомъ! — прошептала сирота, бросая взглядъ на Юліана. — Перестанемъ говорить объ этомъ предметѣ.

XI.

Избѣгая благодарности и желая на время удалиться изъ Карлина, Алексѣй сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Жербы къ матери. Онъ бывалъ тамъ довольно часто; впрочемъ, занятія и поѣздки иногда на двѣ недѣли не позволяли ему посѣтить родного дома. Но когда у Дробицкаго страдало сердце, когда среди длинной, печальной и уединенной жизни въ Карлинѣ его грызла тоска, тогда онъ по инстинкту лѣтъ къ своей соломенной крышѣ и, несмотря на то, что мать всегда была къ нему сурова и мало снисходительна, находилъ у ней и у братьевъ сочувствіе, которое замѣнялось въ Карлинѣ вѣжливостью — холодною и заботливою, но не братскою, не материнскою.

Юліанъ съ каждымъ днемъ становился къ нему холоднѣе, потому что страстная любовь къ Полѣ дѣлала его равнодушнымъ ко всему другому. Алексѣй чувствовалъ необходимость подышать воздухомъ родной деревни, взглянуть на свою комнату, занимаемую теперь Яномъ, немного выплакаться передъ матерью, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нея свое сердечное страданіе и тоску, или, точнѣе, тайныя ихъ причины.

Когда Алексѣй появился на дворѣ, то не узнавшій его и залаевавшій Курта первый встрѣтилъ его, потомъ торопливо выбѣжалъ изъ конюшни Парфень, и затѣмъ Янъ явился на крыльцѣ, наконецъ и сама Дробицкая, съ чулкомъ, вышла навстрѣчу любимаго сына: она сильно тосковала по немъ, просяживая цѣлыя дни у окна.

Надо было видѣть, какъ пристально мать оглядѣла сына, стараясь прочесть по одеждѣ, лицу и малѣйшимъ движеніямъ, что происходило съ нимъ и что привело его домой. Она не смѣла надѣяться, что Алексѣй возвратился навсегда, но втайнѣ молилась объ этомъ. Алексѣй былъ одѣтъ лучше и наряднѣе прежняго, имѣлъ прекрасную лошадь, англійское сѣдло и самъ походилъ на паныча. Янъ отчасти завидовалъ брату, но больше смѣялся надъ нимъ. Дробицкая безмолвно обняла Алексѣя, дала ему поздороваться съ Яномъ и подать руку улыбающе-

муся Парфену, который сверкающими глазами выражалъ радость, что увидѣлъ своего паныча.

— Ты что-то мнѣ не нравишься, милый мой, — начала она, спустя минуту. — Сталъ похожъ на паныча, одѣтъ какъ кукла, а на лицѣ видно утомленіе. Ты состарѣлся отъ этого кумовства съ барами. Ну, каково тебѣ тамъ? Говори — да только подробнѣе, длиннѣе, пространнѣе. Вѣдь ты не былъ у насъ двѣ или три недѣли. Хорошо ли тебѣ?

— Хорошо, прекрасно, какъ видите, маменька: ни въ чемъ нѣтъ недостатка.

— Ни въ чемъ! — спросила Дробицкая, взявъ сына за руку. — Ни въ чемъ?

Алексѣй потупилъ глаза и прибавилъ:

— Человѣку всегда не достаетъ чего-нибудь. Для чего онъ сталъ бы жить, если бы наѣлся досыта? Ну, какъ идетъ у васъ хозяйство? Какъ живетъ Янъ, вы, маменька?

— У насъ — захотѣлъ!.. Разумѣется, хозяйство да разныя хлопоты. Янъ — золотой малый, трудится — и мнѣ довольно этого. Только намъ скучно безъ тебя, оба глядимъ на тотъ замокъ, что укралъ тебя у насъ, и часто, не говоря другъ другу ни слова, поплачемъ.

— Они такъ добры ко мнѣ!

— Почему же и не быть имъ добрыми? Они ко всѣмъ добры! Вѣрю и уважаю ихъ; но не обманывайся, Алексѣй, эта доброта — насущный хлѣбъ, которымъ они обдѣляютъ всѣхъ слугъ своихъ, а вѣдь и ты принадлежишь къ числу ихъ. Когда-нибудь они прямо дадутъ тебѣ почувствовать, что въ ихъ глазахъ ты не больше, какъ слуга; — только дай Богъ, чтобы не скоро и не горько! Еще никто не побратался съ ними. Даже тѣ, кто послѣ долгихъ вздоховъ, достигъ счастья породниться съ ними. Они видятъ въ этомъ великую жертву съ своей стороны.

— По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ они не дали мнѣ почувствовать этого.

— Значить, ты уменъ и еще не подалъ къ тому повода! Поступай, какъ знаешь, но чѣмъ скорѣе, милый Алексѣй, ты возвратишься сюда, тѣмъ лучше! Помнишь, ты рассказывалъ мнѣ объ одномъ нѣмцѣ, что показывалъ львовъ и тигровъ; онъ билъ ихъ и повелѣвалъ ими, пока, наконецъ, по-

слушные звѣри не разорвали неосторожнаго господина. До сихъ поръ я всегда боялась твоихъ Карлинскихъ, точно львовъ и тигровъ.

Алексѣй разсмѣялся.

— Милая маменька! Вы не знаете Юліана, особенно Анны.

Дробицкая взглянула сыну въ глаза, пожала плечами и воскликнула:

— Знаю святую, благородную, добрую панну Анну; вѣдь она бываетъ здѣсь въ Жербахъ: довольно взглянуть на нее, чтобы полюбить. Но... она такая знатная панна!

— Маменька! Это старинное предубѣжденіе.

— Шляхетская недовѣрчивость, можетъ быть; но человѣкъ всегда остается человѣкомъ: у всякаго есть свои слабости. Если бы панна Анна была дочерью бѣднаго шляхтича, то я стала бы передъ нею на колѣни, а теперь—только боюсь ея.

— Потому что не знаете ее, милая маменька!

— Не знаю? Взгляни-ка на мои сѣдые волосы! Ты, что ли, знаешь лучше? Охъ, дитя, дитя!

Этимъ кончился разговоръ матери съ Алексѣемъ.

На дворѣ показался панъ Мамертъ Буткевичъ, за нимъ панъ Пристіанъ, потомъ вдова Буткевичъ съ Магдусей.

— А вотъ они развѣ лучше?—тихо спросилъ Алексѣй.

— Если ужъ говорить правду,—отвѣчала Дробицкая,—такъ гораздо лучше жить съ ними, потому что ихъ прямо видишь, какъ въ зеркало; не надо много думать о томъ, что у cadaго изъ нихъ за пазухой.

— Мое вамъ всенижайшее почтеніе!—воскликнулъ богачъ Мамертъ.—А, и панъ Алексѣй здѣсь! Дорогой гость. Какъ-же счастливо я попалъ.

— Мое почтеніе! Ха, ха!—отозвался панъ Пристіанъ, вошедшій по слѣдамъ Мамерта.—Ну, какъ вы тамъ поживаете?

Несчастный щеголь не зналъ, что влюбленная и уже слишкомъ надоѣдавшая ему вдовушка шла вслѣдъ за нимъ, и немного смѣшался, когда увидѣлъ ее на крыльцѣ. Разряженная въ пухъ, пани Буткевичъ пришла съ неразлучною Магдусею и, вмѣсто палки, по случаю необыкновенной дородности своей, опиралась на зонтикъ.

— Какъ жарко! — проговорила она сквозь зубы. — Магдуса, стой около меня! Здравствуйте, панъ Пристіанъ!

Пержховскій раскланялся съ холодною вѣжливостію, выразившею сильное неудовольствіе.

Надо было попросить гостей въ комнату, потому что они не могли помѣститься на крыльцѣ. Дробицкая, пожимая плечами, повела съ собою вдовушку. Мамертъ, никому не позволявшій опередить себя, вошелъ вслѣдъ за дамами. Пристіанъ пробѣжалъ передъ носомъ Алексѣя. Приходъ этихъ гостей былъ предвѣстникомъ визита всѣхъ прочихъ сосѣдей: и въ самомъ дѣлѣ, они немедленно начали приходить и, мѣняясь до самой ночи, занимали гостя, не давая ему ни одной свободной минуты поговорить съ матерью. Не знаю почему, но послѣ общества въ Карлинскомъ замкѣ, Алексѣй почти съ удовольствіемъ слушалъ смѣшные разговоры, наивные вопросы и отвѣты жербенскихъ помѣщиковъ, и наслаждался простотою, позволявшею читать въ нихъ, какъ въ открытой книгѣ. Алексѣй видѣлъ въ нихъ смѣшное, но сквозь это смѣшное въ нихъ пробивалось сердце, тогда какъ въ высшемъ обществѣ, подъ вѣжливостію и наружной искренностію, ничего нельзя было замѣтить, а тѣмъ болѣе заглянуть въ глубину сердца.

Около полуночи Алексѣй отправился въ Карлинъ. Янъ проводилъ его до крестовъ.

XII.

— Ну, что случилось у насъ, милыя дѣти? — спрашивалъ президентъ выбѣжавшихъ навстрѣчу ему Юліана и Анну. — Говорите скорѣе, зачѣмъ вы звали меня, какое неожиданное счастье посѣтило васъ? Ужъ не выиграли-ли вы милліонъ въ лотерею?

— О, больше! — воскликнула Анна.

— Больше милліона? Въ какой-же лотерей? — вскричалъ президентъ.

— Вы не поняли, милый дядюшка. Мы приобрѣли больше милліона... Только послушайте!..

— Слушаю, — отвѣчалъ президентъ, садясь на стулъ, — но рѣшительно не могу представить, что бы это значило.

— Алексѣй, благородный Алексѣй, возвратилъ намъ погибшаго Эмили!я!

Президентъ началъ слушать со вниманіемъ, но выражая болѣе любопытства, нежели радости.

— Представьте себѣ, дядюшка, этотъ благороднѣйшій человѣкъ, ничего не говоря намъ, занимался, трудился, пока не добылъ искры разсудка у больного брата. Эмили—говорить! Эмили читаетъ! Эмили ожилъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? — равнодушно спросилъ удивленный президентъ. — Право, это неслыханное... самоотверженіе, это чудо. Что же, Эмили началъ говорить?

— Нѣтъ! но онъ разговариваетъ знаками, читаетъ, живетъ.

— А, по методѣ глухонѣмыхъ, — сказалъ президентъ съ недовольною миною. — Только смотрите, чтобы это усиліе не повредило его здоровью: онъ такой слабый.

— Теперь ему гораздо лучше, его здоровье значительно поправилось.

— Въ самомъ дѣлѣ, это неожиданное счастье. Я рѣшительно не понимаю, потому что всегда считалъ это невозможнымъ дѣломъ. Пойдемте къ нему.

— У меня есть братъ! Алексѣй далъ мнѣ брата, возвратилъ матери сына. О, чѣмъ можемъ мы возблагодарить его!

— Насчетъ этого не беспокойся, — равнодушно сказалъ старый щеголь. Заплатить деньги—немудреное дѣло. Пойдемъ къ нему. Даже я полагаю, что панъ Дробицкій сдѣлалъ это не безъ цѣли. Натурально, и мы съ своей стороны не можемъ принять такой жертвы даромъ.

Анна схватила президента за руку.

— Ради Бога, дядюшка! Развѣ вы не знаете его?

Президентъ улыбнулся съ сознаніемъ достоинства.

Стукъ экипажа возвѣстилъ о пріѣздѣ пани Дельріо, потому что и за нею также послали. Полковникъ и она входили въ гостиную. Потомъ президентъ остановился, послѣдовалъ обмѣнъ привѣтствій, по обыкновенію, холодныхъ и вѣжливыхъ.

Искренняя радость блистала въ глазахъ матери, уже знавшей все. Въ одинаковой степени желая видѣть Эмили и его спасителя, она искала ихъ глазами, но ни того, ни другого не было въ гостиной. Алексѣй, подъ предлогомъ какихъ-то

распоряженій, нарочно уѣхалъ изъ Карлина. Черезъ минуту всѣ отправились къ Эмилию.

Мать не видѣла глухонѣмого съ тѣхъ поръ, какъ ея присутствіе произвело на него непріятное впечатлѣніе. Она полагала, что, придя въ себя, Эмилій встрѣтитъ и ее иначе, и не обманулась въ этомъ. Анна, опасаясь сразу ввести всѣхъ къ Эмилию, сама предувѣдомила его о пріѣздѣ матери, и потомъ вошла вмѣстѣ съ нею.

При первомъ взглядѣ на сына, пани Дельріо нашла въ немъ необыкновенную перемѣну. Эмилій первый разъ въ жизни улыбнулся матери! И эта счастливая минута вознаградила ее за многолѣтнія страданія: она не могла удержаться отъ слезъ и прижимала къ сердцу несчастнаго сына. Она, вѣрно, бросилась бы въ ноги своему благодѣтелю, если бы въ эту минуту онъ явился передъ нею. Эмилій глядѣлъ на полковницу такъ, какъ-будто видѣлъ ее первый разъ въ жизни, улыбался ей и живыми знаками говорилъ Аннѣ о матери, еще не умѣвшей понимать его:

— Скажи, что это *онъ* все сдѣлалъ... *онъ* далъ мнѣ возможность познать Бога, васъ, маменьку и себя самого.

Вслѣдъ за пани Дельріо, вошелъ немного ревнивый президентъ, и устремилъ безпокойные взоры на Эмилиа. Онъ не такъ, какъ другіе, чувствовалъ воскресеніе несчастнаго, даже его лицо сдѣлалось печальнымъ. Спустя полчаса и избѣгая полковницы, не могшей нарадоваться сыномъ, онъ, въ какомъ-то волненіи, увелъ съ собой Юліана и пошелъ съ нимъ въ садъ, поручивъ полковника Полѣ, безъ милосердія мучавшей стараго любезника насмѣшками, за которыя тотъ платилъ дѣвушкамъ самыми отборными комплиментами.

Президентъ былъ очень задумчивъ и молчалъ, но когда они дошли до *Вылазки*, гдѣ уже никто не могъ подслушать ихъ, онъ вдругъ обратился къ Юліану и, пожавъ плечами, воскликнулъ:

— Ну, кто просилъ объ этомъ вашего Дробницкаго? Съ какой стати ему пришло на умъ вмѣшиваться въ подобное дѣло?

— Что это значить, дядюшка? Я не понимаю васъ.

— Сейчасъ поймешь. Все устроилось прекрасно, но, не смотря на то, милый Юліанъ, изъ Эмилиа никогда не будетъ

толку, потому что онъ существо неполное и теперь, можетъ быть, гораздо болѣе несчастное, чѣмъ прежде, а ты еще вчера былъ полнымъ владѣльцемъ Карлина, а теперь потерялъ половину.

Президентъ оживлялся по мѣрѣ разговора.

— Законъ не устраняетъ глухонѣмыхъ отъ правъ наслѣдства, если они могутъ говорить знаками и имѣютъ самосознаніе. Притомъ, кто сталъ бы думать о подобныхъ вещахъ? Это въ самомъ дѣлѣ было бы несправедливо. Но, въ то же время, понимаешь ли ты, какія отсюда вытекаютъ послѣдствія? И безъ того ваше положеніе не слишкомъ блистательно: что же будетъ теперь?

Президентъ пожалъ плечами и заключилъ:

— Нечего сказать, — прекрасно услужилъ вамъ панъ Дробицкій!

Юліанъ вздрогнулъ и разсердился на такіе расчеты.

— Милый дядюшка! Ваша любовь къ намъ ослѣпляетъ васъ. Оставить Эмилія на произволъ судьбы — значило бы то же, что убить его! Возможно ли даже въ мысляхъ допустить что нибудь подобное?

— Да кто убиваетъ его, сумасшедшій! — вскричалъ президентъ. — Пусть онъ живетъ! Я радуюсь, плачу, сознаю себя счастливымъ, но ты сталъ теперь вдвое бѣднѣе, милый Юліанъ! Кто знаетъ? Если Эмилій еще болѣе поправится, то, пожалуй, захочетъ жениться: не одна, а тысячи пойдутъ за него. Сколько я знаю, эти глухонѣмые большею частью бываютъ самаго страстнаго темперамента.

— Дядюшка, дядюшка! Ради Бога, не говорите такъ; это очень огорчаетъ меня.

— Ты еще ребенокъ, и не видишь, что теперешняя жизнь будетъ для Эмилія несравненно тяжелѣе, чѣмъ при отсутствіи самосознанія. Онъ захочетъ владѣть собою и не сумѣетъ, люди будутъ водить его за носъ — и, кто знаетъ? Не утверждаю положительно, а можетъ быть, и Дробицкій имѣлъ тутъ свои виды, не даромъ-же онъ привязалъ къ себѣ Эмилія.

Юліанъ еще разъ горячо опровергнулъ предположеніе дяди.

— Такъ перестанемъ разсуждать объ этомъ, — сказалъ президентъ. — Я вѣрю въ него, уважаю, но что сдѣлано, того

не перемѣнишь. Вы бѣдны — и дѣло кончено; надобно искать средствъ поправить дѣло и, вдобавокъ, подумать, — какъ бы заплатить за это благодѣяніе пану Дробицкому звонкою монетою.

— Дядюшка! — опять вскричалъ Юліанъ.

— Если такъ, то замолчу, — отвѣчалъ президентъ, — *е sempre bene!* Будемъ вмѣстѣ утѣшаться, радоваться и благодарить Бога. Ты вѣрно сочтешь меня матеріалистомъ, прозаикомъ, расчетливымъ человѣкомъ, — прибавилъ онъ, поворачивая къ замку, — но я знаю свѣтъ и людей. Не спорю, что Дробицкій благородный человѣкъ, что его самопожертвованіе безкорыстно, но онъ не сдѣлалъ благодѣянія ни Эмилию, ни вамъ.

Юліанъ задумался.

— Теперь уже необходимо докончить образованіе Эмилиа. Онъ будетъ походить на человѣка, или вѣрнѣе, на существо подчиненное и несчастное, — и вы должны будете дать ему часть изъ Карлина.

— Что же? Я охотно подѣлюсь съ нимъ.

— Притомъ, надобно дать что-нибудь и Аннѣ, хотя она не думаетъ идти замужъ, надобно провѣрить долги и, наконецъ, сознаться, что Карлина вамъ очень мало.

— Но развѣ нельзя жить малымъ? — спросилъ Юліанъ.

— Прекрасно! — возразилъ президентъ, — только для этого необходимо человѣку сперва получить соответствующее воспитаніе или передѣлать себя, не имѣть лишнихъ потребностей и привычекъ, ограничиться хатою, простыми щами и армякомъ, а главное — не имѣть на плечахъ тяжести, какую составляетъ знатное, но упавшее имя.

— Мнѣ кажется, что можно съ честью носить его и въ бѣдности.

— Съ честью? Какъ Цинцинатъ? Обрати вниманіе на современные обычаи и скажи: возможно ли это?.. И достанетъ ли у тебя воли отказаться отъ своихъ привычекъ, надѣть сѣрый кафтанъ, не вздыхать о роскошной жизни? Сомнѣваюсь. Но тебѣ предстоятъ двѣ дороги: или тяжелая роль знатности безъ состоянія, или болѣе легкая перспектива — богатая женьба.

— Ни за что, дядюшка!

— Какъ? Что это значитъ? — спросилъ президентъ, пристально глядя въ глаза племяннику.

— Это противно моимъ понятіямъ... Унизительно... Это безчестная торговля!

— Юныя понятія, очень юныя! Надѣюсь—Карлинскій тоже не чистый голышъ, и съ своей стороны дастъ что-нибудь дѣвущкѣ, на которой женится; зачѣмъ ты прямо предполагаешь, что это будетъ женитьба безъ привязанности? Или тебѣ, можетъ быть, уже нравится какая-нибудь панна?

Юліанъ не сказалъ ни слова, и непріятный разговоръ прекратился. Впрочемъ, президентъ, открывшись племяннику, прекрасно замаскировалъ свои чувства передъ полковницей и Анною. Онъ много хвалилъ Алексѣя, утѣшался Эмилиемъ и не показывалъ виду, что прозаическій расчетъ для двухъ любимцевъ сдѣлалъ его несправедливымъ въ отношеніи къ третьему лицу.

Поздно вечеромъ возвратился Алексѣй и не пришелъ въ гостиную, избѣгая благодарности и оправдываясь нетерпящими отлагательства занятіями. Президентъ ничего не сказалъ на это, потому что съ радостью готовъ былъ отсрочить благодарность. Но полковница, шепнувъ что-то Юліану, вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ гостиной и прямо направилась къ квартирѣ Дробицкаго. Истинно-глубокое чувство заставило ее забыть приличіе. Алексѣй изумился, увидя входившую къ нему полковницу, и растерялся, но она не дала ему времени опомниться.

— Вы возвратили мнѣ сына, — воскликнула она съ чувствомъ, — за это мало выразить вамъ одну благодарность; вы подарили мнѣ счастливѣйшую минуту въ жизни, и я пришла сказать вамъ и завѣрить при Юліанѣ, что, съ этой минуты, считаю васъ какъ-бы собственнымъ своимъ сыномъ. Послѣ нихъ, вы будете занимать первое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Я не вѣрила въ людей, вы внушили мнѣ эту утѣшительную вѣру; да наградитъ васъ Богъ счастіемъ.

— Смѣю васъ увѣрить, — скромно отвѣчалъ Алексѣй, — что высочайшую для меня награду составляетъ цѣль, такъ счастливо достигнутая мною. Я сдѣлалъ то, что обязанъ былъ сдѣлать и такъ, какъ только могъ сдѣлать; если вы хотите

доказать, что питаете ко мнѣ хоть слабое расположеніе, то не ставемъ больше упоминать объ этомъ.

Случай хотѣлъ, чтобы Поля въ тотъ день была раздражительна и въ самомъ капризномъ расположеніи. Наблюдательный президентъ, слѣдя за молодыми людьми, хорошо замѣтилъ, какъ племянникъ, выходя изъ терпѣнія и забывъ предосторожность, ежеминутно подбѣгалъ къ Полѣ и просилъ у нея прощенія, хотя не сознавалъ вины своей.

— Что это значитъ?—подумалъ онъ.—Ужели снюхались. Дай Богъ, чтобы полковница говорила неправду. Пожалуй, эта интригантка, въ самомъ дѣлѣ, готова завлечь его въ сѣти. Эмилій да женитьба Юліана на такой нищей окончательно унижать Карлинскихъ. Пора подумать о средствахъ.

Прежде всего президенту представилось, что Алексѣй долженъ знать объ отношеніяхъ молодыхъ людей, что чрезъ него легко открыть тайну и дѣйствовать. Но онъ тотчасъ одумался, вообразивъ, что Дробицкій, по всей вѣроятности, участвуетъ въ этой интригѣ и даже покровительствуетъ любовникамъ.

Проницательные и, повидимому, хорошо знающіе свѣтъ люди всегда имѣютъ тотъ недостатокъ, что подозрѣваютъ всѣхъ въ неискренности, притворствѣ и какихъ-то тайныхъ намѣреніяхъ. Оттого они часто усматриваютъ небывалыя вещи, а избытокъ разума не позволяетъ имъ идти къ цѣли самую прямую дорогою.

Строго разбирая всѣ обстоятельства, президентъ пришелъ къ заключенію, что Дробицкій вырвалъ Эмилія изъ безсмысленнаго состоянія для того, чтобы овладѣть имъ, что, слѣдуя демократическимъ принципамъ, онъ непремѣнно помогаетъ Юліану и Полѣ и т. п. Вслѣдствіе такихъ соображеній, онъ рѣшился наблюдать, слѣдить, ни съ кѣмъ не совѣтоваться и, если представится необходимость, поступить рѣшительно, только дѣйствовать безъ посторонней помощи.

— Прекрасную птицу посадилъ я въ здѣшнюю клѣтку!—говорилъ онъ самому себѣ.—Даже Анною овладѣлъ! Кто знаетъ? Пожалуй, онъ готовъ сойти съ ума и посвататься за нее: подобнымъ нанамъ все можетъ придти въ голову. Да, Карлинскіе погибли, если мы не предупредимъ возникающаго зла.

Вслѣдствіе такого тайнаго совѣщанія съ самимъ собою, президентъ во время чаю отозвался веселымъ тономъ:

— Какъ я радъ, что дома покончилъ все и теперь не имѣю экстренныхъ дѣлъ!.. По крайней мѣрѣ, могу нѣсколько дней прожить въ Барлинѣ и повеселиться съ вами.

Полковница приняла эти слова за обыкновенную угрозу, чтобы выгнать ее; но она была теперь такъ счастлива, что даже не боялась президента, а полковникъ сказалъ со вздохомъ:

— Что касается меня, то хотя я очень привязанъ къ семейству, къ которому *нѣкоторымъ образомъ* имѣю счастье принадлежать, однако, крайность заставляетъ меня ѣхать домой.

— *Нѣкоторымъ образомъ?* Хорошо, что онъ прибавилъ эту фразу,—проговорилъ президентъ вполголоса,—а я ужъ думалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ подаритъ насъ родствомъ своимъ.

Юліанъ и Поля вовсе не остерегались президента. Повидимому, они не глядѣли другъ на друга, но постоянно были вмѣстѣ, не хотѣли сходиться, но встрѣчались каждую минуту, по временамъ мѣнялись такими словами, которыя черезъ головы всѣхъ должны были долетѣть только до нихъ двоихъ. Имъ не приходило на мысль, что дядя и мать смотрѣли на все это и угадали ихъ отношенія; и прежде, нежели кончился вечеръ, президентъ уже положительно увѣренъ былъ въ ихъ взаимной любви, и вышелъ въ страшномъ безпокойствѣ, такъ какъ даже понялъ и то, какъ далеко зашли молодые люди.

Что оставалось тутъ дѣлать? Прежде всего необходимо было удостовѣриться, что это правда, потомъ дѣйствовать. Вдобавокъ, предостереженіе полковницы и ея предчувствіе, такъ скоро сбывшееся, жестоко мучили президента, потому что внутренно унижали его. Онъ долженъ былъ сразу послушаться ее. Теперь мать имѣла полное право сказать ему прямо въ глаза:— я давно предвидѣла это! Ты ничего не дѣлалъ. Слѣдовательно, вся вина должна пасть на тебя одного!

ХІІІ.

Удалившись въ свою комнату, президентъ долго ходилъ въ безпокойствѣ. Ему нуженъ былъ чей-нибудь совѣтъ и убѣжде-

ніе, чтобы немедленно дѣйствовать. Цѣлый часъ онъ размышлялъ о томъ, кого спросить, кому открыться, и, наконецъ, рѣшилъ обратиться къ Борновскому.

Это былъ старый слуга дома Карлинскаго, одинъ изъ придворныхъ чиновъ стариннаго штата, человѣкъ въ высшей степени честный. Господа любили его за вѣрность и привязанность, и долго не рѣшались отнять у него званіе ревизора по всѣмъ имѣніямъ, сопряженное съ должностію эконома въ ближайшемъ фольваркѣ. Наконецъ, когда дѣла пошли хуже, ему, подъ предлогомъ старости и слабаго здоровья, предложили пенсію. Борновскій получилъ домикъ съ огородомъ, извѣстное количество мѣръ хлѣба, триста золотыхъ и, не имѣя ни жены, ни дѣтей, жилъ въ полномъ довольствѣ. Пятидесяти лѣтній и сѣдой старикъ — онъ былъ еще проворенъ, свѣжъ и, въ видѣ милости, просилъ себѣ какое-нибудь занятіе, чтобы не ѣсть даромъ хлѣба. Его назначили блюстителемъ порядка между слугами, но послѣдніе только смѣялись надъ нимъ. Борновскій ходилъ съ мѣста на мѣсто, суетился, кричалъ, потому что во всю жизнь былъ необыкновенно дѣятеленъ, и голосъ его слышенъ былъ за версту, — такъ онъ горланилъ и ругался! Измучившись отъ бѣготни и охрипнувъ отъ ругательствъ, онъ имѣлъ полное право выпить въ день пять или шесть рюмокъ водки, которую любилъ, и, такимъ образомъ, всѣ минуты жизни проводилъ, по видимому, въ постоянныхъ занятіяхъ, но въ сущности ровно ничего не дѣлалъ.

Борновскій принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ вся наружность — обманъ. Высокаго росту, здоровый, сильный, вертлявый, любившій поговорить, цѣлый день на ногахъ, въ поту и трудахъ, — онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ. Онъ каждую минуту ссорился, въ полной увѣренности, что дѣлаетъ дѣло; но былъ слѣпъ, и всѣ легко обманывали его. Въ глазахъ Борновскаго выражалась смѣтливость, сверкалъ огонь, а изъ устъ сыпались одни только обѣщанія: — „да у меня-то все духомъ! вѣдь у насъ вотъ какъ! Они ужъ знаютъ меня!“ Но Борновскій безсовѣстно лгалъ, потому что на дѣлѣ не было ничего подобнаго. Все время проходило у него въ разговорѣ, крикахъ, разсказахъ и анекдотахъ. Онъ страшно ругался, но никого не билъ, потому что имѣлъ добрейшее сердце, былъ глубоко при-

вязанъ къ помѣщикамъ и въ строгомъ смыслѣ безкорыстенъ. Довольно ограниченнаго ума, онъ, однако, присмотрѣлся къ людямъ и превосходно угадывалъ характеры, но никогда не пользовался этимъ; постоянно болтая съ людьми, лучше всѣхъ зналъ, что дѣлается во дворѣ, кто что сказалъ или сдѣлалъ. Кто хотѣлъ узнать о чемъ-нибудь, тотъ прямо шелъ къ нему—точно за справкою и, такъ какъ Барновскій не умѣлъ хранить секретовъ, то его выпрашивали обо всемъ; даже подъ веселый часъ онъ, вѣрно, не скрылъ бы собственного преступленія.

Когда Юліанъ завѣдывалъ имѣніемъ, Борновскій употребляемъ былъ на посылки, для наблюденія за работами и для другихъ подобныхъ порученій. Алексѣй скоро понялъ его, но не удалилъ и позволялъ старику воображать себя дѣятельнымъ членомъ Карлинской администраціи, повѣряя ему только то, что могло сдѣлаться безъ него или даже вовсе не дѣлаться.

Барновскій носилъ огромные усы, держался прямо и подходилъ на отставного военнаго, имѣлъ глаза выпуклые и живые, щеки румяныя, носъ большой, губы толстыя и подбородокъ, покрытый волосами съ просѣдью. Старый холостякъ—онъ еще любилъ волочиться и въ дѣвичей всегда имѣлъ начатыя пинетки: одну—въ полномъ расцвѣтѣ, а другую на запасъ—въ случаѣ измѣны, чтобы ни на одну минуту не быть огорченнымъ или осмѣяннымъ. Дѣвушки дѣлали съ Борновскимъ, что хотѣли, и немилосердно смѣялись надъ нимъ; триста злотыхъ пенсіи, до послѣдняго гроша, шли у него на угощенія и подарки.

— Любезный Борновскій!—спросилъ президентъ, засѣвши въ кресло наединѣ съ нимъ,—скажи мнѣ, что у васъ слышно здѣсь?

— Да что, ясновельможный панъ президентъ? Благодаря Господа Бога, все идетъ хорошо.

— Довольны вы паномъ Дробицкимъ?

— Какъ же не быть довольными, ясновельможный панъ? Человѣкъ аккуратный, дѣльный, у него все идетъ какъ по маслу. Было не худо и при ясновельможномъ панѣ Юліанѣ; но ему ли возиться съ дѣлами? Онъ, позвольте доложить, не созданъ на это; а Дробицкому теперешняя должность—чистый кладъ.

— Такъ онъ дѣятельный и честный человѣкъ?

— О, честный!.. и добрый, а голова у него... что за го-

лова! Какъ онъ умѣетъ узнать людей! Со мною, позвольте доложить, было такъ: онъ только посмотрѣлъ на меня и уже пронюхалъ, на что я гожусь. Если что понадобится ему, то сейчасъ меня зовутъ, а у меня все явится духомъ, живо, по военному. Сказать правду, онъ слишкомъ строгъ, не любитъ потакать; но зато ужъ человѣкъ такой добросовѣстный.

— Любятъ его люди?

— Дворовые не слишкомъ, но крестьяне очень любятъ. Характеръ крутой, въ счетахъ не думай провести его, трудится — точно волъ.

— А что подѣлываетъ панъ Юліанъ?

— Что? добрый панычъ! Теперь отдыхаетъ себѣ.

— Послушай-ка, Борновскій! — сказалъ президентъ, понизивъ голосъ. — Не грезится ли мнѣ, что нашъ Юліанъ пустился въ любовныя связи съ панной Аполлоніей? Какъ тебѣ кажется? Не замѣтилъ ли ты чего-нибудь? Вѣдь ты тертый калачъ.

Борновскій съ улыбкою покрутилъ съдой усь. Ему очень льстилъ этотъ фамиллярный вопросъ. Потому, оглянувшись на на всѣ стороны, старикъ поднялъ руку, махнулъ ею, разсмѣялся и утвердительно кивнулъ головою.

— Обыкновенное дѣло — молодость.

— Да ты замѣтилъ что-нибудь?

— Позвольте доложить вамъ: дворовый человѣкъ знаетъ свою обязанность, — долженъ быть слѣпъ. Я никому не сказалъ бы этого, кромѣ васъ, ясновельможный панъ. Известное дѣло — молодые люди, каждую минуту видятъ другъ друга — могло ли быть иначе?

— Да ты самъ видѣлъ что-нибудь, или только люди говорить объ этомъ?

— Люди говорить не смѣютъ; но какъ не видѣть, если они вовсе не скрываются?

— Ну, расскажи, что знаешь. Можетъ быть, нужно поискать для нихъ лѣкарства.

— Вы не выдадите меня, ясновельможный панъ?

— Какъ ты глупъ, любезный Борновскій! Кого-же я выдалъ?

— Покорно благодарю васъ, ясновельможный панъ! — отвѣчалъ старый слуга съ низкимъ поклономъ. — Я смотрю на

нихъ каждый Божій день и лучше всѣхъ знаю: это формальная интрига, я хорошо понимаю подобныя вещи.

— И свиданія?

— Буквально каждый день—и въ саду, и въ комнатахъ, и на прогулкахъ.

Старикъ махнулъ одною рукою, а другою, засмѣявшись, закрылъ ротъ.

— И вовсе не скрываются?

— Имъ грезится, что никто ихъ не видитъ и не понимаетъ, но это, позвольте доложить, развѣ только слѣпой не замѣтитъ.

— Какъ ты полагаешь: въ близкихъ они сношеніяхъ между собою?

— Этого не знаю, но безъ всякаго сомнѣнія, они должны быть близки другъ къ другу.

— А панна Анна?

— Этотъ ангелъ, позвольте доложить, ничего не видитъ, потому что она невинна, какъ ребенокъ.

— Ну, а Дробицкій?

— Панъ Алексѣй, должно быть, знаетъ все дѣло; но онъ ловкій малый, молчитъ, какъ рыба.

— Можетъ быть, онъ помогаетъ имъ?

— О, нѣтъ! Они не нуждаются въ посторонней помощи, сами ведутъ дѣло, но и мѣшать имъ онъ также не можетъ.

Достигнувъ, чего хотѣлъ, и даже узнавъ подробности, президентъ отпустилъ Борновскаго и съ душевнымъ безпокойствомъ легъ спать. Питая живѣйшую привязанность къ своимъ, какъ называлъ онъ, дѣтямъ, онъ опасался гибельныхъ послѣдствій интриги Юліана. Не имѣя силъ заснуть до полуночи, онъ вышелъ въ садъ, чтобы освѣжиться и придумать, что дѣлать.

Изъ его комнаты въ нижнемъ этажѣ были стеклянные двери въ боковую аллею, и, отворивъ ихъ, президентъ прямо очутился въ тѣнистомъ паркѣ. Уже цѣлые полчаса блуждалъ онъ по дорожкамъ, какъ вдругъ, проходя мимо липовой бесѣдки, услышалъ тамъ шумъ. Онъ замѣтилъ какія-то двѣ фигуры, сидѣвшія на скамейкѣ, и, нисколько не колеблясь въ подобномъ случаѣ быть шпиономъ, тихонько подошелъ ближе.

Легко было догадаться, что это были Юліанъ и Поля, по

обыкновенію, неосторожные и такъ сильно занятые другъ другомъ, что даже забыли о постороннихъ глазахъ. Живой разговоръ довольно громко и явственно вырывался изъ-подъ липъ и президентъ могъ слышать каждое слово.

— Не говори мнѣ этого! — восклицала Поля отчаянно-страстнымъ голосомъ. — Я не хочу обманывать себя надеждами, ничего не желаю въ будущемъ, хорошо знаю, что твои родственники не позволяютъ тебѣ жениться на бѣдной сиротѣ. Признайся, вѣдь я не рассчитывала на это, бросаюсь въ твои объятія? Моя любовь вознаграждена минутою счастья, ничего больше не нужно ей; будущее не наше, кто можетъ быть увѣренъ въ немъ? Я ничего не желаю, кромѣ твоего сердца.

Президентъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Безцѣнная моя Поля! — отвѣчалъ Юліанъ слабымъ голосомъ, — ты не рассчитывала на будущее, но я, для собственного счастья, долженъ упрочить его. Могу ли я прожить безъ тебя? Будь покойна!

— Только люби меня, больше ничего не нужно мнѣ.

— Ты напрасно мучишь себя грозными предчувствіями.

— Не упрекай меня! Я знаю, что я отравляю и ту малую чашу счастья, которая послана мнѣ Провидѣніемъ, но я не умѣю любить иначе: я люблю страстно и безумно отравляю и убиваю себя моею любовью. Ты самъ видишь въ моихъ глазахъ то равнодушіе, то презрѣніе, то истощеніе; я вспыхиваю, мучу и тебя, и себя—это наказаніе за мое преступленіе.

— И ты называешь любовь нашу преступленіемъ?

— Не лги предо мною. Я знаю, что сдѣлала. Сирота, слуга — я, изъ безумной потребности любви возмущаю семейное спокойствіе тамъ, гдѣ меня призрѣли, измѣняю самой нѣжной дружбѣ. Это низко! Зато и наказаніе за преступленіе должна буду переносить одна я. Для тебя любовь пройдетъ, какъ сонъ; въ мечтахъ зрѣлаго возраста ты припомнишь ее себѣ, какъ что-то непонятное и странное. Но для меня она оставитъ слѣдъ на всю жизнь и, можетъ быть, по ту сторону гроба. О, я умру, должна умереть, если разлучать насъ. Тогда я не сумѣю переносить бремя жизни, ослабѣю, измѣню тебѣ и себѣ, съ бѣшенствомъ стану бросаться на людей.

Поля расплакалась. Юліанъ утѣшалъ ее.

— Ребенокъ! Ты такъ мало надѣешься на меня и на мое сердце.

— Золотое сердце!—возразила сирота.—Но воленъ ли ты слѣдовать его внушеніямъ? Президентъ, полковница, каждую минуту могутъ понять насъ, можетъ быть, ужъ знаютъ все, нападутъ на тебя, меня выгонять... Ты поддашься имъ...

— Никогда! — проговорилъ Юліанъ, собираясь съ силами.

— Молчи! Ничего не обѣщай мнѣ, потому что я ничего не требую. Ты воображаешь, что въ награду своей навязчивой любви я приму твою руку, твое сердце, твое будущее? Нѣтъ! Я предалась тебѣ не съ тѣмъ, чтобы ты заплатилъ мнѣ за это бракомъ, но потому, что любила тебя безгранично. Ты думаешь, что я позволю свѣту оцѣнить мое чистое сердце и сдѣлать свою любовь торговлею и преступленіемъ? Нѣтъ! И во мнѣ есть своя гордость. Я охотно приношу жертву, но не приму ее отъ другого; я бѣдна, но хочу дарить, а не принимать.

— Поля, ангелъ мой! Подумай, что ты хочешь сдѣлать со мною.

— Ты выпилъ изъ моихъ устъ первое, можетъ быть, чистѣйшее наслажденіе жизни и не забудешь его сладости. Но ты мужчина!

— А ты женщина!

— Правда, и женщины бываютъ непостоянны; но данное счастье привязываетъ ихъ къ тѣмъ, для кого, хотя короткое время, онѣ были ангелами, тогда какъ мужчинъ любовь истощаетъ и дѣлаетъ холодными. Вы любите, пока домогаетесь любви, а достигнувъ ее, бросаете подъ ноги, какъ изорванный кусокъ вчерашняго бальнаго наряда.

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, существуютъ подобные люди, но я...

— Каждый составляетъ исключеніе, пока любить; когда любовь минетъ, всѣ похожи другъ на друга.

Президентъ уже не слышалъ конца разговора, да и не имѣлъ надобности слушать далѣе. Пользуясь минутой горячаго объятія, онъ незамѣтно отошелъ прочь и возвратился въ свою комнату въ такомъ безпокойствѣ, какого не испытывалъ во всю жизнь.

Впрочемъ, онъ благодарилъ случай, нечаянно приведшій

его туда; подслушанный разговоръ лучше всего объяснилъ ему состояніе сердецъ влюбленной пары. При всей недовѣрчивости своей, президентъ не обманулся въ Полѣ; онъ не обвинялъ, а только жалѣлъ ее.

Вначалѣ онъ колебался; но голосъ дѣвушки, смѣшиваемый со слезами и свидѣтельствовавшій о своей искренности, разсѣялъ въ немъ всѣ подозрѣнія. Онъ уже не могъ заснуть, сѣлъ и думалъ—что начать. Полковница каждую минуту могла замѣтить нечаянно открытыя имъ сношенія молодыхъ людей. Надобно было предупредить ее, и то, что было дѣломъ случая, представить плодомъ своей предусмотрительности. Президентъ составилъ полный планъ, какъ дѣйствовать. Онъ предположилъ, не дѣлая никакихъ упрековъ Юліану, прежде всего обратиться къ Полѣ — и немедленно женить Карлинскаго, чтобы серьезными обязанностями стереть и изгладить въ немъ память о теперешней интригѣ.

XIV.

На другой день президентъ самъ искалъ полковницу. Панъ Дельріо уѣхалъ рано поутру, а она осталась, желая вполнѣ нарадоваться Эмилиемъ. Счастье сдѣлало ее равнодушною къ мелкимъ преслѣдованіямъ неумолимаго врага. Они сошлись передъ обѣдомъ въ кабинетѣ: полковница—веселѣе обыкновеннаго, президентъ—блѣдный и взволнованный; но онъ еще довольно искусно разыгрывалъ роль человѣка, который умѣетъ владѣть собою.

— Въ послѣднее свиданіе,—началъ онъ тихимъ голосомъ, сядя рядомъ съ невѣсткою,—вы сообщили мнѣ свои опасенія насчетъ Юліана и Поли.

— Полагаю, что эти опасенія были не напрасны.

— Я давно, можетъ быть, раньше васъ, замѣтилъ, что они любятъ другъ друга; но могу увѣрить васъ, что, какъ прежде, такъ и теперь, Поля не хотѣла заставить Юліана на ней жениться. Съ другой стороны, я зналъ и Юліана: это одинъ изъ благородныхъ, но слабыхъ характеровъ, въ которыхъ раздраженіемъ и препятствіями можно возбудить только энергію и упорство. Я не нашелъ нужнымъ заграждать имъ

дорогу и раздражать Юліана, но рѣшился дать его страсти развиться обыкновеннымъ образомъ, потому она должна истощиться въ самой себѣ.

— Можетъ быть, расчетъ вашъ и вѣренъ, — возрзнула полковница, — но какъ бы онъ не обманулъ васъ?

— Кажется, я достаточно хорошо знаю человѣческое сердце. Если бы мы стали препятствовать, то Юліанъ поступилъ бы наперекоръ намъ, а теперь — придетъ время, онъ самъ собою разлюбитъ и броситъ ее.

— Какъ хладнокровно вы говорите о подобныхъ вещахъ!

— Какъ благоразумный человѣкъ. Печальная, но неоспоримая истина. Поля не имѣла намѣренія поймать Юліана въ сѣти: она искренно любила и любить его. Но она горда: довольно сказать ей одно слово — и она возвратитъ ему свободу. Я хорошо знаю ее. Теперь я хотѣлъ бы просить васъ только о томъ, чтобы вы вполне положились на меня, не мѣшались въ это дѣло и не препятствовали.

— Но что я значу здѣсь? — съ выраженіемъ обиды воскликнула пани Дельріо.

— И прекрасно. Мнѣ кажется, подобныя дѣла болѣе приличны мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ. Надобно, наконецъ, пощадить и бѣдную Полю: дадимъ за ней небольшое приданое, выдадимъ ее замужъ, а Юліана женимъ.

— А если это поздно? Если Юліанъ искренно любить ее?

— Да, Юліанъ искренно любить ее и, въ самомъ дѣлѣ, уже поздно сразу прервать ихъ сношенія; но, въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ позже, тѣмъ безопаснѣе. Страсть остываетъ.

Полковница съ видомъ неудовольствія и досады пожала плечами.

— Дѣлайте, что вамъ угодно! — живо произнесла она. — Я ни во что не стану вмѣшиваться. Для меня обиднѣе всего та мысль, что этотъ ангелъ Анна была нѣсколько времени окружена атмосферой этой странной интриги. Если бы все это кончилось поскорѣе...

— И я, съ своей стороны, повѣрьте, буду стараться о томъ же.

— Какая дерзость въ этой дѣвчкѣ-сиротѣ! Какая смѣлость!.. Поднять глаза на Юліана, увлечь его, привязать къ себѣ...

Президентъ разсмѣялся.

— Вы несправедливы къ Полѣ, — сказалъ онъ. — Возможное ли дѣло — жить съ Юліаномъ подъ одною кровлею и не привязаться къ нему со своею страстью? А молодость? А потребность сердца? Я не обвиняю ее. Притомъ, все это останется въ тайнѣ: мы выдадимъ ее замужъ, удалимъ отсюда, и никто ничего не узнаетъ.

Нечаянный приходъ Анны прервалъ разговоръ. Президентъ началъ спрашивать невѣстку о хозяйствѣ полковника, заговорилъ о политикѣ, стараясь быть веселымъ, хотя тревога грызла его сердце.

Потомъ пришелъ Алексѣй, съ которымъ президентъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, но издали строго слѣдилъ за нимъ. Наконецъ явилась Поля; по какому-то необъяснимому инстинкту, сообщаемому высоко-развитымъ чувствомъ, она вздрогнула при видѣ президента. Еще вчера она совершенно равнодушно смотрѣла на него, а сегодня уже предчувствовала въ немъ недруга. Для нея довольно было одного взгляда, чтобы угадать, что этотъ вѣжливый и холодный человѣкъ будетъ имѣть тяжелое вліяніе на ея судьбу и жизнь. Холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу; пораженная печалью, Поля старалась избѣгать его. Президентъ наблюдалъ за нею, и волненіе дѣвушки не ушло отъ его взглядовъ; но онъ старался какъ можно ласковѣе обращаться съ Полей.

Юліанъ въ такой же степени былъ безпокоенъ и разстроенъ, какъ и Поля; казалось, страсть сильно изнуряла его. Онъ любилъ, но чувствовалъ себя какъ-бы въ оковахъ — и страдалъ. Послѣдняя энергія его истощилась въ тайной борьбѣ.

Въ этотъ и послѣдующіе дни президентъ занимался наблюденіями, ловилъ выраженія, подслушивалъ и окончательно убѣдился, что иначе невозможно дѣйствовать, какъ черезъ Полю. Онъ только ждалъ отъѣзда полковницы, нарочно отправилъ Юліана къ сосѣдямъ, Анну отослалъ къ Эмилию, Алексѣя занялъ дѣломъ и остался одинъ съ Полею. Видя всѣ эти приготовленія, бѣдная жертва предугадывала тяжелую минуту, которую должна была пережить, хотѣла бѣжать, избавиться отъ встрѣчи съ президентомъ, сказалась больною, легла въ кровать. Но президентъ послалъ ей сказать, что непременно же-

ласть ее видѣть—и несчастная Поля съ трепетомъ вышла къ нему, какъ приговоренная къ казни.

То же самое предчувствіе, которое указывало ей въ президентѣ врага, сказало теперь, что пробилъ ее послѣдній часъ. Президентъ встрѣтилъ ее улыбкой, началъ шутками и, видя блеснувшія на глазахъ ея слезы, старался успокоить ее и придать ей смѣлости, но напрасно. Голова Поли кружилась, въ глазахъ у ней темнѣло, она едва могла стоять.

— Пойдемте погулять въ садъ! — сказалъ, наконецъ, старикъ, опасаясь, чтобъ его не подслушали въ комнатахъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, безжалостны! — отвѣчала Поля, едва передвигая ноги. — У меня такъ болитъ голова, я такъ разстроена...

— Прогулка самое лучшее лѣкарство въ такихъ болѣзняхъ! Мы немного пройдемся и воротимся назадъ.

— Это необходимо? — спросила Поля умоляющимъ голосомъ.

— Если вы хотите сдѣлать мнѣ одолженіе, — вѣжливо сказалъ президентъ и отворилъ двери.

Они вышли, и нѣсколько минутъ продолжалось убійственное молчаніе. Сердце Поли билось такъ сильно, что слышенъ былъ каждый ударъ его. Лицо дѣвушки то обливалось кровью, то блѣднѣло какъ мраморъ, дыханіе становилось тяжелѣе, холодный потъ выступилъ на вискахъ.

— Панна Аполлонія! — произнесъ Карлинскій, взявъ ее за руку. — Мы должны поговорить откровенно, искренно, какъ добрые друзья.

Поля ничего не отвѣчала. Она слишкомъ хорошо поняла слова президента. Неизвѣстность тяготила ее; она скорѣе желала умереть, нежели испытывать жестокія мученія.

— Я знаю все! — заключилъ Карлинскій съ удареніемъ. — Теперь необходимо подумать и позаботиться объ этомъ. Я принимаю въ васъ искреннее участіе, и потому говорю прежде всего съ вами.

Слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ сироты.

— Вы знаете все, да я и не хочу скрываться! — возразила она съ гордостью. Что-жъ вы придумали! Конечно, — прогнать несчастную за то, что она принесла безпокойство, страсть, позоръ въ тотъ домъ, который призвѣлъ ее? Если я сумѣю иску-

нить мой грѣхъ какою бы то ни было жертвою, то говорите, — я готова!

— Я всегда надѣялся на чистоту души вашей, на характеръ, на ваше здоровое понятіе о свѣтѣ и людяхъ, — равнодушно отвѣчалъ президентъ. — Страсть въ молодомъ возрастѣ есть потребность, необходимость, жизнь: я не обвиняю, а только жалѣю васъ. Съ другой стороны, я хорошо знаю и то, что можно было только любить Юліана, но не жить съ нимъ. Впрочемъ, онъ гораздо виновнѣе васъ.

— Онъ? — перебила Поля: — ошибаетесь! Онъ избѣгалъ меня, отталкивалъ, защищался; я сама навязалась ему, съ своею безумною любовью: виновата я — и никто больше!

— Повторяю — вы невиноваты, но, — прибавилъ президентъ, — вы все-таки должны были предвидѣть, что вамъ угрожаетъ. Надѣюсь, что вы никогда не имѣли въ виду выйти за Юліана: подобныя вещи случаются иногда въ романахъ, а на свѣтѣ почти никогда; если же случаются, то ведутъ къ огромнымъ жертвамъ, къ великимъ несчастіямъ.

— Но вѣдь вы и не обвиняете меня въ такомъ низкомъ разсчетѣ?

— Нисколько!

Поля закрыла глаза.

— Вы такъ привязали его къ себѣ, — продолжалъ президентъ, — что допущенное зло можетъ быть исправлено единственно вами.

— Приказывайте, — хладнокровно проговорила Поля, — я слушаю...

— Юліанъ любить въ первый разъ, любить страстно; раздраженный — онъ рѣшится употребить крайнія средства; ни убѣжденіями, ни препятствіями нельзя остановить его. Только вы одна можете сдѣлать это.

— Я сдѣлаю все! Я должна поплатиться за минуту счастья, но, панъ-президентъ, — воскликнула дѣвушка, сложивъ руки, — позвольте сколько-нибудь продолжить эту минуту: это первая и послѣдняя любовь!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — прервалъ неумолимый судья. — Чѣмъ дольше Юліанъ останется въ этихъ оковахъ, тѣмъ крѣпче прирастетъ къ нимъ.

— Дайте мнѣ одинъ мѣсяцъ, хоть недѣлю, хоть нѣсколько дней!

— Ни одного дня... И для васъ, и для него, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Надо кончить.

— Я ожидала этого! — воскликнула Поля, воодушевляясь мужествомъ. — Я буду послушна, хоть и умру.

— Вы будете жить... и жить счастливо...

— Какое еще страданіе вы придумали для меня?

— Любите вы его, или нѣтъ?

— Люблю-ли я? вы еще сомнѣваетесь! — вскрикнула Поля, заливаясь слезами.

— Всякая любовь должна имѣть конецъ.

— Да, со смертью!

— Нѣтъ, конецъ ея — равнодушіе! — возразилъ президентъ. —

Неужели вы хотите всю жизнь Юліана отравить воспоминаніями?

— Но чего-же вы требуете отъ меня?

— Теперь необходимо, чтобы вы сами прервали эту любовь, полюбили другого, оттолкнули Юліана: вотъ единственное средство уничтожить зло!

Поля разразилась истерическимъ смѣхомъ и воскликнула:

— Конецъ достойный начала! Ради Бога, лучше выгоните меня, убейте, очерните презрѣніемъ!

— Это не принесетъ ни малѣйшей пользы, — отвѣчалъ президентъ, нисколько не волнуемый отчаяніемъ Поли. — За изгнанною онъ полетитъ во всѣ концы свѣта, презрѣнную станетъ защищать, объ убитой будетъ плакать всю жизнь; а послѣ измѣны останется у него только...

— Презрѣніе?!

— Равнодушіе! — вѣжливо поправилъ неизмѣнно-холодный президентъ.

— Были-ли вы когда-нибудь молоды? Было-ли у васъ сердце? — вдругъ спросила Поля.

Президентъ усмѣхнулся.

— Лъшу себя надеждою, что еще до сихъ поръ ношу часть его въ моей груди, и клянусь вамъ этимъ сердцемъ, что постараюсь облегчить жертву, которую вы обязаны принести; вы

изберете себѣ, кого угодно, мы выдадимъ васъ замужъ, сдѣлаемъ приданое...

Поля отскочила въ сторону — точно раненая стрѣлою.

— И вы смѣете говорить мнѣ это, разорвавъ мою душу? О, это низко, ужасно, безчеловѣчно, подло!

— Ради Бога, говорите тише, насъ услышатъ!

— Пусть слышатъ! — кричала Поля. — Знаете-ли, какое чувство пробудили вы въ моемъ сердцѣ? Чувство мщенья, столь-же сильное, какъ любовь. Ваша судьба въ моихъ рукахъ: если я захочу, онъ женится на мнѣ... и я непременно сдѣлаю это, если вы осмѣлитесь повторить то, что сейчасъ сказали. Да что-же я такое въ вашихъ глазахъ?

— Самое благородное существо въ мірѣ! — воскликнулъ президентъ, увидя себя на фальшивой дорогѣ. — Я готовъ на колѣняхъ просить у васъ прощенья.

— О, такія обиды никогда не забываются! Только этого недоставало! Хотятъ заплатить мнѣ... заплатить! О, это ужасно!

— У меня не было подобной мысли.

— Была! Вы не знаете бѣдныхъ людей. Князья обыкновенно платятъ своимъ любовницамъ и выдаютъ ихъ замужъ: и вы хотѣли поступить со мною точно такъ же! Но вы еще не князь, а я не принадлежу къ разряду развратныхъ женщинъ.

— Вы сердитесь... для нашего разговора полезнѣе хладнокровіе.

— У меня его нѣтъ и не можетъ быть!

— Однако, безъ него мы не кончимъ дѣла. Вы любите Юліана, — повѣрьте, самымъ сильнымъ доказательствомъ вашей любви было-бы самопожертвованіе...

— Такъ-бы вы и говорили, панъ президентъ! Это я понимаю. Но что же я должна дѣлать? что дѣлать?

— Необходимо заняться кѣмъ-нибудь другимъ, бросить, разсердить Юліана и непременно, непременно выдти замужъ!

— Сыграть комедію, драму! Притвориться, лгать и собственными руками разорвать себѣ сердце!

— Панна! я не виновата въ этомъ.

— Такъ, виновата я, вы правы! Одна я должна терпѣть наказаніе за вину... избавить его отъ тоски и угрызений совѣсти...

— Вы во всемъ видите трагедію.

— А вы смотрите на все такъ низко и равнодушно! Для васъ все ничего не значить: любить и потомъ самой, собственными руками, добровольно разорвать священные узы и притвориться, что любишь другого... О, — прибавила Поля съ насмѣшливою улыбкою, — какое мнѣ дѣло до другихъ! Пусть страдаютъ! Развѣ сама я не страдаю? Развѣ для счастья Юліана не стоитъ принести нѣсколько бѣдныхъ жертвъ?

— Слѣдовательно, я могу надѣяться на ваше слово? — спросилъ президентъ.

— Послушайте, — сказала дѣвушка рѣшительнымъ тономъ. — Я сдѣлаю все, что вы хотите: я, вѣроятно, умру и не перенесу своего несчастія, но я сама виновата и — принимаю наказаніе: оно будетъ доказательствомъ моей любви къ нему. Но если вы словомъ, даже мыслью выразите, что думаетъ, платить мнѣ за жертву, то я разрушу все, и вы всю жизнь не вырвете его изъ моихъ объятій.

— Пожалуйста, простите меня за неосторожное его въ

— Предоставьте мнѣ дѣйствовать и будьте спокойны. Я не дорожу жизнью. Я съ гордостью принесу себя въ жертву. Я умѣла любить безъ расчетовъ и безъ трепета. Я не боюсь чести и позора. Оставьте же меня съ моими слезами!

Поля махнула рукою, президентъ тихо удалился изъ комнаты. Онъ достигъ своей цѣли, но въ душѣ, что онъ испытываетъ неприятное чувство: онъ надѣялся торжествовать, но, увѣренъ былъ, что побѣдитъ ее; а между тѣмъ Богъ тебя поразила и уничтожила его высоту чувства и сердца; президентъ чувствовалъ себя униженнымъ и несчастнымъ. Эти падаютъ и не ломаются. Онъ приказалъ пригласить ее и, пред-

XV.

Трудно выразить, что происходило въ душе Поля, когда она осталась одна, послѣ разговора. Она прямо побѣжала въ бесѣдку, бросилась на диванъ и плакала, плакала горько и долго. Скорбь и тоска на нее свою тяжелую руку; на нѣсколькихъ минутахъ потеряла самосознаніе, чувство, память, все... потому что съ нею и какъ будто пробудилъ ее отъ сна. Она внимательно смо-

посланъ Юліаномъ, который очень беспокоился о ней, но самъ не имѣлъ возможности идти къ ней, потому что президентъ задержалъ его при себѣ. Поля подняла голову, услышавъ шаги Алексѣя. Почти нельзя было узнать ее съ опухшими и красными глазами, разгорѣвшимся лицомъ, она едва могла стоять. Алексѣй полагалъ, что какая-нибудь новая сцена съ Юліаномъ была причиною страданій дѣвушки.

— Что съ вами? — спросилъ онъ съ замѣшательствомъ. — Вы больны?

— Да, въ самомъ дѣлѣ я больна; не знаю, что случилось со мною, я вся дрожу.

И Поля улыбнулась сквозь слезы, подала ему свою бѣлую чку и воскликнула:

О, не смѣйся надо мною!.. И ты... и ты, отважный лѣняха, напрасно закрываешь свое сердце, такъ чтобы люди

— Стили его бѣнья; скоро и ты узнаешь мою долю. Оба недоставали не въ свой свѣтъ, попали къ людямъ, которые

— У ддставляются намъ равными: улыбка ихъ привлека-

— Была,овое обращеніе внушаетъ смѣлость, рука дрожить, венно платятъ мому, вся открыта, но они, какъ боги, нисходятъ и вы хотѣли чтобы говорить съ нами, смертными; въ объ- князь, а я не они расплываются... въ каплю грязи. Оба мы

— Вы сердца статуи. О, намъ слѣдовало оставаться въ нокровіе.

— У меня тамъ мы скорѣе нашли-бы и сердца, и людей!

— У меня понимаю васъ, — проговорилъ Алексѣй. — Пойдемте,

— Однако, ъ.

Юліана, — повѣрте, но вы прекрасно понимаете меня. О, не вооб- любви было-бы ваша тайна могла укрыться отъ глазъ женщины.

— Такъ-бы о умѣю молчать.

нимаю. Но, го се это ничего не значить.

— Необходѣ.. Ахъ, правда! Кто оцѣнитъ наши страданія? разсердить Юліа мы стремились къ нимъ? Мы стоимъ того, что-

— Сыграть кнули съ презрѣніемъ: мы — слуги и должны ственными рука оставаться у нихъ слугами. Неужели въ своемъ

— Панна! нашли-бы ни сердца, ни людей?

— Такъ, в случилось? Скажите, ради Бога! — спросилъ встре- наказаніе за вин, сѣй.

— Вы во е завтра ожидаетъ и васъ, — отвѣчала Поля. — Если

вы не уйдете, не убѣжите отсюда, если не убьете свое чувство.

— Кажется, мои чувства такъ невинны.

— Невинны? Но въ ихъ глазахъ мы всегда виноваты: и за глубокую привязанность, даже за самое скрытое самоотверженіе, мы должны быть холодными куклами, послушными рабами. Но имѣть сердце, любить, приблизиться къ нимъ... О, это грѣхъ, преступленіе!

Такъ говорили они, пока шли къ дому. Алексѣй проводилъ Полю въ ея комнату. Анна, узнавъ о болѣзни подруги, хотѣла сейчасъ же бѣжать къ ней, но президентъ и мать удержали ее. Юліанъ, предполагая что-то необыкновенное, сидѣлъ какъ на угольяхъ.

Президентъ рѣшился сдѣлать видъ, будто ничего не знаетъ, и ни слова ни говорилъ Юліану.

Лишь только встали изъ-за стола, Юліанъ, молчавшій во все время обѣда, схватилъ Алексѣя за руку, отвелъ его въ сторону и спросилъ:

— Что случилось съ Полей?

— Не знаю,—жалуется, что больна.

— Президентъ ничего не говорилъ тебѣ?

— Ни слова.

— Онъ, кажется, ужъ все знаетъ. Я чувствую, что онъ будетъ препятствовать мнѣ, но я готовъ.

— Сберишься съ силами, милый Юліанъ! Дай Богъ тебѣ по больше твердости.

— Въ людяхъ, которые кажутся слабыми, повѣрь, силъ больше, чѣмъ въ такъ называемыхъ твердыхъ. Эти падаютъ какъ дубы во время бури. Я согнусь, но вихрь меня не сломаетъ.

Алексѣй не сказалъ ни слова. Президентъ приказалъ принести шахматную доску, подозвалъ къ себѣ Юліана и, представляясь веселымъ, ни на минуту не пускалъ его отъ себя.

XVI.

Только на другой день Поля вышла изъ своей комнаты. Юліанъ искалъ на ея лицѣ развязки тайны, потому что съ тревогою предчувствовалъ ее. Онъ и Алексѣй внимательно смо-

трѣли на дѣвушку; но въ ея наружности нельзя было ничего замѣтить, кромѣ изнуренныхъ безсонницею глазъ, блѣдности и слѣдовъ страданія, происходившихъ отъ вчерашней болѣзни. Поля, повидимому, хорошо владѣла собою и, уже зная свое будущее, съ геройскимъ равнодушіемъ начинала переносить кровавую пытку за свою горячую страсть. Юліанъ не могъ понять — въ чемъ дѣло. Поля приучила его къ своей причудливости, къ безпричинной печали, къ горькимъ слезамъ, часто отравлявшимъ короткія минуты счастья, къ капризамъ воображенія, раздражавшимъ сердце. Потому и теперь онъ думалъ, что вчерашняя болѣзнь и слѣды печали происходили собственно отъ присутствія президента въ Карлинѣ, которое заставляло ее быть осторожною. Бѣдная дѣвушка даже хотѣла было сказать какую-то шутку и улыбнуться, но улыбка ея тотчасъ была прервана глубокимъ вздохомъ, который былъ понятъ однимъ только Алексѣемъ.

— Онъ ничего не долженъ знать, — говорила Поля самой себѣ, — одна я принесу эту жертву; въ его сердцѣ не останется ни тоски, ни угрызений, вся вина падетъ на одну меня, а онъ будетъ совершенно свободенъ и покоенъ. Пусть онъ любить меня хоть до тѣхъ поръ, пока судьба не пошлетъ сюда другого. Я притворюсь, что люблю этого пришельца, и Юліанъ забудетъ сироту. Первый, кто представится глазамъ моимъ, первый довольно сносный человѣкъ, — будетъ моимъ любовникомъ. Это низко! это ужасно!.. но одно преступленіе влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ... И все это для него, для Юліана, для того, кому я охотно посвятила бы и себя, и весь свѣтъ!

Вотъ въ чемъ заключалась горькая, но неизмѣнная рѣшимость Поли. Это самоотверженіе превышало силы слабой женщины, но глубокая любовь всегда полна героизма: безъ этого свойства она была бы только низкою страстью. Презрѣнная въ глазахъ людей сирота непремѣнно хотѣла возвысить себя такою жертвою; ея счастье висѣло уже на волоскѣ. Каждый разъ, какъ отворялись двери, она съ трепетомъ оглядывалась: не входитъ ли предназначенный призракъ, который долженъ принести ей смертный саванъ?

— Кто будетъ моей жертвой? — думала Поля, и сердце ея сжималось. Вдругъ ея мысль остановилась на Алексѣѣ. Но онъ

уже любить! — подумала дѣвушка. — Надо уважать чистую, святую, глубокую любовь его.

Юліанъ нѣсколько разъ, и даже неосторожно, пытался подойти къ Полю, и, принятый съ обыкновенною улыбкою, успокоенный тайнымъ пожатіемъ руки, нетерпѣливо ждалъ вечера. Онъ не воображалъ, что это будетъ уже послѣдняя минута блаженства, что въ это свиданіе между ними станетъ страшная тайна.

Президентъ съ величайшимъ тактомъ притворялся, что ничего не видитъ, даже служилъ ширмою для другихъ, потому что надѣялся на Полю и понималъ ея гордость. Правда, иногда, подобно молніи, сверкала въ головѣ его мысль, что любовь, тщеславіе, жажда мести могутъ увлечь дѣвушку; но для подобнаго случая у него были готовы другія средства. Полковница не скрывала своего раздраженія и ненависти къ сиротѣ и глядѣла на нее со страшной злобою. Къ счастью, присутствіе Анны удержало и спасло ее отъ неосторожнаго шага.

Для посторонняго зрителя день прошелъ самымъ обыкновеннымъ порядкомъ: на всѣхъ лицахъ были ежедневныя маски, ничто не обнаруживало тайной драмы. Наступилъ вечеръ, и всѣ были рады, что могли разойтись. Чтобы не оставаться долго съ президентомъ, Юліанъ сослался на нездоровье и выразилъ желаніе отдохнуть, отослалъ отъ себя людей, переодѣлся и стрѣлою побѣжалъ къ знакомой бесѣдкѣ. Поля немного опоздала. Юліанъ издали замѣтилъ дѣвушку. Она шла тихими шагами, точно приговоренная къ казни, а вслѣдъ за ней летѣло страшное слово, самый ужасный изъ всѣхъ приговоровъ: *на-вѣки!* Юліанъ схватилъ ее и прижалъ къ сердцу.

— А, наконецъ-то! — воскликнулъ онъ. — Ты не знаешь, что я вытерпѣлъ!

Поля печально улыбнулась и, опираясь на его руку, сказала:

— Безцѣнный мой! не будемъ говорить о страданіяхъ, не станемъ отравлять нашего недолгаго счастья мыслью о прошедшемъ или будущемъ.

Глубокая скорбь прервала слова дѣвушки.

— Ты печальна? — спросилъ Юліанъ. — Что съ тобою?

— Такъ, ничего. Печаль — это неожиданный гость, навѣщающій насъ и въ минуты счастья. Кто можетъ сказать, откуда она приходитъ и какой ангелъ уноситъ ее съ собою на

крыльяхъ? Я грустна оттого, что чѣмъ дольше живу, тѣмъ менѣе вѣрю въ себя, въ тебя и въ свѣтъ.

— Въ меня?—съ упрекомъ спросилъ Карлинскій,—въ меня?

— Да, и въ тебя.

— Поля! Ради Бога не отравляй мнѣ этого блаженнаго вечера.

— Въ самомъ дѣлѣ, не будемъ говорить о печальномъ; минуты дороги, а завтра... Только одинъ Богъ знаетъ... завтра для меня страшно!

Дѣвушка вздрогнула.

— Какъ ты думаешь, — съ беспокойствомъ спросилъ Юліанъ, — президентъ узналъ что нибудь?

— Кажется, нѣтъ... но полковница...

— О, въ маменькѣ я не сомнѣваюсь. Что же касается президента, — прибавилъ онъ тише, — то мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ самъ догадался.

— Правда. Вѣдь ты не имѣлъ бы смѣлости сказать ему, что такъ унизилъ себя?—страдальчески проговорила Поля, цѣлуя его въ голову. — Слабый ангелъ мой! тутъ нужны необыкновенныя силы, потому что тебѣ пришлось бы бороться не съ однимъ президентомъ, не съ одною матерью, а со всѣмъ нашимъ обществомъ: въ состояніи ли ты сдѣлать это?

Юліанъ покраснѣлъ отъ стыда; сердце сильно забилося въ немъ.

— Ты всегда упрекаешь меня въ слабости, но теперь сама убѣдишься...

— Молчи! — перебила сирота, прижимая его къ сердцу. — Молчи! Я не хочу убѣжденій; вѣдь я сто разъ повторяла, что наша любовь не имѣетъ будущаго. Къ чему возобновлять эти вопросы и заклинанія? Ты свободенъ какъ птичка, и когда надоѣдаютъ тебѣ объятія невольницы, ты оттолкнешь ее отъ себя... и никогда не увидишь болѣе...

Такъ говорили молодые люди, и какъ ни старались они наводить разговоръ на разсужденія о свободѣ и счастіи, но невольно обращались опять къ горестямъ и отчаянію: надъ ними тяготѣло какое-то черное предчувствіе, какая-то душная атмосфера будущаго. Юліанъ и Поля долго ходили по саду, и только первые проблески утренней зари, первое щебетанье разбуженныхъ птичекъ разлучили ихъ, какъ Ромео и Юлію, еще не вполне насладившихся другъ другомъ, тоскливыхъ, печаль-

ныхъ, страдающихъ. Они прощались и провожали другъ друга изъ одной аллеи въ другую, постоянно дальше и дальше, такъ что Поля, наконецъ остановилась уже на порогѣ комнаты Юліана; но здѣсь слезы брызнули изъ глазъ дѣвушки и, чтобы скрыть ихъ, она убѣжала.

XVII.

— Долго ли я буду страдать такимъ образомъ?— говорила себѣ на другой день бѣдная Поля:— О, пусть пройдетъ еще хоть день, хоть одинъ часъ... Какъ тяжело будетъ разстаться со счастьемъ и начать страданія!

Судьба сократила мученія дѣвушки, ускорила развязку; въ тотъ же день Юстинъ явился сверхъ ожиданія въ Карлинъ. Съ спокойной улыбкою на лицѣ, въ соломенной шляпѣ, въ сѣромъ пальто, съ палкою и книгою подъ мышками, съ огромнымъ пучкомъ лѣсныхъ цвѣтовъ въ рукѣ, пришелъ добрый и простой сердцемъ поэтъ, не ожидая, что, здѣсь должна рѣшиться его участь. Передавъ всѣмъ поклонны отъ пана Аванасія, онъ равнодушно сѣлъ среди Карлинскаго общества, потому что никогда не подчинялся свѣтскимъ приличіямъ и, отирая потъ съ загорѣлаго лба, съ дѣтскою наивною разсматривалъ окружавшія его лица.

Поля вздрогнула, какъ бы угадывая, что именно этого человѣка судьба соединить съ нею, и почувствовала и гнѣвъ, и состраданіе.

— За что же онъ будетъ страдать?— говорила она сама себѣ:— за что я возмущу его спокойствіе и отравлю ему жизнь? За что наполню я душу этого человѣка вѣчною тоскою, невѣріемъ, заставляю его только смѣяться надъ міромъ Божиимъ? Но почему и не страдать ему?—продолжала думать дѣвушка. Вѣдь я сама мучусь, умираю, безумствую—что-жъ я буду жалѣть его? Пусть и онъ страдаетъ! О, съ какимъ наслажденіемъ я буду смотрѣть на его мученія! Я очарую, привлеку, обольщу его красотою; онъ не найдетъ силъ вырваться изъ моихъ объятій. Прежде онъ смѣялся надо мною, теперь будетъ плакать у моихъ ногъ. О, пусть страдаетъ и онъ, и всѣ люди!

И въ то время, какъ Поля оглядывала гостя съ ногъ до

головы, попеременно волнуемая гнѣвомъ и состраданіемъ, поэтъ, послѣ далекой прогулки изъ Шуры въ Карлинь, спокойно одышалъ въ гостиной, какъ дитя въ колыбели. Алексѣй удивлялся равнодушію, съ какимъ Юстинъ, по своему костюму, разговору, занятіямъ и взглядамъ на вещи, совершенно чуждый здѣшнему обществу, не старался приноровляться къ окружающимъ его лицамъ, не сознавалъ себя низшимъ, потому что былъ человѣкъ другого свѣта, и съ полною свободою сына природы держалъ себя въ гостиной.

Президентъ, не умѣя цѣнить этого оригинальнаго лица, гнушаясь его простонароднымъ костюмомъ, испытывалъ непріятное чувство, какъ будто дотрогивался до чего-то колючаго и шероховатаго. Прочія лица, можетъ быть, не менѣе смущенныя появленіемъ этого рѣдкаго гостя, были, однако снисходительнѣе къ нему ради пана Аѳанасія. А между тѣмъ, поэтъ какъ будто не видалъ и даже не предполагалъ впечатлѣнія, которое производилъ собою, не смотрѣлъ на другихъ, держалъ себя очень естественно, нисколько не заботясь о томъ, какъ смотрятъ на него окружающіе.

— Чудную прогулку сдѣлалъ я теперь изъ Шуры въ Карлинь! — громко сказалъ онъ, обращаясь къ Юліану и Алексѣю. — Какъ пріятно свободному человѣку весною идти пѣшкомъ туда, куда манять глаза и сердце! Во-первыхъ, въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ — сколько разныхъ картинъ по цѣлымъ часамъ останавливали меня на одномъ мѣстѣ! Лѣса, цвѣты, игра солнечныхъ лучей, вой вѣтра и глубина овраговъ, ароматы, тысячи распустившихся цвѣтовъ, міріады насѣкомыхъ, птицы, звѣри... куда ни взглянешь — вездѣ картины. О, великій живописецъ — эта природа. Цѣлый часъ стоялъ я на дорогѣ и глядѣлъ на луговую площадку, на которой стояли старыя ольхи, цвѣли желтые кувшинчики, паслось стадо и пастухъ игралъ на свирѣли. Потомъ остановилъ меня старикъ нищій; я шелъ съ нимъ до первой деревни и разговаривалъ, какъ съ роднымъ братомъ. Въ деревнѣ у меня есть знакомый парень, онъ поетъ мнѣ славныя пѣсни, я засидѣлся у него на прилавкѣ. Потомъ я искалъ самой извиистой дороги, чтобы идти, какъ можно дальше, надышаться весною, налюбоваться цвѣтами...

Президентъ едва не разразился хохотомъ.

Поля вдругъ обратилась къ поэту съ шутивнымъ упрекомъ:

— Значить, вы не спѣшили прійти къ намъ, если искали самой длинной дороги?

— Спѣшилъ? Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ Юстинъ. Мнѣ пріятно видѣть васъ, но я увѣренъ, что зимою и лѣтомъ найду здѣсь все въ одномъ и томъ же видѣ, тогда какъ красоты природы такъ часто измѣняются, такъ чудно-разнообразны и говорятъ мнѣ о многомъ...

— Чего мы не понимаемъ?—съ улыбкою спросила Анна.

— Конечно—потому, что вы добровольно отреклись отъ всего, что можетъ пробудить въ васъ вдохновеніе. Запертые въ клѣткѣ, невнимательно глядя на природу, и притомъ еще подчищенную и подстриженную садовникомъ ради приличія, вы берете предметы разговора только изъ холодной книги, или другъ отъ друга. Не думаю, чтобы это было ново или любопытно.

Президентъ немного обидѣлся тономъ пришельца и сказалъ ему съ гордостью:

— Но, любезный мой, суди логичнѣе: и въ природѣ, повторяющейся каждый годъ, нѣтъ ничего слишкомъ новаго.

— Извините; во-первыхъ, природа каждый годъ бываетъ вполне новою, а люди, которые не смотрятъ на нее, съ каждымъ годомъ старѣются; далѣе, она умѣетъ соединить удивительное разнообразіе; наконецъ, она неисчерпаема, а люди, заимствуя все изъ однихъ себя, скоро не будутъ находить пищи.

— Не буду спорить, потому, что не стоитъ,—отвѣчалъ Карливскій,—и благодарю за комплиментъ.

— Я не привыкъ говорить комплименты,—съ улыбкою сказала Поддубинецъ,—потому что живу съ природою, людьми, поэзіей и сердцемъ. По мнѣ, свѣтскіе обычаи и вѣжливость — худые наставники.

— Это зависитъ отъ ученика!—прошпнталь президентъ, выходя изъ комнаты и пожимая плечами.

Юліанъ, искренно сожалѣя, что его милого гостя приняли такъ грубо, подошелъ къ Юстину, сѣлъ рядомъ съ нимъ и пожалъ его руку. Но на лицѣ поэта не замѣтно было, что колкія слова президента подѣйствовали на него. Анна, очень лю-

бившая Юстина за то, что онъ приносилъ съ собою настроеніе *святаго дяди* (такъ она звала Аѳанасія), также подошла къ нему съ улыбкою и шепнула:

— Не сердитесь, мы понимаемъ и любимъ васъ.

— О, не беспокойтесь объ этомъ! Мнѣ очень жаль людей, когда они иначе и хуже понимаютъ свѣтъ и жизнь; но могу ли я препятствовать имъ въ выборѣ, если самъ хочу быть свободнымъ?

Поля, не спуская глазъ, издали глядѣла на поэта, какъ будто не рѣшаясь подойти къ нему и начать драму. Она измѣряла противника и, можетъ быть, воображала трудность пріятія.

— А если онъ вѣщимъ духомъ узнаетъ мою притворную любовь и оттолкнетъ меня?—говорила себѣ дѣвушка. Во всякомъ случаѣ, Юліанъ будетъ презирать меня; этакъ будетъ еще лучше, и все падетъ на меня одну. Прежде я смѣялась надъ нимъ, теперь, пожалуй, онъ будетъ смѣяться надо мною. Нѣтъ! я не хочу вѣрить, чтобы онъ полюбилъ меня. Что я могу дать ему за благородную любовь, кромѣ холоднаго самопожертвованія?

Лихорадочныя мысли толпились въ головѣ дѣвушки. Между тѣмъ Юстинъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ на вопросы Юліана и Алексѣя.

— Какъ ты можешь вести жизнь исключительно среди природы?—спрашивалъ Карлинскій.—Какъ поэтъ, ты долженъ искать сочувствія слушателей, вѣнковъ и славы.

— Я поэтъ и живу вдохновеніемъ. Божій міръ, собственное сердце, старыя пѣсни, все прекрасное и святое — вотъ источники, изъ которыхъ я утоляю жажду и наслаждаюсь такимъ счастьемъ, что смѣло могу встрѣтить удары судьбы—и они не возмутятъ веселаго спокойствія души моей.

Эти слова, сказанныя такъ некстати, въ минуту, когда его счастьемъ угрожалъ тайный замыселъ, заставили Полю вздрогнуть.

— Посмотримъ,—сказала она самой себѣ,— посмотримъ, бѣдный храбрецъ!

— Никогда я не представлялъ себѣ жизни полнѣе и счастливѣе моей,—продолжалъ Юстинъ.—Поэзія—это шестое, или

вѣрнѣе единственное чувство, при помощи котораго мы понимаемъ и соединяемъ въ одно цѣлое все, что люди находятъ загадочнымъ, противорѣчащимъ и непонятнымъ,—она воскрешаетъ и дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ. Я никому не завидую и смѣюсь надъ вашимъ величіемъ, считая все это дѣтскими игрушками. Васъ все страшитъ и беспокоитъ, а я странникъ на землѣ, на все смотрю равнодушно, моя великая поэма составляетъ всю мою собственность; одна минута вдохновенія вознаграждаетъ меня за цѣлые годы бесплодныхъ мечтаній, видъ чего-нибудь прекраснаго восхищаетъ меня и дѣлаетъ безчувственнымъ къ самымъ сильнымъ огорченіямъ. Вы обладаете безчисленнымъ множествомъ предметовъ; у меня — только одна способность, которой вы не имѣете, и она щедро восполняетъ для меня недостатокъ всѣхъ мнимыхъ благъ міра.

— Поэма!—воскликнула Поля,—вы пишите поэму? Но мы такъ давно слышимъ о ней, что она должна быть ужъ кончена.

— Она кончится только съ моею жизнью,—отвѣчалъ поэтъ. Она огромна и величественна. Чтобы обработать ее, я долженъ всего себя посвятить ей. Я вездѣ ищу для нея матеріаловъ, собираю цѣлое; мое сердце бьется при видѣ новой картины, новаго образа, но конецъ еще далекъ!

— Какъ! Даже и любознательнымъ людямъ вы никогда не покажете этой поэмы, столь матерински вскормленной вашею жизнью?—спросила Поля.

— Конечно, вы догадываетесь, что содержаніе моей поэмы почерпнуто не изъ нынѣшняго вѣка,—это напѣвъ умершей старины. Можете ли вы понять меня? Повѣрите ли вы, что человѣкъ, надъ которымъ вы смѣетесь, имѣлъ вѣщій даръ говорить о будущемъ? Нѣтъ живая поэма убьетъ дитя свое. Когда я умру, когда имя мое погаснетъ, тогда только полетитъ эта пѣснь—свободная, безымянная, великая, какъ вдохновеніе Духа Божія, какъ рапсодія Гомера—и люди лучше поймутъ ее, потому что за нею уже не будетъ человѣка, изъ устъ котораго она вылетаетъ.

Эти слова, произнесенныя съ какою-то наивною гордостью, въ другихъ людяхъ, можетъ быть, возбудили бы только насмѣшливую улыбку, но въ Полѣ и Алексѣй, они увеличили

уваженіе и удивленіе къ поэту. Въ самомъ дѣлѣ, надо было имѣть огромную внутреннюю силу, чтобы посвятить себя подобному творенію безъ сочувствія, безъ надежды рукоплесканій,—и такая сила опредѣляла степень достоинствъ человѣка. Несмотря на свою наружность, среди окружающаго общества Юстинъ представлялся человѣкомъ изъ другого міра и вѣка, а на вдохновенныхъ устахъ порхала дѣтская улыбка. Полѣ стало жаль его.

— Нѣтъ, онъ не сумѣетъ, не будетъ любить меня! Подобно Аниѣ, онъ любитъ весь свѣтъ, всѣхъ людей, любитъ прошедшее, природу, солнце, цвѣты, но никакъ не полюбитъ одно слабое, ничтожное существо. И это къ лучшему. Я не сдѣлаю его несчастнымъ, потому что онъ не привяжется ко мнѣ, онъ слишкомъ великъ, его сердце, подобно океану, разливается по всему міру. Теперь я спокойна! Судьба знала, кого послать сюда, чтобы уменьшить мои страданья.

ХVIII.

Поля совершенно посвятила себя рѣшимости освободить Юліана. Съ самаго начала, повидимому, продолжая шутить надъ поэтомъ и въ то же время постепенно сближаясь съ нимъ, она не вдругъ отстала отъ Карлинскаго. Но часто и безъ причины ревнивый Юліанъ въ скоромъ времени замѣтилъ, что Поля болѣе и болѣе занималась поэтомъ и была къ нему постоянно чувствительнѣе и довѣрчивѣе. Карлинскій, съ выраженіемъ досады, сказалъ ей объ этомъ, но Поля страдальчески улыбнулась и отвѣчала:

— Я хочу, чтобы ты былъ ревнивъ: это будетъ доказательствомъ, что ты любишь меня.

— Развѣ тебѣ нужны доказательства?

— Непремѣнно—и каждый день новыя. Когда мы вмѣстѣ, когда ты въ моихъ объятіяхъ, ты мой; но когда ты удалишься, я вижу въ тебѣ чужого человѣка, только на одну минуту привязавшагося къ невольницѣ, но старая Сарра рано или поздно непременно выгонитъ бѣдную Агарь изъ своего дома.

Юліанъ покраснѣлъ и проговорилъ:

— Знаешь ли что? Пойдемъ къ президенту, къ маменькѣ смѣло скажемъ имъ все, и сразу покончимъ дѣло.

Поля улыбнулась и пожала плечами.

— Но достанетъ ли у тебя силъ на подобный подвигъ? Притомъ, хоть я люблю тебя, но не пойду за тебя замужъ. На другой день послѣ свадьбы искренняя любовь моя покажется тебѣ расчетомъ,—вѣдь ты не въ силахъ прогнать подобную мысль. При первой непріятности въ твое сердце проникнетъ сомнѣніе. Нѣтъ! я хочу, чтобы ты вѣрилъ мнѣ, и не буду твоею женою. Я могла быть для тебя только любовницей...

Такъ иногда забывалась Поля. Но скоро опомнившись, она возвращалась къ своему предпріятію, сближалась съ Юстиномъ и представлялась занятою имъ и его поэзіей.

Прежде Юстинъ замѣчалъ въ Полѣ остроуміе, веселость, наивность, но не видѣлъ поэтической наклонности, и потому думалъ, что она теперь восторгается его поэзіей, чтобы потомъ сдѣлать его жертвою своихъ шутокъ и проиіи, Впрочемъ, душа его, не привыкшая къ скептицизму и анализу, не могла долго оставаться въ состояніи недовѣрчивости: поэтъ преклонился предъ красотою дѣвушки, такъ хорошо понимавшей его и, можетъ быть, первый разъ въ жизни встрѣтивъ горячую симпатію къ себѣ, улыбнулся ей съ такою отрадою, съ какою путешественникъ улыбается дереву, подъ тѣнью котораго онъ можетъ отдохнуть не больше минуты. Дѣвушка представлялась ему какъ бы новымъ существомъ, — онъ не могъ согласить прежняго настроенія Поли съ теперешнимъ.

— Скажите мнѣ, панна, — наивно спросилъ онъ ее, — кто же изъ васъ настоящая Поля: та ли, которую я вижу теперь, или та, которую видалъ прежде!

— И та, и другая, — отвѣчала Поля съ улыбкою. — Вы еще не знаете женщинъ: онѣ легко мѣняютъ свое настроеніе.

— Можетъ быть... можетъ быть... Но измѣниться въ такое короткое время...

— Теперь позвольте и вамъ сдѣлать вопросъ, — прибавила Поля: — когда вы видите слезу и улыбку, то которой изъ нихъ больше вѣрите?

— Слезѣ, — отвѣчалъ поэтъ.

Молодые люди замолчали. Юліанъ съ каждымъ днемъ яв-

ственные замѣчалъ вѣтренность Поли, которая конечно растравляла его мученія.

Вскорѣ потомъ они уже перестали говорить другъ съ другомъ. Поля прогуливалась съ Юстиномъ въ саду, слушая его разсужденія о великой поэмѣ, раздражая поэта и въ то же время подавая лѣкарство противъ немощи, которую сама привила ему. Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенная драма разыгрывалась между этими существами. Въ поэтѣ пробуждалось сердце, питавшееся до сихъ поръ только мечтами о прошедшемъ. Въ Полѣ попеременно проявлялись самыя противоположныя чувства: состраданіе къ поэту и желаніе испытать свои силы, отчаяніе о потерѣ Юліана и рѣшимость отказаться отъ него. У дѣвушки была сильная воля, но силы ея ежеминутно истощались. Впрочемъ, она постоянно и постепенно шла къ своей цѣли. Юліанъ сначала принималъ все это за шалость, потомъ за испытаніе его постоянства; но на третій день, доведенный до отчаянія, поздно ночью, вбѣжалъ въ комнату Поли, съ твердою рѣшимостью броситься ей въ ноги, просить прощенія, согласиться на всѣ условія, какія она предложитъ ему, лишь бы воротить блаженство вечеромъ въ бесѣдкѣ. При его появленіи, Поля стояла на колѣняхъ у кровати, заливаясь слезами. Она была очень слаба, лицо выражало утомленіе; разстрѣпанные волосы ея падали на плечи. Она судорожно сжимала свои маленькія руки, уста ея, казалось, подавляли стоны, вырывавшіеся изъ растрезаннаго сердца.

Юліанъ остановился въ дверяхъ. Поля должна была найти въ себѣ не человѣческія силы, чтобы, взглянувъ на него, не броситься ему на шею: такъ онъ былъ блѣденъ, такъ измѣнился, дрожалъ и страдалъ невыразимо-жестоко. Дѣвушка встала, набросила на шею платокъ и, молча дала знакъ, чтобы онъ вышелъ.

— Президентъ? — спросилъ Карлинскій съ выраженіемъ безпокойства.

— Я сейчасъ иду вмѣстѣ съ тобою.

Не говоря другъ другу ни слова, они вышли въ садъ. Юліанъ хотѣлъ вести ее въ знакомую бесѣдку, но сирота боялась этого мѣста, столь сладкаго воспоминаніями.

— Нѣтъ! останемся здѣсь, — сказала она рѣшительнымъ

тономъ. — Мы должны сказать другъ другу только нѣсколько словъ.

— Поля! заклинаю тебя Богомъ, всѣмъ на свѣтѣ, объясни мнѣ, что все это значитъ? Что случилось съ тобою? Въ самомъ ли дѣлѣ ты любишь Юстина и отталкиваешь меня, или это не болѣе, какъ одно жестокое испытаніе?..

— Я сама не знаю, кого я люблю и что дѣлаю! — проговорила дѣвушка слабымъ голосомъ. — Наше счастье было похоже на каплю росы, — она упала и навсегда впилась въ землю... не станемъ искать его... оно не вернется.

— Но я люблю тебя, люблю до гроба! Я всѣмъ готовъ пожертвовать для тебя! — съ жаромъ воскликнулъ Юліанъ, подходя къ ней.

Дѣвушка вздрогнула и остановила его рукою.

— Я говорила тебѣ, что нашъ бракъ невозможенъ, потому что мы далеко стоимъ другъ отъ друга. Любовь связала насъ... судьба раздѣлитъ не сегодня, такъ завтра; разстанемся, пока можемъ сдѣлать это безъ упрековъ и презрѣнія другъ къ другу.

Всегда спокойный и кроткій Юліанъ теперь первый разъ вышелъ изъ себя и воскликнулъ съ горечью:

— Да скажи-же мнѣ, наконецъ, что ты такое? Неужели ты развратная женщина, которая едва насладились страстью одного любовника — и уже ищешь другого? Ты привлекаешь къ себѣ и, подобно злодѣю, ограбивъ, бросаешь жертву посреди дороги, на милость и состраданіе прохожихъ. Я былъ покоенъ! Я любилъ тебя; но побѣдилъ-бы любовь, убѣждалъ-бы отъ нея, преодолѣлъ-бы себя, если-бы ты не очаровала меня своими обѣщаніями. По какому-же праву, отравивъ мнѣ жизнь, ты сама не хочешь пить изъ чаши, налитой твоею рукою? Ты не имѣешь на это права! Ты моя!

— Я свободна! — возразила Поля. — Вспомни, Юліанъ, я никогда не обѣщала пожертвовать тебѣ моею гордостью; ни разу не говорила: хочу быть твоею предъ алтаремъ и людьми. А ты самъ обѣщалъ жениться на мнѣ; я смѣялась надъ тобою, потому что этого не можетъ быть.

— Это должно быть!

— Нѣтъ!

— Стало быть, ты уже не любишь меня? — вскричалъ Юліанъ.

Поля потупила глаза и молчала.

— Да, не любишь, — прибавилъ Юліанъ. — Я былъ обманутъ, но этого не можетъ быть, я не могу жить безъ тебя!

Одинъ только Богъ знаетъ, что происходило въ сердцѣ бѣдной дѣвушки. Она хотѣла бѣжать, она чувствовала, что скажетъ Юліану всю правду, — такъ сильно страсть и мученье давили грудь ея; но она уже не могла владѣть собою, слабѣла. Къ счастью, пораженный отчаяніемъ, Юліанъ, вмѣсто того, чтобы успокоить Полю, началъ смѣяться надъ нею:

— Ты никогда и любить-то не умѣла. Я всегда былъ жертвою. Ты хотѣла испытать на мнѣ чувства, которыя предназначала другимъ. Теперь явился другой, потомъ явится третій, десятый. Ты чудовище — не женщина! Ты холодное твореніе, безъ сердца.

Поля не могла долѣе переносить упреки, зашаталась, задрожала, собрала послѣднія силы и убѣжала. Раздраженный Юліанъ возвратился въ свою комнату, но одиночество томилъ его, и онъ побѣждалъ къ Алексѣю.

Бѣдный Дробицкій сразу увидѣлъ по лицу Юліана, что происходило въ душѣ его. Подобно всѣмъ слабохарактернымъ людямъ, Карлинскій переживалъ рѣшительный кризисъ, истощая весь свой запасъ энергіи на короткое отчаяніе.

— Что съ тобою? — съ беспокойствомъ спросилъ Алексѣй.

— Я умираю! — восклицалъ Карлинскій. — Поля... Поля убила меня! Я готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для нея... она не любитъ меня... отталкиваетъ... Помоги мнѣ... спаси меня!

— Милый Юліанъ! — произнесъ Алексѣй, глядя на него съ глубокимъ состраданіемъ. — Давно я хотѣлъ тебѣ дать совѣтъ, да ты не принималъ его; потомъ я самъ сказалъ себѣ, что воротиться уже поздно. Признаюсь, я видѣлъ опасность твоего положенія, но могъ-ли я что-нибудь сдѣлать? Ты упалъ въ пропасть, безконечный лабиринтъ, и теперь я даже не могу предвидѣть, какимъ образомъ ты выйдешь оттуда здоровъ и невредимъ. Пожалуйста, не мѣшай меня въ это дѣло.

— Какъ? ты покидаешь друга въ опасности! Алексѣй, я не узнаю тебя!

— Послушай, — возразилъ Дробицкій. — Я понимаю любовь или святую, тайную и безнадежную, или идущую прямо къ

цѣли, т. е. къ алтарю. Ты говорилъ, что хочешь жениться на ней... Женись! больше ничего тебѣ не остается.

— Но она сама отвергаетъ меня.

— Тутъ ужъ я не знаю, что дѣлать!

— И я тоже. Пожалуйста, расспроси ее. Тутъ что-нибудь да кроется, я предчувствую измѣну... интригу, обманъ.

Алексѣй молчалъ, но, спустя минуту, отозвался:

— Употребляя меня въ посредники, ты нисколько не поправишь дѣла; скорѣе ты самъ можешь узнать отъ нея всю правду. Во всякомъ другомъ случаѣ я охотно готовъ оказать тебѣ помощь. Не буду скрывать, что, рѣшаясь жениться на Полѣ, ты встрѣтишь противниковъ не только въ матери и президентѣ, но и въ панѣ Аванасіѣ, въ паниѣ Аннѣ, во всей роднѣ своей, которая погубить скорѣе несчастную Полю, нежели позволить тебѣ на ней жениться. Собери-же свои силы и готовься къ борьбѣ, къ уединенной жизни, трудамъ и бѣдности.

— Съ насъ двоихъ будетъ очень довольно Карлина.

— Нѣтъ! — перебилъ Алексѣй. — Разсчитывай не на весь Карлинъ, какъ привыкъ ты думать, а на часть, которая останется тебѣ за выдѣломъ Эмилиа и Анны: они имѣютъ въ немъ равную съ тобою долю. На этой третьей части у тебя останутся еще долги.

Юліанъ взглянулъ на него сверкающими глазами.

— Бѣдности я не боюсь, — сказалъ онъ.

— Вспомни, что до сихъ поръ всѣ тебя ласкаютъ, а тогда ты будешь отверженъ всѣми.

— И Анною? Это быть не можетъ.

— Я увѣренъ въ паниѣ Аннѣ; у ней ангельское сердце, но предсказываю, что она не пойметъ любви твоей. Она сама никогда не любила.

— Что будетъ, то будетъ, только ты помоги мнѣ! Я самъ разспрошу Полю. Не понимаю, почему прибытіе этого безумца Юстина вскружило ей голову: онъ совершенно отуманилъ ее своею поэзіей... или она хочетъ только возбудить во мнѣ ревность? Необходимо кончить это дѣло! Я готовъ на все! Уговоримъ ксендза, обвиняемся тайно; потомъ я откроюсь маменькѣ и дядямъ, они должны будутъ согласиться.

— Но ты говорилъ, что Поля отказывается.

— Не думаю, чтобы она говорила правду. Она должна согласиться; она любила и любить меня, а я схожу по ней с ума, я умру безъ нея!

И бѣдный Юліанъ зарыдалъ, бросившись въ кресло.

Поля въ своей комнатѣ лежала лицомъ къ подушкѣ и также обливалась горькими слезами; проведя одинъ невыразимо тяжелый день, она должна была готовиться на слѣдующіе, чтобы испытывать двойныя мученія. Впрочемъ, она играла свою роль съ какимъ-то лихорадочнымъ одушевленіемъ; даже холодный президентъ глубоко тронуть былъ геройскимъ самоотверженіемъ дѣвушки.

Мечтатель Юстинъ, который носилъ въ душѣ своей только идеальное понятіе о любви, сначала съ недовѣрчивостью глядѣлъ на Полю, боялся насмѣшки, подозрѣвалъ ее, но когда замѣтилъ въ ея глазахъ блескъ какого-то дикаго огня, когда, наконецъ, уже не могъ обманываться въ словахъ дѣвушки, то почувствовалъ въ себѣ какъ бы новую силу, — послѣдняя завѣса упала съ глазъ его и открыла ему дѣйствительный міръ.

Поля съ трепетомъ и состраданіемъ замѣтила любовь, рождавшуюся въ сердцѣ поэта, и обмерла отъ страха. До сихъ поръ она обманывала себя надеждою, что сама падетъ жертвой. Въ первые дни Юстинъ спѣшилъ возвратиться домой, тосковалъ о своемъ уединеніи и тишинѣ, потомъ охотно остался въ Карлинѣ, началъ искать Полю, глядѣть на нее, улыбаться ей. Любовь поэта была такъ же проста и наивна, какъ онъ самъ. Онъ вовсе не скрывалъ своихъ чувствъ, не стыдился, не преувеличивалъ и прямо обнаруживалъ ихъ, такъ что постепенно развивавшуюся любовь легко можно было читать на устахъ и во взглядахъ молодаго человѣка.

Юліанъ видѣлъ все, но, связанный присутствіемъ президента, преслѣдовалъ Полю упреками и съ завистью глядѣлъ на поэта. Сколько разъ ни покушался онъ подойти къ дѣвушкѣ, Поля избѣгала его, садилась близъ Юстина, начинала съ нимъ странный разговоръ о поэзіи и прошедшемъ, восхищалась своимъ возлюбленнымъ; а послѣдній въ огнѣ блуждающихъ глазъ ея почерпалъ невѣдомую до сихъ поръ силу, порывался изъ спокойной сферы, въ которой жилъ доселѣ, и летѣлъ въ другую — высшую и болѣе лучезарную. Онъ занималъ дѣвушку разказами,

читалъ ей, открывалъ свои мечты и самыя сокровенныя мысли. Поля сидѣла точно на горячихъ угляхъ; слезы и улыбка свѣтилась на ея лицѣ. Въ дѣвственномъ сердцѣ поэта любовь была искрою на сухомъ кострѣ, предвѣстницей пожара, и одно дуновение разожгло ее. Юстинъ былъ въ горячкѣ и не узнавалъ себя.

Нѣсколько подобныхъ дней, которыхъ невозможно описать въ подробности, наконецъ обратили на себя вниманіе равнодушной Анны, не замѣшанной и не умѣвшей участвовать въ драмѣ, которая совершалась вокругъ нея. Необыкновенное состояніе Юліана, раздражительность Поли, восторги Юстина, неусыпная наблюдательность президента—все это начало беспокоить и эту холодную дѣвушку.

— Что значить все это?—подумала она. Бѣдный Юліанъ страдаетъ. Что же случилось съ нимъ?

Она сочла самымъ лучшимъ спросить объ этомъ Алексѣя; но Дробицкій не умѣлъ и не могъ объяснить ей настоящаго положенія дѣла.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что Юліану надоѣла однообразная жизнь въ Карлинѣ; ему нужно развлеченіе, разнообразіе. Юстинъ, какъ поэтъ, можетъ быть, влюбился въ pannу Аполлонію, а она...

— Замѣтили вы, какъ она измѣнилась съ нѣкотораго времени? — спросила Анна.

— Въ самомъ дѣлѣ... можетъ быть это, взаимная склонность!

— О, какъ бы это было прекрасно!

Анна радостно улыбнулась и прибавила:

— Онъ былъ бы счастливъ съ Полей, она поняла бы его, потому что и въ ней много поэзіи. Дядя Аванасій предназначаетъ своему любимому питомцу хорошую деревню близъ Шуры. Мы также могли бы сдѣлать что нибудь для Поли.

— Но все это однѣ догадки, — произнесъ Алексѣй со вздохомъ. — Посмотримъ еще.

— Я увѣрена, что мы угадали. О, какъ я радуюсь судьбѣ Поли! Бѣдная сирота! какъ трудно было ей найти человѣка, который бы оцѣнилъ ее! Большая часть молодыхъ людей испугались бы ея происхожденія!

Алексѣй улыбнулся.

— О, вы демократы! — воскликнула Анна, замѣтивъ его улыбку. — Можетъ быть, вы и правы, но старыя предразсудки, какъ старыя болѣзни: ихъ можно только облегчить, но вылѣчить совершенно — невозможно!

Анна ушла отъ Алексѣя въ самомъ веселомъ расположеніи духа, можетъ быть, уже думая о приданомъ для своей подруги и о будущемъ ея хозяйствѣ.

Трое молодыхъ людей сошлись вмѣстѣ на половинѣ Юліана. Юстинъ сидѣлъ въ задумчивости, Алексѣй — печальный, Карлинскій — безпокойный; онъ внутренно страдалъ. Онъ нѣсколько разъ измѣрилъ глазами своего противника, пожалъ плечами и воскликнулъ:

— О чемъ ты думаешь, Юстинъ, о новой поэмѣ или о новой жизни?

— О той и о другой, — отвѣчалъ Поддубинецъ.

— Признайся, ты влюбленъ?

— Не думаю, чтобы любовь моя могла принести стыдъ мнѣ или кому другому, и признаюсь, что я люблю.

— Полю? — спросилъ Юліанъ, стоя противъ поэта и дергая платокъ въ рукахъ своихъ.

— Ты угадалъ, — отвѣчалъ поэтъ, — я страстно люблю!

— Но какъ возникло въ тебѣ это чувство?

— Да такъ, какъ оно всегда возникаетъ! Любовь посылаетъ или Господь Богъ, или дьяволъ — не знаю.

— Но ты любишь?

— Безумно и первый разъ въ жизни!

— А она?

Юстинъ поднялъ на него глаза и произнесъ:

— Объ этомъ скажи ты, потому что самъ я ничего не знаю; посторонніе глаза видятъ лучше, нежели свои.

Юліанъ горько разсмѣялся.

— Она, какъ всѣ женщины, будетъ любить тебя до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ тобою совершенно, а потомъ броситъ тебя и предпочтетъ другого! Юстинъ! ты начинаешь опасную игру. Берегись! Отдать сердце легко, но нельзя взять его назадъ невредимымъ: всегда въ немъ будетъ недоставать чего-нибудь. Женщина терзаетъ сердце своего любовника, какъ ребенокъ ломаетъ игрушку.

— Сколько разъ ты любилъ, былъ любимъ и обмануть? — спросилъ Поддубинецъ.

— Довольно одного разу, чтобы помнить во всю жизнь.

— Но не для того, чтобы судить о всѣхъ.

— Такъ ты не боишься?

— Я? нисколько! — воскликнулъ поэтъ. — Для меня поэзія и любовь такія сокровища, которыя не потребуютъ отъ меня слишкомъ дорогой платы: они сами собою оплачиваются. Какъ поэтъ, я не нуждаюсь въ славѣ: я чувствую красоту и радуюсь, глядя на Божій міръ; этого мнѣ вполне довольно. Какъ любовникъ, я самъ люблю, и моя любовь возвышаетъ, облагораживаетъ и упоетъ меня. Если меня преслѣдуютъ насмѣшками, я питаюсь моимъ вдохновеніемъ. Если мнѣ измѣнять, то изъ земнаго существа, которое покинетъ меня, я создамъ себѣ идеаль, поставлю его въ душѣ моей и всю жизнь буду молиться ему. Воспоминаніе сообщить этой Галатѣ жизнь и душу.

— Ты упрямъ, какъ поэтъ! — произнесъ Карлинскій. — Съ тобою нечего дѣлать. Но что тебѣ вздумалось влюбиться въ птичку, которая своимъ щебетаньемъ прежде такъ надоѣдала тебѣ?

— Не случилось ли тебѣ когда нибудь, — отвѣчалъ Юстинъ, — гуляя по вашему парку, нечаянно находить новыя картины, которыя прежде не поражали твое вниманіе, а теперь представляются тебѣ невыразимо прекрасными? Такъ точно бываетъ и съ людьми. Поднимается завѣса, скрывавшая блескъ лица, одно слово указываетъ намъ брата, сестру, и изъ чужихъ мы дѣлаемся навѣки неразлучными.

Юліанъ запѣлъ какую-то арію и побѣжалъ въ садъ. Увидя вдали прогуливавшуюся Полю, онъ бросилъ поэта съ Алексѣемъ и поспѣшилъ къ ней. Поля шла тихими шагами и не замѣтила бѣжавшаго Юліана съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами. Она вскрикнула, увидя предъ собою молодого человѣка.

— Ради Бога, — воскликнулъ Юліанъ, — избавь меня отъ сумасшествія! Скажи, что съ нами дѣлается? Поля! не обманывай меня и убей сразу. Неужели мнѣ приснилось, что я больше всѣхъ былъ любимъ тобою? Или теперь снится, что ты избрала и полюбила другого?

— Панъ Юліанъ! — отвѣчала сирота, — прежде ты часто не

понималъ меня, теперь я не понимаю тебя. Имѣешь ли ты право запрещать мнѣ идти туда, куда я хочу?

— Вѣдь ты была моею?

— Была, но не общалась всегда принадлежать тебѣ. Я знала, что мы должны разстаться.

Слезы блеснули на ея глазахъ.

— Да, и начиная любить, ты уже знала, что перестанешь, — горько отозвался Юліанъ. — О, вы всѣ обманщицы; вы всѣ...

Карлинскій замолчалъ, видя, что Поля закрыла глаза и заплакала, не говоря уже ни слова и равнодушная ко всему, даже къ упрекамъ. Эти слезы воодушевили его надеждою. Онъ схватилъ руку дѣвушки и почувствовалъ, что она задрожала, вырываясь отъ него.

— Поля! неоцѣненная моя! ангелъ! Прошу, умоляю тебя, скажи мнѣ, что съ тобою? Испытываешь ты меня или уже не любишь?

— Не люблю! — произнесла несчастная, напрягая всѣ свои силы, — не люблю! Мы оба ошиблись. Я не умѣю быть постоянною... ты тоже скоро забудешь меня. Намъ осталось одно прошедшее. Забудемъ, чѣмъ мы были другъ для друга. О, только одного я прошу у тебя: не призывай и не проклинай меня! Будь сколько нибудь милостивъ и сострадательнъ ко мнѣ, добрый Юліанъ! Зато и Богъ будетъ къ тебѣ милостивъ.

Съ этими словами, совершенно непонятными для Карлинскаго, Поля вырвала у него свою руку и убѣжала. Юліанъ остался на мѣстѣ, какъ окаменѣлый.

Стоявшій вдали президентъ былъ нѣмымъ свидѣтелемъ всей этой сцены. Когда Поля ушла, онъ, увидя, что племянникъ его въ безсиліи упалъ на скамейку, тихо подошелъ къ нему, сѣлъ рядомъ и опросилъ:

— Что съ тобой? Ты нездоровъ.

— Нѣтъ!

— Такъ ты скучаешь? Это неизбежная болѣзнь горячей молодости — больше ничего. Тебѣ необходимо освѣжиться, разсѣяться.

Юліанъ отрицательно покачалъ головою.

— Я собственно пришелъ сообщить тебѣ превосходный планъ

прогулки, — продолжалъ президентъ, — и самъ хотѣлъ быть твоимъ товарищемъ; поѣдемъ вмѣстѣ.

— Куда?

— Увидишь. По двумъ причинамъ тебѣ необходимо думать о женитбѣ: во-первыхъ, твой характеръ требуетъ этого, во-вторыхъ, состояніе...

— Но я не могу жениться, не любя! — воскликнулъ раздраженный Юліанъ.

— Женись, полюбя кого нибудь: это конечно, важное условіе, — подхватилъ дядя. Но, чтобы найти жену, нужно поискать. А такъ какъ тебѣ необходимо жениться на богатой, то и поѣдемъ искать приличной партіи.

— На богатой-ли, на бѣдной-ли, но я не хочу! — вскричалъ Юліанъ, выходя изъ терпѣнія. — Я не хочу смотрѣть на бракъ, какъ на торговлю.

— И я также, — хладнокровно подтвердилъ президентъ. — Наконецъ, если тебѣ хочется быть бѣднымъ и жениться на нищей, можешь поступать, какъ тебѣ угодно. Только въ подобномъ случаѣ ты долженъ серьезнѣе представить себѣ, — что ожидаетъ тебя?

— А что? труды?

— Кромѣ того, строгая бережливость и совершенная перемѣна жизни. Тебѣ необходимо будетъ отречься отъ довольства, къ которому ты привыкъ, отъ того образа жизни, какой ведишь съ дѣтства, и приноровиться къ новому положенію. Я высчиталъ, милый мой, что, выдѣливъ свою часть Карлина, ты получишь около четырехсотъ душъ; имѣніе заложено, кромѣ того, на немъ есть частные долги. При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и дѣятельномъ хозяйствѣ такое имѣніе принесетъ тебѣ дохода не больше тридцати тысячъ золотыхъ. Изъ нихъ слишкомъ половину съѣдятъ проценты, и тебѣ останется на житье около тринадцати тысячъ. Конечно, можно прожить съ такими деньгами; но, кажется, до сихъ поръ ты на однѣ сигары тратилъ до тысячи рублей въ годъ. Далѣе, ты любишь лошадей; портной ежегодно стоитъ тебѣ до пяти тысячъ. Теперь видишь, что тебѣ придется слишкомъ ограничивать свои привычки.

Юліанъ слушалъ разсѣянно; впрочемъ, понялъ слова дяди,

безпокойно взглянулъ на него и не могъ сказать ни слова. Президентъ продолжалъ:

— Бѣдность слишкомъ привлекательна только въ книгахъ—такъ точно, какъ самыя простыя и разоренныя хижины прекрасны только на картинахъ фламандской школы; въ нихъ никогда не согласится жить даже и тотъ, кто рисовалъ ихъ. Надо слишкомъ закалить себя, чтобы устоять подъ желѣзною рукою бѣдности, не испортиться и не сдѣлаться существомъ обыкновеннымъ, раздражительнымъ, прозаическимъ. Правда, есть люди, умѣющіе съ необыкновенною силою устоять въ подобной перемѣнѣ судьбы, но они рѣдки, и ни ты, ни я не принадлежимъ къ числу ихъ.

— Потому что мы испорчены, милый дядюшка.

— Да, испорчены—непремѣнно!—подтвердилъ президентъ, —но чертовски трудно исправиться; по крайней мѣрѣ, я ужъ вовсе не думаю перемѣнить себя, а ты—какъ хочешь. Прежде всего хотѣлось бы мнѣ видѣть тебя спокойнымъ и счастливымъ. Я, какъ ты видишь, не нападаю на тебя, не приказываю, а только прошу серьезнѣе подумать о будущемъ и позволить мнѣ вмѣстѣ съ тобою попытать счастья. Я не думаю, чтобы ты былъ уже влюбленъ, и потому, какъ молодой чело-вѣкъ, сознающій потребность любви,—кто знаетъ?—можетъбыть, ты и заинтересуешь одну изъ тѣхъ паннъ, которыхъ я хочу тебѣ посватать. Сдѣлаемъ маленькую прогулку къ сосѣдямъ, а?

— Очень радъ,—отвѣчалъ Юліанъ,—но...

— Къ чему это *но*? Вѣдь я не отнимаю отъ тебя свободы; поступиай, какъ хочешь. Визитъ ни къ чему не обязываетъ.

На другой день президентъ и Юліанъ сидѣли въ каретѣ. Карлинскій еще до сихъ поръ не зналъ, куда они ѣдутъ—для него это было все равно: равнодушный—онъ позволялъ везти себя куда угодно и даже не спрашивалъ объ этомъ. Но когда они проѣхали полмили, президентъ приказалъ поворотить въ мѣстечко Ситково.

— А, къ Гиреевичамъ!—воскликнулъ Юліанъ, пробуждаясь отъ задумчивости.

— Да,—съ улыбкою отвѣчалъ дядя,—къ графу Юрію Караханъ-Гиреевичу... Правда, личность смѣшная, домъ смѣшной, претензій множество; но какъ бы то ни было, онъ носитъ ти-

туль австрійскій, воспитанъ не хуже другихъ, тщеславенъ больше другихъ и, что важнѣе всего, имѣеть единственную дочь и нѣсколько милліоновъ наличными деньгами.

— Скучные люди!

— Только смѣшные, это немножко лучше!—перебилъ президентъ.— Мы досыта наслушаемся музыки, наглядимся рѣдкостей, прекрасно пообѣдаемъ, ты увидишь панну—и мы возвратимся съ запасомъ смѣха на цѣлый мѣсяць. Но что касается богатства,—прибавилъ президентъ,—то имѣніе огромное, капиталы въ банкахъ, хозяйство великолѣпное, долговъ ни гроша. Притомъ, Ситково только въ двухъ миляхъ отъ Карлина, и фольварки даже граничатъ между собою. Откровенно скажу тебѣ, что Господь Богъ какъ будто нарочно создалъ панну Зенобію Гиреевичъ для одного изъ Карлинскихъ!

Юліанъ вздрогнулъ.

— Помни, что я никогда не буду ни уговаривать, ни принуждать тебя; поступай, какъ хочешь. Я вздохну, но представлю тебѣ полную свободу. Только не очень скучай тамъ. Мнѣ не хочется поселить въ Ситковѣ мысли, что я противъ воли затащилъ тебя. Тебѣ ничего не стоитъ быть немного повеселѣе!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.
